смена

Орден
Знак
Почета

смена

№6 ИЮНЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014

№6 июнь 2014

О жизни и творчестве
художника Джотто читайте на стр. 65

смена июнь 2014 16+

Штрихи к портрету

Алла Зубкова **Вечный странник** 4

Рассказ

Варвара Клюева **Мастер дежавю**....16

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Коронация с катастрофой** 28

Забытые страницы

Аркадий Бухов **Покойный Ливашин**.... 46

Неизвестное об известном

Татьяна Кулик **Чаепитие в Переделкино** 54

Илья Рюмин **Товарищ Инесса** 110

Шедевры

Ирина Опимах **Джотто и Франциск Ассизский** 65

Рандеву

Елена Воробьева **Беседа с Андреем Уваровым**.... 75

Минувшее

Денис Логинов **О чем не писал Дюма**....84

Житейская история

Евгений Татарский **Однажды ты проснешься...** 96

Поэзия

Алексей Борычев **Стихи**....106

Детектив

Наталия Солдатова **Танго в купе** 122

Кроссворд. Эрудит 188

смена

июнь 2014

Основан в январе 1924 года

№ 1796

Главный редактор, генеральный директор Кизилов Михаил Григорьевич

Заместитель главного редактора Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru

Арт-директор Веселова Надежда Александровна

Директор по распространению Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru

Web-редактор Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru

Корректор Чекова Валентина Михайловна

Обложка Андрей Уваров и Светлана Захарова в спектакле «Макбет». Фото Дамира Юсупова

Иллюстрации Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор» ОАО «Первая Образцовая типография»**
Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8900 экз.
Зак. №2413
Цена свободная
Номер подписан в печать: 21.05.2014

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Евгений Шувалов
г. Санкт-Петербург

У КРАЯ УКРАИНЫ…

У края Украины — окраины-руины, угрюмые равнины
ревнивы и ранимы.
Укрыли туч лавины, цвели в плач рьяно ивы,
И смех распылом берегинь утешит нрав Днепра.
И ворон ярко крикнет: сгинь! — кружась золой костра.
И соком ягоды-зари лед-месяц сжег уста.
Степная невидь догорит, томиться перестав.
К чужбине вольницу ревнует атаман.
И в братчину пьет мед, и вкладчину весь курень пьян.
Тоску нагайкой бьет и бродней ходит господарь,
Где ягод урожай, и леший — леса государь —
прикажет: заплутай!
И заведет в дремучий край, деревья сгрудив враз.
Краюху дашь — живи, но знай, коль нет, жди смерть сейчас.
И хриплый хохот черных птиц повиснет на ветвях.
Но тот, кто рос в краю станиц, тому не ведом страх.
Поет угрюмо дьяк хмельной в раскаты звонаря.
Казак чубатый, молодой — жених у алтаря.
И смех детей — нектар цветов — пьет вечер луговой,
Ватагу звезд звал в хоровод потешиться лаптой.
Увидит, в лодке двое вновь, полночная река,
У юной девушки любовь светлее родника.
И облака, и берег их укроют от молвы.
Есть ночь, и лодка, и река, а в лодке — лишь они…

Талант его уподобляли «матовому серебру», язык — «ледяной бритве». Странной и удивительной была судьба этого человека. Первый русский нобелевский лауреат в области литературы, он не закончил и полного курса гимназии. Потомок древнего дворянского рода — никогда не имел своего дома и знал лишь временные пристанища. В его жизни было немало женщин, но, обозревая в старости свой донжуанский список, он вспоминал не победы, а упущенные возможности и сожалел о них едва ли не горше, чем о ненаписанных книгах.

Алла Зубкова

Вечный странник

Иван Алексеевич Бунин родился 10 (23) октября 1870 года в Воронеже. Корни его семьи уходили в XV век. Бунин гордился своими предками, но особенно любил вспоминать о родстве с великим поэтом В.А. Жуковским, незаконным сыном Афанасия Бунина и пленной турчанки Сельмы.

Отец писателя, А.Н. Бунин, был личностью колоритнейшей. Он обожал охоту, держал легавую, гончих и борзых и слыл лучшим стрелком в округе, попадая в подброшенный двугривенный. Его страсть к охоте и пению старинных ро-

мансов под гитару имела, конечно, вполне невинный характер, чего, к сожалению, нельзя сказать о других увлечениях. Болезненное пристрастие к вину и карточной игре сыграло роковую роль в жизни стремительно бедневшей семьи. Тем не менее, Ваня боготворил отца, восхищался его охотничьими талантами, старался во всем подражать ему. Было это, правда, нелегко, псарня и конюшни старшего Бунина давно уже ушли в небытие. Ваня рано научился ездить верхом, но в отроческие годы у него была всего одна лошадь, подаренная отцом — Кабардинка, да старенькая двустволка. Впрочем, интерес к охоте Бунин сохранил на долгие годы. Уже будучи известным писателем, он предпринял путешествие по Египту и потом жалел, что не смог принять участие в охоте на львов, ему удалось добраться только до Асуана, а там «цари пустыни» еще не встречались.

Мать Бунина, Людмила Александровна, урожденная княжна Чубарова, была женщиной кроткой и весьма религиозной. Жизнь не особенно баловала ее. Муж, живущий не по средствам и разорявший семью, заботы о детях (из девятерых в живых осталось только четверо). Ваня был любимцем Людмилы Александровны, а так как она обожала поэзию, то сумела привить и сыну любовь к Жуковскому, Пушкину, Лермонтову. Читать мальчик учился не по букварю, а по «Одиссее» и «Дон Кихоту». В 1881 году он поступил в Елецкую гимназию. Поначалу учеба ему нравилась, за исключением математики, которую он возненавидел с самого начала. Но где вы видели будущего поэта, влюбленного в сухую «науку чисел»? Зато его все больше начинала привлекать «наука страсти нежной». Когда он приезжал на каникулы в уже разоренную отцовскую усадьбу, он все еще почитался «барчуком», и это открывало перед ним некоторые заманчивые возможности. Однако, как он с сожалением позднее вспоминал, по неопытности он тогда «инициативу проявлять не умел».

Не без юмора повествовал Бунин и о своем первом посещении публичного дома. Было ему тогда лет пятнадцать. Инициатива, естественно, исходила не от него, а от старших товарищей. Собравшись у городского вала, гимназисты для начала основательно «приняли на грудь», по очереди отпивая из большой бутыли водки и закусывая соленым огурцом. Брезгливый Бунин морщился от омерзения и пил, превозмогая себя. Затем, взяв извозчика, компания отправилась в «веселый дом». Бунин уселся в угол и, заикаясь, заказал бутылку пива. И почти тотчас же на его колени без приглашения плюхнулась грузная, уже не очень молодая женщина.

— Попьем пивка, потом приляжем, — тоном, не терпящим возражения, заявила она. Как он вырвался и добрался до дому, Бунин уже не помнил.

Кстати, этот эпизод произошел незадолго до того, как будущий писатель покинул гимназию. Случилось это из-за того, что он стал тяготиться чрезмерно строгим режимом и испортил отношения с начальством. В 1896 году он был исключен за неявку на занятия и неуплату за обучение. Так как денег в семье все равно не было, родители довольно легко примирились с его решением покинуть гимназию. Но Бунина вовсе не прельщала перспектива остаться недорослем. Под руководством старшего брата Юлия он усиленно занимался самообразованием, прошел едва ли не университетский курс по истории и литературе. К этому времени относятся и первые пробы пера. Пусть его стихотворения еще слабы и наивны — лиха беда начало. К тому же одно уже принято к печати, и это вселяло надежду.

В девятнадцать лет Бунин покинул почти разоренное родовое гнездо, и начались его странствия. Орел, Харьков, Полтава … Он — библиотекарь, корректор, статистик, торговец книгами. Увлекшись учением Л. Толстого, Иван стремился «опроститься» и одно время даже занимался бондарным ремеслом, набивая обручи на бочки, но это, конечно, лишь эпизод.

В 1889 году в жизни Бунина произошло важное событие. В Орле он познакомился и влюбился в молоденькую девушку по имени Варвара Пащенко. Она, как и он, работала в местной газете. Молодые люди стали жить в гражданском браке — родители девушки не желали дать согласие на ее венчание с бедным поэтом. Что ж, их можно понять, тем более, что ссоры между молодыми начались почти сразу же. Слишком уж разными они оказались. Бунин явно превосходил свою юную подругу пылкостью чувств, и это делало его более уязвимым. Развязка их отношений носила характер едва ли не трагикомический. После четырех лет «греховной связи» Варя получила, наконец, родительское благословение

В девятнадцать лет Бунин покинул разоренное родовое гнездо, и начались его странствия — Орел, Харьков Полтава… Он — библиотекарь, корректор, статистик, торговец книгами. Увлекшись учением Льва Толстого, Иван стремился «опроститься» и одно время даже занимался бондарным ремеслом, набивая обручи на бочки

на церковный брак и тут же … сбежала от Ивана, оставив записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай лихом». Трудно описать, что творилось с Буниным. Родные всерьез опасались, что он может наложить на себя руки. Удар для Ивана был тем тяжелее, что вскоре Варвара вышла замуж за его же друга. Позднее он отразил свои переживания в романе «Жизнь Арсеньева».

В молодости сердечные раны залечиваются быстро, и все-таки потребовалось целых четыре года, чтобы

Анна Цакни

Бунин освободился от болевого шока, связанного с крушением первой большой любви. Разумеется, Иван Алексеевич не жил затворником. Он был молод, красив и только-только начал вкушать плоды своей растущей литературной известности. Однако многочисленные любовные связи и увлечения не затрагивали его сердца. Он еще не знал, что всесильный Эрос, бог любви, уже натянул свой лук, готовясь поразить его стрелой. Ее звали Аней, Анной Цакни. Она была гречанкой, дочерью редактора одной из популярных одесских газет. Ее роскошная восточная красота поразила Бунина. Он проводил в семье Цакни все свободное время, а Аню называл своим «языческим увлечением». Вскоре они обвенчались. К сожалению, из семейной жизни Бунина опять ничего хорошего не получилось. Молодую женщину совершенно не интересовали литературные дела мужа. Уже через год Бунин написал брату Юлию: «Это осиновый кол какой-то … Она глуповата и неразвита, как щенок». Тем не менее, физически его попрежнему влекло к ней с непреодолимой силой, а когда Анна заявила, что у нее больше нет к нему чувства, Бунин снова, как когда-то с Варей, ощутил себя на краю пропасти. Ему пришлось все-таки смириться с ее уходом. Через несколько месяцев после их разрыва у Анны родился сын. Это был единственный ребенок Бунина, мальчик, однако, скончавшийся в возрасте пяти лет. Странно, но, покинув Бунина, Анна более двадцати лет не давала ему развода. Ну а свою новую и как всегда нежданную любовь Бунин встретил только в 1906 году в Москве. Вера Николаевна Муромцева из уважаемой профессорско-дворянской семьи была на десять лет моложе Бунина и очень красива, хотя и немного анемична. В отличие от прежних подруг Бунина, она разделяла его интересы и сумела стать настоящей верной спутницей и понимающим другом. Их брак долгое время не был освящен церковью, поскольку Анна Цакни дала Бунину развод только в 1922 году, когда он находился уже в Париже. В общей сложности Вера Николаевна прожила с Буниным сорок шесть лет.

Они много путешествовали — Европа, Египет, Святая земля, Индия, Цейлон.

Ничто человеческое не было чуждо Бунину. Радости стола всегда значили для него очень много. Иван Алексеевич был тонким знатоком вин и прочих спиртных напитков, а уж гурманом таким, что поискать. Он обожал дружеские пирушки, застолья. В свое время немало им было выпито с приятелями по «литературному цеху» Горьким, Куприным и А. Толстым. Кстати, в отличие от двух последних, меру свою он хорошо знал и похмельем никогда не мучился. Правда, однажды в Неаполе они с Горьким выпили чересчур много. «*Я танцевать пустился*, — вспоминал Бунин. — *Сколько народу собралось кругом. Смотрят, смеются … Совсем пьяны были я и Горький*».

Ресторанный быт он знал до тонкостей и умел описывать его, как никто другой: «*Через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским. Начали с перцовки …*»

Между тем литературная слава Бунина росла. В 1910 году его избрали в академию по разряду изящной словесности. Лев Толстой восхищался его талантом: «*Так написано, что и Тургенев не написал бы, а уж обо мне и говорить нечего*». Горький называл его «*первейшим мастером в современной литературе*». Ну а каковы были литературные пристрастия самого Бунина? Кого он любил и кого ненавидел? О, последних было неизмеримо больше. Собственно говоря, во всей русской литературе для него было свято только три имени — Пушкин, Толстой и Чехов. Он никогда не был поклонником таланта Гоголя и Достоевского. Что же до их человеческих качеств … «*Не знаю, кого я больше ненавижу, как человека, Гоголя или Достоевского*», — признавался Бунин. В свое время он очень

Иван Бунин и Вера Муромцева

высоко ставил литературное дарование Горького, но после революции, когда их пути разошлись, Горький, как художник и человек, перестал для него существовать. «*Когда же, наконец, раскусят этого плута, когда наплюют в эти бесстыжие зеленые глаза?*» — риторически вопрошал он.

Бунин органически не выносил никого из представителей русского Серебряного века. Вот лишь несколько его жестоких и далеко не всегда справедливых характеристик: «Цветаева с ее непрекращавшимся всю жизнь ливнем диких слов и звуков в стихах … буйнейший пьяница Бальмонт, незадолго до смерти впавший в свирепое эротическое помешательство, морфинист и садистический эротоман Брюсов». Так же нетерпимо он относился и к Маяковскому с его «корытообразным ртом», и к Есенину. Список можно продолжать до бесконечности.

Крайне пристрастный в своих оценках, Бунин, тем не менее, был в них всегда совершенно искренен. Прочитав роман Алексея Толстого «Петр I», он не мог скрыть своего восхищения и написал Толстому, которого часто клеймил за приспособленчество и низкопоклонство перед новым режимом: «*Алешка, хоть ты и … мать твою … но талантливый писатель. Продолжай в том же духе*». Надо сказать, что Бунин вообще питал большое пристрастие к ненормативной лексике. Это перешло к нему от отца. Однажды, уже в эмиграции в Париже, он со своим секретарем как-то ехал в такси. Шофер оказался русским эмигрантом. Как видно, решив подзаработать, он повез пассажиров дальней дорогой, и Бунин вдруг начал ругаться отборными сочными словами. Шофер обернулся и добродушно, словно вся эта ругань относилась не к нему, поинтересовался:

— А вы, господин, должно быть, из моряков? Ловко выражаетесь.

— Я не моряк, — строго и с достоинством ответил Бунин, — я почетный академик по изящной словесности.

Шофер просто покатился со смеху и долго не мог успокоится.

— Академик! Да уж, действительно, изящная словесность!

События 1917 года стали для Бунина личной трагедией. Сказать, что

он не принял революцию, значит, ничего не сказать. Новую власть он ненавидел всеми фибрами своей души, считая большевиков губителями России.

«*12 часов ночи,* — записал он в дневнике в конце ноября 1917 года. — *Сижу один — слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, мудрость… Передо мной бутылка № 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия. Где она теперь? О, Боже, Боже …*»

В этом же дневнике периода революции и Гражданской войны, опубликованном позднее под названием «Окаянные дни», Бунин писал о «панике и отчаянных зверствах тех дней». Ему казалась немыслимой жизнь в стране, где, как он считал «*три четверти народа за подачки, за разрешение на разбой, грабеж, отдает совесть*».

26 января 1920 года на греческом пароходе «Патрас» Бунин с женой покинули Россию. Константинополь, потом Болгария и Сербия. Наконец в конце марта Бунины прибыли в Париж. Ивану Алексеевичу суждено было прожить в эмиграции еще тридцать три года …

Как и другие известные русские писатели, он прозябал в бедности. Литературные гонорары были мизерны. Спасала помощь меценатов и эмигрантских фондов. Улучшения материального положения ждать было неоткуда. Впрочем … В Нобелевском комитете уже неоднократно поднимался вопрос о выдвижении его кандидатуры на премию. Впервые это произошло в 1922 году. Время, однако, шло, а реальных сдвигов не было. Более того, вскоре русских кандидатов стало уже трое — кроме Бунина, Куприн и Мережковский. Где-то маячила и фигура Горького. Вообще говоря, шведы были согласны разделить премию между тремя русскими. Просто сумма в шестьсот тысяч франков была бы поделена на три части. Предприимчивый Мережковский явился к Бунину с предложением — пусть тот из них, кто получит премию, отдаст другому 200 тысяч, это будет по-джентльменски. Бунин был джентльменом, но предложение отклонил. И как в воду глядел. В 1933 году Нобелевский комитет именно его объявил лауреатом.

Литературная слава Бунина росла, и в 1910 году его избрали в Академию по разряду изящной словесности. Толстой восхищался его талантом: «Так написано, что и Тургенев не написал бы, а уж обо мне и говорить нечего»

Для всех, включая самого Бунина, так и осталось загадкой, как разошлась немалая сумма премии. Бунины не были транжирами, не приобрели виллу на море или дом в Париже. Просто они были крайне непрактичными людьми. Деньги утекали сквозь пальцы. Возможно, не очень компетентными и честными оказались и консультанты, которым они доверили распоряжаться капиталом. Как бы то ни было, к концу тридцатых писатель снова был беден, как церковная мышь.

Летом 1926 года Иван Алексеевич встретил женщину, которая перевернула всю его жизнь. Галина Кузнецова, молодая поэтесса, вскоре стала ученицей, музой и возлюбленной стареющего мастера. Ради него она бросила своего мужа, бывшего офицера (первое время тот даже помышлял убить писателя), и поселилась недалеко от дома Бунина. Их роман не мог долго оставаться тайной.

Бунин всегда отличался тяжелым, неуживчивым характером. Он был эгоистичен, капризен, раздражителен. Вряд ли кто-нибудь, кроме тишайшей Веры Николаевны, мог так долго терпеть его выходки. Но на этот раз терпение и выдержка изменили даже ей. «Ян (Вера Николаевна всегда так называла мужа) сошел с ума на старости лет, — жаловалась она приятельницам, — я не знаю, что делать».

То, что произошло дальше, поистине удивительно и трудно поддается объяснению. Бунину удалось убедить жену, что между ним и Галиной ничего, кроме отношений учителя и ученицы, нет. В самом ли деле Вера Николаевна была настолько наивна, чтобы поверить в это, или она поступила так просто потому, что у нее не оставалось другого выхода, сказать трудно, но Галина была приглашена поселиться у Буниных на правах члена семьи. Этот удивительный любовный треугольник существовал в течение восьми лет. Понимал ли Бунин, что его отношениям с Кузнецовой вряд ли суждена долгая жизнь, ведь, в конце концов, она была на тридцать лет моложе его? Наверняка. Тем не менее, дальнейшие события стали для него неожиданным и жестоким ударом. Кузнецова оставила его не ради молодого и богатого красавца,

Как и другие известные русские писатели, Бунин в эмиграции прозябал в бедности. Литературные гонорары были мизерны, спасала только помощь меценатов и эмигрантских фондов. Но… в Нобелевском комитете уже неоднократно поднимался вопрос о выдвижении его кандидатуры на литературную премию, и в 1933 году именно Бунина комитет объявил лауреатом

а ушла … к женщине. Звали ее Маргарита, Марга Степун, она была певицей, вела богемный образ жизни. Иван Алексеевич был потрясен. Возможно, нанесенная ему рана так никогда до конца и не зарубцевалась.

Все годы Второй мировой войны семья Буниных прожила в маленьком приморском Грассе в крайней нужде. Затаив дыхание, следил писатель за великой битвой, которую вел его народ с фашистскими ордами. Он страстно желал России победы. Даже его ненависть к большивизму в этот период как будто ослабла. Он, казалось, сам был немало удивлен, когда в дни Тегеранской конференции неожиданно поймал себя на мысли, что беспокоится о безопасности Сталина, который должен был выехать в Иран. Гитлера он ненавидел люто. 1 мая 1945 года писал своему другу в Париж: «*Поздравляю с Берлином! “Mein Kampf” … повоевал, так его так! Ах, если бы поймали да провезли по всей Европе в железной клетке!*»

Буквально накануне Великой Отечественной войны А. Толстой направил Сталину письмо, в котором говорил о желании Бунина вернуться на родину. Бунин, кстати, его на это не уполномачивал. Ответа не последовало. До Бунина ли стало после 22 июня? Однако уже в 1945 году советское руководство вспомнило про первого русского нобелевского лауреата. Возвращение его домой было бы немалой политической победой. За Буниным принялись усиленно «ухаживать» сотрудники со-

Галина Кузнецова

ветского посольства. Более того, в Париж командировали Константина Симонова. Во время бесед с ним Бунин держался достаточно доброжелательно, однако вскоре Симонов понял, что в Советский Союз Бунин никогда не вернется. Это было бы для него предательством убеждений и принципов, которых он придерживался всю жизнь.

Великий русский писатель А.И. Бунин скончался в Париже 7 ноября 1953 года и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Он так и не вернулся к нам, но вправе ли мы осуждать его? Он сам выбрал свою судьбу и недешевой ценой оплатил этот выбор. Разве подобно булгаковскому Мастеру он не заслужил Покой?

Иван Бунин

* * *

В лесу, в горе, родник, живой
и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей
несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

* * *

В столетнем мраке черной ели
Краснела темная заря,
И светляки в кустах горели
Зеленым дымом янтаря.

И ты играла в темной зале
С открытой дверью на балкон,
И пела грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклон,

Что был над парком, — бледный,
ровный,
Ночной, июньский, — там, где след
Души счастливой и любовной,
Души моих далеких лет.

* * *

За рекой луга зазеленели,
Веет легкой свежестью воды;
Веселей по рощам зазвенели
Песни птиц на разные лады.

Ветерок с полей тепло приносит,
Горький дух лозины молодой...
О, весна! Как сердце счастья просит!
Как сладка печаль моя весной!

Кротко солнце листья пригревает
И дорожки мягкие в саду...
Не пойму, что душу раскрывает
И куда я медленно бреду!

Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно!

Горько мне, что я бесплодно трачу
Чистоту и нежность лучших дней,
Что один я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей.

* * *

...Зачем и о чем говорить?
Всю душу, с любовью, с мечтами,
Все сердце стараться раскрыть —
И чем же? — одними словами!

И хоть бы в словах-то людских
Не так уж все было избито!
Значенья не сыщете в них,
Значение их позабыто!

Да и кому рассказать?
При искреннем даже желанье
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья!

ПРИЗРАКИ

Нет, мертвые не умерли для нас!
Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят
на свиданье,

Что пыльных арф, висящих на стенах,
Таинственно касаются их руки
И пробуждают в дремлющих струнах
Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим; но и нас
Томит любовь, томит тоска
разлуки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
Те грустные и сладостные звуки!

* * *

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

* * *

Осыпаются астры в садах,
Стройный клен под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нем
Показалися всюду просветы,
И красив он в уборе своем,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвой
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!

Побродим же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,
Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья... ❑

Варвара Клюева

МАСТЕР

ä å æ à â þ

— Почему ты мне не сообщила?

Я пожалел о своих словах, едва они сорвались с языка. Бессмысленный вопрос, ответ на который очевиден. Мама хотела меня уберечь. Оградить сыночка от кошмара, от невыносимого бремени, легшего на ее плечи. Мне бы не упрекать ее, а в ножки поклониться, спасибо сказать за самоотверженность и заботу. Да вот беда: моя благодарность начисто растворилась в чувстве вины. Пока я ходил с океанологической экспедицией по южным морям, собирая материал для диссертации, мама два месяца бессменно дежурила в больнице у постели лежащего в коме отца, а потом еще полгода была домашней сиделкой при инвалиде, потерявшем память. И если, слушая мамин рассказ по дороге из аэропорта, я больше ужасался первому, то теперь, когда увидел виноватую улыбку отца, не узнавшего родного сына, начал догадываться, что последние полгода, пожалуй, были для матери испытанием пострашнее. Каково это — изо дня в день вглядываться в дорогие черты, скованные напряжением от чувства неловкости? Понимать, что родной человек не знает, куда деваться от твоего внимания — внимания назойливой незнакомки?

Мама прикрыла дверь кухни, где мы сидели вдвоем, и тихо сказала:

— Зачем, Андрюша? Что изменилось бы? Ты не смог бы нормально работать, рвался бы сюда, подвел бы людей, измучился сам. А чего ради? Чем бы ты помог?

— Ну... Подменял бы тебя в больнице, привез бы какие-нибудь лекарства.

— Раздобыть лекарства теперь не проблема. Только ничего нового для лечения травматической амнезии за последнее время не изобрели. А все старое мы уже перепробовали.

— И что теперь делать? Что говорят врачи?

— Советуют ждать и надеяться.

Я встал, сунул руки в карманы, прошелся туда-сюда по кухне, остановился у окна.

— Уродов-то этих хоть посадили? Тех, что сбросили лед папе на голову?

— Даже дела возбуждать не стали. Отец сам виноват: зашел за ленту ограждения, несмотря на предупреждающую табличку.

— Зачем?

— Должно быть, задумался и не заметил, — пожала плечами мама. — Ты знаешь, каким он становится рассеянным, когда обдумывает свою очередную гениальную идею... Обдумывал. Физику с математикой он тоже больше не помнит, и это, наверное, самое страшное. Если бы мне сказали, что память вернется к нему только частично, и спросили бы, чего я больше хочу: чтобы он вспомнил — меня или физику, я бы выбрала физику. Без нее Леня — уже не Леня.

Когда до меня дошел смысл ее слов, я покрылся холодным потом.

— Он что, вообще не помнит физику?

— Похоже на то. Я стараюсь не терзать его вопросами, но несколько раз подглядела, как он листает учебники. Просмотрит несколько страниц и хватается за голову.

Я отлепился от подоконника, покружил по кухне и снова сел к столу.

— Мама, мы должны что-то предпринять! Ему необходимо помочь.

— Как?

— Не знаю. Погоди, у меня вертится в голове смутная мысль... Вот. Если я ничего не путаю, все бульварные писаки и сценаристы мыльных опер возвращают память своим героям по одной и той же схеме. Герой попадает в обстоятельства, схожие с теми, при которых потерял память, в мозгу у него что-то щелкает, и все становится на свои места. Должно быть, эта схема имеет какое-то отношение к действительности: иначе зачем бы им всем поголовно за нее держаться? Но даже если это полная туфта, мы ничего не теряем, верно? Я к тому, что можно попытаться выяснить и воспроизвести все, что произошло с папой в тот злополучный день. Вдруг у него тоже что-нибудь щелкнет?

О шансах своей затеи на успех я старался не думать. Самая страшная часть любой беды — чувство беспомощности, понимание, что ты ничего не можешь изменить, как бы страстно того ни желал. До тех пор, пока

есть надежда что-то поправить, трагедия еще не трагедия. Не говоря уже о том, что «в минуту душевной невзгоды» гораздо легче действовать, чем ждать и надеяться.

В теории мой замысел выглядел просто. Поговорить со всеми, кто видел отца и так или иначе общался с ним в тот роковой день, попросить их по возможности подробно вспомнить, что они делали в присутствии отца, и что делал он, какой была обстановка, что происходило фоном. А потом, опираясь на эти воспоминания, написать подробный сценарий и воспроизвести для отца последний день его «мирной» жизни.

На практике задача оказалась трудно выполнимой, если выполнимой вообще. Начать с того, что отец был физиком-теоретиком, работал в академическом институте, и строгому расписанию не подчинялся. Если бы несчастье случилось с ним во вторник или в пятницу, собрать свидетельства было бы проще, потому что в эти дни в институте проводились научные семинары, которые сотрудники посещали в обязательном порядке. А по четвергам папины коллеги появлялись на работе, когда бог на душу положит, а то и не появлялись вовсе. К тому же, беда случилась больше восьми месяцев назад, а за такое время многое забывается и безо всякой амнезии. Даже маме, которая, казалось бы, должна была запомнить этот день на всю жизнь, пришлось искать свое учебное расписание за прошлый семестр, чтобы ответить на простой вопрос, говорила ли она с отцом утром.

— Нет, утром мы не разговаривали, — решила мама, полистав еженедельник. — Семнадцатого числа я вела первую пару, то есть из дома ушла не позже восьми. А Леня редко встает раньше девяти, он же у нас безнадежная «сова».

Трое молодых коллег отца, делившие с ним рабочую комнату в институте, не смогли вспомнить, когда он в тот день приехал на работу, и чем занимался. Они обещали подумать, покопаться в своих записях и перезвонить, если что-нибудь удастся выяснить, но у меня создалось впечатление, что они не очень-то верят в успех. Примерно так же отреагировали на мою просьбу соседи и немногочисленные друзья отца.

Я ждал от них известий, а тем временем усиленно раздумывал, что могло бы подстегнуть их память. Если бы мне самому понадобилось бы восстановить события восьмимесячной давности, у меня не возникло бы трудностей, поскольку в экспедиции я вел дневник. А до экспедиции? Компьютер! Ну, конечно! Если бы меня попросили вспомнить, что происходило в моей жизни до отъезда, я полез бы в компьютер, просмотрел бы почту, рабочие файлы, записи в «ЖЖ» и «ВКонтакте».

Я поспешил к отцу.

— Папа, ты не возражаешь, если я воспользуюсь твоим компьютером?

Человек с родным лицом и незнакомо несчастными глазами оторвал взгляд от экрана телевизора и вежливо ответил:

— Конечно, забирайте... Забирай. Мне он совершенно ни к чему.

Я, вообще-то, собирался посмотреть нужные данные в этой же комнате, но тут сообразил, что отец тяготится моим присутствием, кивнул и забрал ноутбук со стола. Провод зацепился за стопку книг, несколько упали на пол. Чертыхнувшись, я вернул ноутбук на место и наклонился, чтобы их подобрать. Увидел свой старый учебник по геофизике, и сердце защемило от жалости. По образованию я геолог, наши учебные пособия по физике, с точки зрения специалиста, — детский лепет. Должно быть, папа совсем отчаялся разобраться в любимом предмете, если дошел до чтения такого примитива. Мрачный и подавленный, я взял «комп» и ушел к себе. А спустя десять минут ворвался обратно в страшном возбуждении:

— Папа, зачем ты стер все файлы и удалил письма годичной давности?

— Я ничего такого не делал, — испуганно отрицал отец. — Даже не прикасался к этой штуке. Я не знаю, как она работает.

Мама, которой я немедленно позвонил, подтвердила:

— Ни разу не видела папу за компьютером с тех пор, как он вернулся из больницы. И, судя по пыли, которую я каждую неделю стираю с крышки ноутбука, наедине с собой Леня им тоже не пользуется.

— А сама ты туда не лазила?

— Я не настолько дурно воспитана. — Мамин голос заледенел. — Хотя ты, судя по всему, не видишь ничего дурного в том, чтобы...

— Мам, перестань! — перебил я ее. — Папа никогда ничего не скрывал. Вход в систему у него вообще не запаролен. А почтовый пароль он сам сообщил мне лет пять назад и с тех пор его не менял. У них на работе тогда полетел сервер, а ему срочно понадобилось какое-то письмо. И позапрошлым летом, когда вы ездили на дачу, он звонил мне, просил заглянуть в его ящик. Не было у него секретов, понимаешь?

— Значит, потом появились — раз он удалил свои файлы и письма.

— Если бы у него появились секреты, он сменил бы пароль и навесил бы дюжину других — куда только можно. Когда люди хотят что-то скрыть, они не уничтожают свою работу. Папины файлы стер кто-то другой.

— Кто? Зачем? — заволновалась мама.

— Хотел бы я знать. Похоже, кто-то решил воспользоваться папиным несчастьем и свистнул его рабочие материалы. К нему кто-нибудь приходил после выписки из больницы?

— Ну... да. Несколько раз заходил Павлик Гусев, потом эта троица — Заславский, Немерова и... как же его? Все время забываю фамилию. Внук академика, тоже физика...

— Лашкевич?

— Точно, Лашкевич. Один раз даже начальство изволило приехать — замдиректора Ступин. Соседи заходили... Кажется, все. Но ты же не думаешь, что они?..

— Мам, давай обсудим это вечером, когда ты вернешься. Пока.

Я повесил трубку и записал названные матерью имена. Павел Гусев — папин друг и бывший однокурсник. Дима Заславский, Полина Немерова и Рома Лашкевич — молодые сотрудники отца и его соседи по комнате в институте. Замдиректора Ступин. Все физики и даже теоретики. В принципе, любой из них мог решить, что рабочие выкладки папе больше не понадобятся. Зачем же пропадать добру, если можно с толком им распорядиться? Я даже не слишком осуждал такую точку зрения. Во всяком случае, мстительного чувства по отношению к воришке не испытывал. Но у этого человека были основания не желать, чтобы к отцу вернулась память. Он не скажет правды о том, что происходило в тот четверг, и постарается запутать других. Его нужно разоблачить.

Вопрос: возможно ли это? Если вор не дурак, он должен выждать какое-то время. Убедиться, что память к отцу не возвращается. Да и работу нужно довести до конца. Вряд ли в компьютере была готовая статья. Написание статьи — последний этап работы; сначала результаты докладывают на семинаре, а воровать то, о чем папа уже докладывал, не имело смысла. Короче говоря, папины идеи и наработки, скорее всего, еще не опубликованы. А разоблачить вора, который не начал сбывать краденое, очень непросто.

Может быть, отложить разоблачение на потом? Но тогда как воссоздать события того дня? Воспоминания любого из этой пятерки могут оказаться ложными, ведь неизвестно, у кого из них рыльце в пушку.

С другой стороны, кто сказал, что воссоздавать нужно все события? Может быть, нескольких минут, предшествовавших падению глыбы льда, будет достаточно. Мама говорила, что дело не стали возбуждать, потому что отец зашел за ограждение, несмотря на предупреждающее объявление. Значит, нашелся свидетель, который эту картину наблюдал. Только вот как его найти?

Тут меня осенило. Жена одного из моих одноклассников — следователь прокуратуры. Наверняка ей будет проще простого узнать имя свидетеля по своим каналам.

Я сделал пару телефонных звонков. Еще через полчаса Лена, жена Витьки Савченко, мне перезвонила.

— Свидетелей не было, — сообщила она деловито. — Рабочий, убиравший крышу, вниз не смотрел и ничего не слышал. Но институтские корпуса оборудованы видеокамерами, и одна из них зафиксировала несчаст-

ный случай. Тебе повезло — запись сохранилась. Диктуй «мыло», я тебе ее сейчас перешлю.

Просматривая запись в первый раз, я был слишком взволнован, чтобы замечать детали. Во время второго просмотра у меня появилось смутное подозрение. На третий раз оно переросло в уверенность.

Папа не был жертвой несчастного случая. Кто-то покушался на его жизнь.

Вечер. Расчищенная дорожка, обрамленная сугробами, освещена фонарями. Перед дорожкой щит с крупной надписью: «ОСТОРОЖНО! ИДЕТ УБОРКА КРОВЛИ!», вдоль дорожки красно-белая лента ограждения. Вдали беззвучно падают снежно-ледяные глыбы, взрывая осколками сугробы. Вот в поле зрения камеры попадает сутулая папина спина. Отец останавливается перед щитом, огибает его и идет по протоптанной справа от дорожки тропе. Где-то метров через пятьдесят останавливается, чтобы прикурить. Потом поднимает голову, смотрит куда-то влево и вверх и вдруг ныряет под ограждающую ленту. Делает четыре шага и падает, сбитый с ног бесформенной массой, обрушившейся ему на голову.

И все можно было бы списать на случайность — увидел человек что-то любопытное и подошел поближе, забыв об опасности — если бы не одно «но». Кучность и частота падения глыб — приблизительно раз в минуту — говорит, что крышу убирал один человек. А два последних куска льда упали с разницей секунд в десять, причем упали на расстоянии полутора десятка метров друг от друга.

Я просмотрел запись в четвертый раз, потом торопливо оделся и поехал в папин институт.

Сидя в офисном кресле в центре небольшой комнаты, служившей рабочим кабинетом отцу и трем его коллегам, я внимательно наблюдал за лицами молодых людей, столпившихся у монитора за одним из компьютерных столов. Несколько раньше, когда я сообщил о пропавших папиных файлах и письмах, на этих лицах отразились почти одинаковые чувства — удивление и недоумение. Потом, по мере того, как я рассказывал о других своих открытиях и выводах, реакция становилась более индивидуальной. Живое подвижное лицо записного остряка Заславского приобрело выражение нескрываемого скепсиса, лукавую скуластую мордашку Полины Немеровой исказило негодование, добродушная физиономия Ромы Лашкевича помрачнела. Теперь, когда они во второй раз просматривали запись, присланную мне Леной Савченко, маятник опять качнулся в сторону однообразия: на всех трех лицах сквозь тающее недоверие проступал ужас.

— Ради чего? — спросил потрясенный Лашкевич. — Вы в состоянии вообразить работу по физике твердого тела, ради которой стоило бы пой-

ти на убийство? Совершить революцию в этой области так же невозможно, как в классической механике!

— Господи, неужели это может быть правдой? — Полина подняла на меня умоляющий взгляд. — Леонид Карлович — лучший из всех, кого я знаю. Неужели какая-то мразь собиралась его убить?

— Думаю, это не те вопросы, которые занимают сейчас нашего гостя. — Записной остряк первым оправился от потрясения и взял привычный шутовской тон. — Ему гораздо интереснее, кто эта мразь. И, сдается мне, ответ на этот вопрос он надеется найти здесь, в этой комнате.

— Ты намекаешь, что Андрей подозревает одного из нас? — уточнил нечуткий к юмору Лашкевич.

— Это правда? — накинулась на меня Полина. — Ты действительно думаешь, что один из нас обокрал Леонида Карловича и сбросил на него груду льда?

Я трусливо ушел от прямого ответа.

— Ну, у меня есть некоторые основания так думать. Видите ли, я подсчитал число шагов, пройденных папой вдоль дорожки до того самого места, где он вдруг свернул к зданию. Повторив его путь, я поднял голову под тем же углом (мы с папой примерно одного роста) и увидел окна вашей комнаты. Это, конечно, не доказательство. Сюда мог пробраться кто-нибудь посторонний. Но постороннему сначала пришлось бы раздобыть ключ, а это показалось мне малореалистичным. В общем, начать я решил с наиболее правдоподобной версии. Вы сидели с папой в одном кабинете. Вы чаще других виделись и разговаривали с ним, он прекрасно ко всем вам относился. У вас были самые высокие шансы выяснить, над чем он работает, и узнать его почтовый пароль. У вас есть ключи от комнаты, на окна которой он смотрел перед тем, как шагнул под глыбу льда. Вы физики и работаете в той же области, что отец. Разве я не прав, решив рассмотреть ваши кандидатуры?

— Но мы не знали, над чем он работает! — возмутился Лашкевич. — То есть знали, разумеется, но это ни для кого не секрет. Геллер в соавторстве с Немеровой и Заславским писал цикл статей об электронно-фононном взаимодействии в кристаллических решетках. Там при всем желании не накопаешь ничего сенсационного.

— Погоди, Рома! — вмешалась Полина. — Помнишь мой день рождения? Димка с утра «подмел» все салаты, которые я притащила, в итоге вечером нам пришлось пить почти без закуски. Все тогда хорошо перебрали. Леонид Карлович подбивал вас на гусарские подвиги, а Димка обзывал его корнетом Савиным...

— Припоминаю, — сказал Лашкевич. — Леонид Карлович говорил, что мы напрасно смеемся, потому что он на старости лет ввязался в такую

авантюру, что корнет Савин рядом с ним — мальчик из церковного хора. Но какое отношение это имеет к его работе?

— Прямое, — поддержал Полину Заславский. — У меня тогда не получилось дожать нашего патриарха, но удалось выбить признание, что авантюра — научная.

— Когда у тебя день рождения? — спросил я Полину.

— Двадцать девятого ноября. Но отмечали мы, наверное, в другой день. Я могу посмотреть по календарю.

— Не нужно, — покачал я головой. — И что, больше разговоров на тему папиного научного авантюризма не заходило?

Они переглянулись.

— Не заходило. Мы все прилично наклюкались, и на следующий день уже не очень помнили, какую чушь мололи, — призналась Полина.

— А насчет того четверга вам что-нибудь удалось вспомнить?

— Я вспомнил, что в тот день не ездил на работу, — сказал Заславский. — Накануне в холле вывесили объявление, что будут чистить снег с крыши. В прошлом году эти деятели помяли мне машину. Сбросили тонну льда и отказались платить. Якобы я нарушил правила парковки. Ну, я и решил на этот раз прогулять мероприятие — от греха подальше.

— Я тоже вспомнил. У меня в тот день утром выпала пломба, — сообщил Лашкевич. — Я поехал на работу, но к обеду зуб разболелся, и я отправился к дантисту. Леонид Карлович застал меня буквально на пороге. Посоветовал надувать щеки, чтобы не морозить зуб.

— А я так ничего и не вспомнила, — понуро призналась Полина. — Пятницу помню хорошо. Я бегала, как ненормальная, по институту, искала помпон от туфли. Были у меня такие эпатажные красные туфельки с загнутыми носами и мохнатыми помпонами. Один из них где-то потерялся. Я чуть не плакала по нему, когда секретарша нашего шефа принесла новость про Леонида Карловича. Тут бы мне и разреветься, а слезы разом пропали. Я вообще потеряла чувствительность, как будто меня выпотрошили и набили ватой. Странное такое ощущение... А что было в четверг, не помню, хоть режь. В «ЖЖ» ближайшая запись за пятнадцатое число. Нас тогда Димка классно разыграл. Помнишь, Ром, ноги в шкафу?

— Ну, конечно, мне только и дела, что помнить его дурацкие розыгрыши, — буркнул Лашкевич.

— В тебе говорит зависть, сын мой, — назидательно произнес Заславский.

— Этот розыгрыш вовсе не был дурацким! — возмутилась Полина. — Мы все смеялись, как сумасшедшие. — Она повернулась ко мне. — Захожу я сюда утром, гляжу: на полу валяется какой-то коврик, а Димка, весь всклокоченный, скачет на одной ноге, а на другую пытается натянуть брючину.

Я удивилась, спросила: «Ты что, ночевал здесь?», и пошла к шкафу повесить куртку. Тут Димка загораживает шкаф собой и начинает нести какую-то ахинею. Я рассердилась, оттолкнула его, открыла дверцу и обмерла. Из Димкиного пальто торчат босые женские ноги! Я чуть не выскочила опрометью из комнаты. В последний момент увидела Димкину рожу и подняла пальто. Оказалось, он подобрал где-то манекен — попу с ногами — и протащил мимо охранника в институт. Разыграл нас как по нотам — всех по очереди.

Заславский скромно потупился и пробормотал голосом кота Матроскина:

— А я еще и на машинке умею...

— Шут гороховый! — припечатал его Лашкевич.

Я перевел на него взгляд и спросил сочувственно:

— Трудно быть внуком академика, да, Рома?

Он попытался изобразить холодное недоумение, но предательский румянец залил ему щеки, уши, шею и даже лоб. Поэтому высокомерное «Ты о чем?» — прозвучало жалко и неубедительно.

— Да так, ни о чем... Мне почему-то кажется, что, если мы пороемся в файлах на твоих носителях, там обнаружится что-нибудь эдакое. Революционное. Способное произвести сенсацию в физике твердого тела.

Румянец загустел до интересного бурачного цвета. Но Рома упрямо продолжал смотреть мне в глаза.

— В физике Земли, — поправил он. — Но это мои материалы.

— Разве физика Земли и физика твердого тела — не одно и то же? — удивился я, проигнорировав его последнее утверждение.

«Ну же, — мысленно подталкивал я его, — сболтни еще что-нибудь! Намекни, в чем суть идеи, чтобы я мог разыскать человека, втянувшего отца в эту «научную авантюру».

Лашкевич уже открыл рот, чтобы ответить, когда вмешался Заславский:

— Ромуальдыч, ты спятил? Думаешь, тебе удастся взорвать научную бомбу и утаить это от парня, подбившего Леонида Карловича на аферу? Или ты написал ему, что Геллер неизлечимо болен и передал незавершенные научные труды своему верному апостолу в твоем лице? Так тебе все равно придется сослаться на этого неизвестного гения при публикации. Рано или поздно мы узнаем, кто он, и установим авторство «твоих» материалов. Ты ведь не собираешься обрушить «сосулю» еще на одну голову? На что ты рассчитываешь, придурок?

Лашкевич даже не повернул головы. Его исполненный невыразимого чувства взгляд по-прежнему упирался в меня.

— Жаль, что тебя в этой экспедиции не сожрали акулы! Если бы не ты... — И закончил классической фразой всех разоблаченных негодяев. — Вы ничего не докажете!

Целый месяц снег таял, едва успевая долететь до земли, и только к концу декабря зима утвердилась в своих правах. Зато как утвердилась! Город за один день превратился в один большой сугроб. Мы с Полиной сбились с ног, прокладывая тропы в снежной целине. Успеть нужно было чертовски много: договориться с нужными людьми, найти реквизит, подготовить декорации. Наконец все было готово, и мы, усталые, как ездовые лайки после дневного перехода по зимней тундре, доплелись до ближайшего кафе.

— Почему ты подумал на Лашкевича? — спросила Полина, когда официантка поставила перед нами первую порцию двойного эспрессо. — Только потому, что он внук академика?

— Не только. Я искал человека, который попытается влиять на ход разговора. Ты знаешь, что у любого разговора есть естественное течение? Если внимательно следить за ним, искусственные повороты сразу становятся заметны. Сначала Лашкевич пытался внушить нам, что физика твердого тела с точки зрения новых открытий безнадежна. Потом — плавно подвести к мысли, что папины работы известны всему институту. Когда ты вспомнила про разговор об авантюре, Рома сделал вид, будто не понимает, какое отношение это может иметь к делу. Хотя, насколько я представляю себе пьяного Заславского, никому из вас не удалось бы пропустить мимо ушей папино признание в том, что «авантюра» научная. Далее Лашкевич задергался, когда ты начала рассказывать про розыгрыш, отпустил какую-то уничижительную реплику в надежде остудить твой пыл и разозлился, когда рассказ все-таки прозвучал. Но все это только подогрело мои подозрения. А заподозрил его я именно из-за родства с академиком.

— Странное основание для подозрений. Или ты где-нибудь читал, что по статистике потомки академиков — группа риска в смысле преступности?

— Преступности с плагиаторскими мотивами — наверняка. Хотя такую статистику вряд ли кто-нибудь собирал. Ты помнишь, с какой страстью он говорил о невозможности революции в физике твердого тела? Мне тогда подумалось: «Уж не затем ли ты ее выбрал, чтобы никто не ждал от тебя эпохальных открытий?» Видишь ли, я сам сын гениального физика и хорошо понимаю, каково это — чувствовать себя бледной тенью великого родителя. И это мне еще повезло! Отца всегда интересовала только наука, а не признание его научных заслуг, поэтому за степенями он не гнался и на академический Олимп не лез. И все равно я не пошел в физику. А Лашкевич пошел, значит, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы потягаться с дедом-академиком. А выбор специальности, в которой заведомо «прославиться нельзя», может говорить о том, что он «не потянул».

— Выходит, у нас с Димкой нет амбиций?

— Научных? По-моему, нет. Заславский и так получает от жизни удовольствие. Таким, как он, нет нужды кому-либо что-либо доказывать.

— А я?

— Ты умеешь восхищаться чужими талантами. Значит, в тебе нет ни грана завистливости и стремления к конкуренции. Кроме того, ты по-настоящему испугалась за папу. Ватное нутро — это про шок, про невозможность принять и смириться. Так бывает, только когда беда случается с дорогим человеком.

— Да. Леонид Карлович — чудо! Говоришь, я не завистлива? А вот и неправда. Я всегда завидовала тому, что у тебя такой отец. Господи, хоть бы у нас все получилось! Слушай, давай сходим в церковь, поставим свечку?

— Я вообще-то неверующий, — промямлил я. Потом решительно отставил чашку. — Но ведь Ему это все равно? Пойдем!

Я довел отца до угла институтского здания и сказал:

— Слушай, я забыл у охранника паспорт. Иди к остановке, я тебя догоню.

Папа послушно двинулся дальше, а я отбежал на несколько шагов и, крадучись, пошел за ним.

Он дошел до обрамленной сугробами дорожки, остановился перед щитом с надписью: «ОСТОРОЖНО! ИДЕТ УБОРКА КРОВЛИ!», и, обогнув его, побрел вдоль красно-белой ленты ограждения. Тишину институтского скверика периодически разрывал грохот сбрасываемого с крыши снега. Дойдя примерно до середины здания, папа остановился, привлеченный коротким вскриком, поднял голову и увидел обтянутую черными джинсами женскую попку и ноги в ярко-красных туфлях с загнутыми носами и большими пушистыми помпонами. Все это великолепие — женский манекен, филейная часть — свешивалось из открытого освещенного окна, создавая полное впечатление, что на карнизе третьего этажа лежит невидимая верхняя часть женщины, которая каким-то образом выпала из окна, но в последнюю секунду успела уцепиться за подоконник. (За эту часть реконструкции я особенно переживал, ибо не был уверен до конца, что Лашкевич подманил папу к окну именно таким способом.)

Папа ахнул, нырнул под ленту, сделал два шага, замер и вдруг крикнул приглушенно, почти шепотом:

— Поленька?! Не бойся, девочка, я здесь! Я тебя подстрахую! ❑

КОРОНАЦИЯ С КАТАСТРОФОЙ

Светлана Бестужева-Лада

16 мая 1770 года пышно разукрашенные кареты молодоженов и эскорта проследовали по парижским улицам. Это была свадьба французского дофина Людовика и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты. Вдоль шествия кортежа собралась огромная толпа, и, когда началась раздача бесплатных угощений, образовалась сильная давка, в которой погибло более тысячи человек.

Народ стал шептаться, что смерть людей на празднике молодоженов не принесет им счастья. Но и только. Никто не присовокупил к имени

дофина эпитет «кровавый», никто не винил его в гибели зевак, толпивших-ся на пути кортежа…

Спустя двести двадцать пять лет история повторилась в России — на коронационных торжествах императора Николая II. Но здесь, по мнению русских, во всем был виноват император, и только он. «Николай Кровавый» стало вторым именем одного из самых кротких самодержцев России…

Но обо всем — по порядку.

Последняя в истории России коронация стала самой пышной и самой дорогой, хотя об этом, естественно, никто не мог тогда догадываться. В стране было спокойнее, чем когда-либо, армия не воевала, но модернизировалась и увеличивалась, промышленность развивалась бурными темпами, торговля процветала. 128 миллионов подданных в подавляющем большинстве искренне благословляли воцарение нового императора.

Торжества должны были проходить в Москве с 6 по 26 мая 1896 года. Еще до начала торжеств в разукрашенную, принаряженную, вычищенную Москву стали съезжаться многие тысячи гостей.

Сенсацией стал приезд операторов-кинематографистов, присланных изобретателями кино французскими братьями Люмьер для того, чтобы снять документальный фильм о предстоящем событии. Кроме того, официально было аккредитовано рекордное для того времени число русских и иностранных репортеров — более двухсот.

Тверская улица, по которой должен был следовать в Кремль император, была разукрашена со всей доступной тогда роскошью, хотя и старыми традициями не пренебрегали: с балконов и из окон домов свисали ковры, шелковые и парчовые ткани. По стенам домов, по столбам и колоннам вились гирлянды живой зелени и цветов.

К ночи вспыхивала невиданная нигде доселе электрическая иллюминация, превращавшая Кремль в ог-ромный сказочный дворец. Иллюминован был и храм Христа Спасителя, и многие другие здания вблизи от Красной площади.

Император приехал в Москву 6 мая — в свой день рождения. Первые три дня он по традиции провел в Петровском дворце, а 9 мая состоялся торжественный въезд в Кремль. Вся территория от Петровского парка до Кремля была до отказа заполнена сотнями тысяч людей, занявших места вдоль царской дороги с вечера 8 мая. А с раннего утра 9 мая по Тверской и по бульварам потекла непрерывная кавалькада экипажей и всадников, встречавших императора с императрицей, которые медленно ехали в Кремль в открытой карете.

В журнале «Всемирная иллюстрация» об этом сообщалось так:

«Блестящие мундиры, сияющие каски, треугольные шляпы с плюмажем, роскошные халаты представителей Азии — все это очень эффектно выглядело при ярком освещении. Народ с видимым удовольствием и с выражением серьезного достоинства на лицах встречал и рассматривал съехавшихся в таком обилии иностранных гостей, гордясь таким проявлением уважения к нам со стороны всего света. К 12 часам все переулки, ведущие к Тверской, были затянуты канатами и запружены массой народа. Войска стали шпалерами по сторонам улицы. Из каждого окна дома московского генерал-губернатора, Великого князя Сергея Александровича, выглядывала масса зрителей; тут были и блестящие мундиры английских адмиралов, и испанцы, и японцы, и китайцы, и красивые фран-

цузские кавалерийские офицеры в блестящих, золоченых на манер древнегреческих, шлемах с развевающимися позади конскими хвостами. А длинный балкон был заполнен изящными дамами высшего света в роскошных белых туалетах и шляпах».

В полдень грянули девять пушечных залпов, и навстречу императору из Кремля в Петровский дворец выехал со свитой великий князь Владимир Александрович, а в половине третьего новые залпы и сплошной колокольный звон известили, что царь выехал в Кремль. Около пяти часов загремело «ура!» стоявших вдоль Тверской полков, грянули оркестры, и на белом арабском скакуне проехал император — молодой, торжественный и чуть уставший.

14 мая наступил день Священного Коронования. Сановники и знать начали съезжаться в Кремль уже с семи часов утра. В девять часов, открывая церемониальный выход, первой появилась на Красном крыльце вдовствующая императрица Мария Федоровна, под большим золотым балдахином. За нею хлынули придворные в расшитых золотом генеральских и камергерских мундирах.

Императрица прошла в Успенский собор, а еще через полчаса с Красного крыльца спустился взвод кавалергардов, зазвучали фанфары и трубы, и под стотысячное «Ура!» солдат, офицеров, горожан и гостей, сопровождаемые министрами, членами Государственного Совета и Сената, вышли Николай II и Александра Федоровна и направились к собору.

14 мая наступил день Священного Коронования. Сановники и знать начали съезжаться в Кремль с семи утра. В девять часов на Красном крыльце появилась вдовствующая императрица Мария Федоровна и прошла в Успенский собор, а еще через полчаса под стотысячное «Ура!» заполнивших Кремль солдат, офицеров, горожан и гостей вышли Николай II и Александра Федоровна и направились к собору…

На паперти их встретил митрополит Московский Сергий и, обращаясь к Николаю, в частности, сказал:

— Благочестивый Государь! Как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения.

Вступив в собор, Николай, взяв в руки державу и скипетр, прочел коронационную молитву, выслушал ответную молитву митрополита Палладия, отстоял торжественную литургию. Заключительным актом коронации был обряд миропомазания, когда освященным елеем на лбу помазанника рисуется крест. Обряд миропомазания должен был совершаться в алтаре, куда следовало пройти

через Царские врата. В этот миг снова ударили колокола и пушки, начиная салют в сто один залп.

Только Николай двинулся к алтарю, чтобы принять миропомазание, неожиданно лопнула бриллиантовая цепь с орденом Андрея Первозванного и упала к его ногам. Это тут же расценили как дурное предзнаменование.

Николай чуть приостановился, цепь и орден подобрали и внесли в алтарь. Эпизод оставил неприятный осадок, но вскоре забылся. Вспомнили о нем на 13-й день после начала коронационных торжеств — 18 мая — во время печально известных событий на Ходынском поле.

Но пока журналисты, описывая церемонию коронации, не жалели самых восторженных эпитетов:

«*В то время, как в Успенском соборе совершался торжественный обряд, площадь пред Чудовым монастырем представляла собою сплошную массу голов. Забор, отделявший ту часть площади, где сооружался памятник Императору Александру II, также был весь унизан народом.*

Но еще поразительнее была картина с Кремлевской набережной вниз на Москву-реку. Оба ее берега были заняты такою же сплошною толпою, как в Кремле, и вся эта многотысячная толпа народа чутко прислушивалась к тому, что делалось там, далеко от нее, за стенами Кремля, и чуть только раздавался там возглас «ура», как толпа повторяла этот возглас многотысячными устами, и несся он далеко-далеко по Замоскворечью, то замиравший, то подхватываемый вновь еще с большею силою...

Особенно величественна была картина, когда после коронования Государь Император и Государыня Императрица в коронах и порфирах под большим балдахином, несомым генералитетом, обходили московские соборы при торжественном колокольном звоне и непрерывных, все усиливающихся и усиливающихся кликах «ура». Эти приветственные клики дошли до высшей точки подъема, когда Государь Император и Государыня Императрица, взойдя по Красному крыльцу до верхней площадки, остановились и, повернувшись к народу, трижды поклонились.

«Ура!» загремело по всей площади, перекинулось за трибуны на площадь пред Спасскими воротами, как эхо, было подхвачено многотысячною толпой, стоявшею по берегам реки Москвы, и замерло где-то далеко-далеко…»

А теперь приходится перейти к прискорбному событию, омрачившему не только коронационные торжества, но и все последующее царствование императора Николая II.

К моменту коронации генерал-губернатором Москвы и одновременно командующим Московским военным округом — самым большим и самым важным в Российской империи — вот уже пять лет был дядя царя Сергей Александрович. Он был назначен на этот пост в 1891 году еще своим братом Александром III.

Среди множества мероприятий, предусмотренных коронационной комиссией, была запланирована и раздача 400 тысяч царских гостинцев.

Причем заранее известили и о дате, и о месте раздачи — 18 мая, Ходынское поле. «Гостинец» включал полфунта колбасы (200 граммов), сайку, кулек конфет, кулек орехов, пряник и памятную эмалированную кружку с царским вензелем, и все это было завернуто в яркий женский ситцевый платок. Так как подготовка к раздаче подарков происходила загодя, то москвичи, особенно беднота, с интересом следили за тем, что происходило на Ходынке, и внимательно прислушивались к циркулировавшим в городе слухам.

Когда рассматривался вопрос об охране порядка и привлечения для этого сил армии, то один из организаторов коронационных торжеств, дядя молодого императора, великий князь Сергей Александрович заметил, что верит в благоразумие народа, и потому будет достаточно сил одной полиции.

На Ходынском поле, где в обычные дни проходили войсковые полевые учения, построили царский павильон и двадцать бараков-складов, куда свезли подарки и сотни бочек водки и вина.

Вдоль Петербургского шоссе в сторону Ваганькова построили 150 павильонов-буфетов, помосты для выступлений артистов цирка и театров. Зрители должны были увидеть сцены из оперы «Руслан и Людмила», спектакль «Конек-Горбунок», народное массовое действо «Ермак Тимофеевич». С группой дрессированных животных должен был выступить Владимир Дуров.

Было решено использовать и традиционные развлечения простонародья на ярмарках и гуляниях — в нескольких местах Ходынки врыли высокие гладко обструганные столбы, на макушках которых должны были появиться сапоги, самовары, шапки

и иные призы для тех ловкачей, проворных и хватких, которые сумеют добраться до желанной награды.

Кроме того, по Москве гуляли слухи, что в каждом тысячном подарке лежит ассигнация — кто говорил в десять, а кто — и в сто рублей.

Следует заметить, что поле, пригодное для учебных боев и пехотных маневров, было покрыто солдатскими окопами, стрелковыми ячейками и траншеями. Кроме того, там были природные овраги и множество ям, оставшихся после добычи песка и глины.

Вот это и проглядели ответственные за народные гуляния, что было их основной ошибкой. Но и без ям и рвов при миллионной толпе невозможно обойтись без жертв — разве что число их несколько сократилось бы.

Среди собравшихся еще ночью (!) на Ходынском поле были не только бедные неимущие люди. Пришли сюда и ремесленники, и рабочие, и мещане. Как отмечал в своих «Дневниках» известный публицист и издатель А.С. Суворин: «С вечера было много народа. Кто сидел около костра, кто спал на земле, кто угощался водкой, а иные пели и плясали».

Узелки с подарками вместо 11 часов дня стали раздавать около 6 часов утра. Когда это началось, то вместо того, чтобы получать подарки по очереди, для чего были сделаны специальные проходы, по свидетельству того же Суворина, «народ с наружной стороны перелезал через палатки и набегал к проходам палаток с внутренней стороны. И с той и с другой стороны давили друг друга… Кто падал, того топтали, ходили по нему… Многие влезали на палатки, ломали крыши и доставали узелки».

Весть о том, что подарки уже выдают, и их может на всех не хватить, молниеносно облетела весь 500-тысячный народ, собравшийся на Хо-

дынском поле. И тогда «толпа вскочила вдруг как один человек и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы за нею гнался огонь. Задние ряды напирали на передние: кто падал, того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась всего 10–15 минут. Когда опомнились, было уже поздно. Погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека, раненых — несколько сот».

Известный московский репортер, впоследствии автор знаменитых книг о Москве и москвичах В.А. Гиляровский, единственный из газетчиков, оказавшийся на Ходынке, считал, что там собралось не менее миллиона человек, хотя по официальным данным — вдвое меньше. Эта гигантская масса была стеснена между линией павильонов-буфетов и все сильнее напирающими новыми толпами, подходившими из Москвы и боявшимися, что им ничего не достанется.

«*Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман… Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой. Стоящий возле меня, через одного, высокий благообразный старик уже давно не дышал: он задохся молча, умер без звука, и похолодевший труп его колыхался с нами. Рядом со мной кого-то рвало. Он не мог даже опустить головы*».

Другой свидетель ходынского ужаса, П. Шостаковский, вспоминал:

«*И до предела сжатая человеческая масса всей невообразимой тяжестью своей качнулась в сторону буфетов. Люди тысячами повалились в ров, прямо на головы стоявших на дне. Вслед за ними падали еще и еще, пока ров не был завален телами доверху. И по ним шли. Не могли не идти, не могли остановиться*».

По официальным данным, погибли 1389 человек и 1301 были ранены. И все это — итог массового безумия.

Николаю доложили о катастрофе в половине одиннадцатого утра. От него требовалось принять решение — или отменить все празднества и объявить траур, или, сделав вид, что ничего особенного не произошло, продолжать торжества, как ни в чем не бывало.

В тот день император записал в своем дневнике горькие слова:

«*Толпа, ночевавшая на Ходынском поле в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около тысячи трехсот человек. Я узнал об этом в десять с половиной часов… Отвратительное впечатление осталось от этого известия*».

Долго колеблясь, он принял, как и следовало ожидать, компромиссное решение: день закончить по старой программе, главным образом из-за того, что вечером должен был состояться бал у французского посла, и по политическим соображениям отменять его не следовало. А уж потом,

если будет возможно, празднества свернуть, заменив их посещениями больниц, раздачей пособий и всего прочего, приличествующего произошедшему несчастью.

Выполняя принятое решение, государь и государыня отправились на Ходынку, где уже были убраны трупы, и кровь засыпана песком. В два часа дня их императорские величества появились на балконе Царского павильона, грянул пушечный залп, заиграли военные оркестры, сотни тысяч людей обнажили головы и стали смотреть, как мимо павильона в четком строю пошли парадным маршем войска. Праздник продолжался, причем жители Москвы принимали в нем активнейшее участие.

Вечером императорская чета отправилась на бал к французскому послу, графу Луи-Густаву Монтебелло — поступок, которого журналисты и историки так и не смогли им простить, увидев за всем этим равнодушие и безразличие к человеческому горю. То, что в подавляющем большинстве особняков и домов Москвы также были свои балы и застолья, значения не имело.

Но так уж совпало, что прием у французского посла в России готовился задолго до коронации, и ему придавалось важное межгосударственное значение, так как он должен был способствовать налаживанию союзнических отношений между Россией и Францией. После приема давался бал.

Что было делать в этой сложной ситуации русскому государю?

Великий князь Сергей Александрович узнал на следующее утро, что Москва одарила его новым титулом — «князь Ходынский». А Николай и Александра Федоровна, понимая, что их пребывание на балу более чем двусмысленно, выполнив протокол, вскоре же уехали в Кремль.

19 мая утром они присутствовали на панихиде по погибшим и поехали по больницам, навещая раненых. Под впечатлением увиденного Николай II приказал выдать каждой семье по тысяче рублей за погибшего человека, оплатить похороны, а для осиротевших детей открыть особый приют.

Надо сказать, что раненые и пострадавшие в Ходынской давке осознавали свою вину в случившемся. После посещения их в больнице, мать Николая II, императрица Мария Федоровна, записала в своем дневнике:

«*Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме их самих. Они говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они как всегда были возвышенными и можно более чем гордиться, от сознания того, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу*».

Когда царская чета, обходя палаты, разговаривала с пострадавшими, многие из них «со слезами на глазах просили простить их, «неразумных», испортивших «такой праздник».

В том же 1896 году на Ваганьковском кладбище Николай II возвел храм в память жертв давки на Ходынском поле.

Тогда же было начато следствие, но через два месяца виновным при-

знали одного лишь московского оберполицмейстера Власовского, обвинив его в нераспорядительности и служебной халатности, после чего отправили в отставку.

Вот воспоминания о событиях генерала Джунковского, который наблюдал их от начала и до конца.

«...18 мая, в субботу, назначено было народное гулянье на Ходынском поле. Гулянье это было устроено на площади приблизительно в квадратную версту. Почти прямо против Петровского дворца устроен был императорский павильон, сооруженный в древнерусском стиле, кругом павильона был разбит садик с цветущими растениями и лавровыми деревьями. По обеим сторонам павильона были выстроены две трибуны, каждая на 400 мест, для чинов высшей администрации, а вдоль Петровского шоссе две трибуны для публики с платными местами по 5000 мест в каждой. Эти сооружения оставались на Ходынском поле и по окончании гулянья для парада. Затем по всему полю были раскинуты всевозможные театры, открытые сцены, цирки, качели, карусели, буфеты, ипподром для конских ристалищ и т.д.

Но главное, что привлекало народ, — это был ряд буфетов, их было несколько сот, они предназначались для раздачи населению царских подарков в виде художественно исполненных эмалированных кружек, тарелок и разных гостинцев. Вот по поводу этих подарков и ходили в народе легендарные слухи, будто эти кружки будут наполнены серебром, а иные говорили, что и золотом. Не только со всей Москвы и Московской губернии, но и соседних, ближайших губерний шел народ густыми толпами, некоторые ехали целыми семьями на телегах, и все это шло и шло на Ходынку, чтобы увидеть царя, чтобы получить от него подарок.

За несколько дней до праздника можно было уже видеть на этом поле биваки крестьян и фабричных, расположившихся то тут, то там; многие пришли издалека. Весь день 16 и 17 числа, со всех направлений, во все заставы, шел непрерывно народ, направляясь к месту гуляний. К вечеру 17-го была уже такая масса, что все поле было густо покрыто народом, народу собралось более миллиона. Самое большое скопление было, конечно, возле буфетов, из которых с 10 часов утра должна была начаться раздача царских подарков.

Народ, боясь пропустить очередь, занял места с вечера, стал плотной массой перед закрытыми барьерами, стал какими-то неудачными треугольниками. Между тем буфеты эти были устроены так, что между десятками буфетов под одной крышей имелись полутораааршинные проходы (аршин = 0,71 м), через которые и предполагалось пропускать со стороны Москвы народ на гулянье, вручая каждому узелок с угощениями и посудой. Параллельно буфетам тянулась, начиная от шоссе, глубокая, с обрывистыми краями и аршинным валом, канава, которая против первых буфетов превращалась в широкий ров, и тянулся он вдоль всех буфетов, оставляя на всем своем протяжении площадку перед буфетами шириной шагов 50.

На этой площадке комиссия, по-видимому, наивно и предполагала установить народ для вручения ему узелков и пропуска внутрь круга. Но, конечно, предположение это не могло оправдаться. На этой площадке не могла установиться и тысячная доля народа, собравшегося на гулянье.

Весть о том, что подарки уже выдают, и их может всем не хватить, молниеносно облетела весь 500-тысячный народ, собравшийся на Ходынском поле. Толпа вскочила и бросилась вперед. Задние ряды напирали на передние: кто падал, кого топтали, ходя по живым еще телам как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась 10–15 минут, а когда все опомнились, было уже поздно. Погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека…

Всю ночь с 17 на 18 мая толпа провела на ногах в страшной давке. Уже к полуночи не только площадка, но и вся яма была покрыта народом, все старались занять места поближе к буфетам, но только немногим удалось занять узкую гладкую полосу, остальные переполнили ров, который казался живым колыхавшимся морем. Толпа была и на другом берегу рва, и на высоком валу. К 3-м часам ночи все уже стояли на занятых ими местах, а народные массы все

прибывали и прибывали, теснота увеличивалась, сзади давили.

К 5 часам сборище народа достигло крайнего предела, перед одними буфетами стояло более полумиллиона народа. Жара была и духота нестерпимые. Ни малейшего ветерка. Все страдали от жажды, а между тем масса сковалась, нельзя было двинуться. Со многими делалось дурно, они теряли сознание, но выбраться не могли, т.к. были сжаты, как в тисках. Так продолжалось около часа.

Над этой почти миллионной толпой стоял от людских испарений пар, похожий на болотный туман. Этот туман скрывал толпу во рве. Дышать было нечем. Около 6 часов утра стали раздаваться крики о помощи. Толпа заволновалась и стала требовать раздачи угощений. В 2–3 буфетах начали раздавать. Раздались крики: «Раздают», и это было как бы сигналом к началу несчастья. Море голов заколыхалось. Раздирающие стоны и вопли огласили воздух. Толпа сзади наперла на стоявших во рву, некоторые взбирались на плечи и по головам шли вперед, происходило что-то невообразимое, артельщики растерялись, стали бросать кружки и узелки в толпу.

Не прошло и 10 минут, как буфеты были снесены, и вся эта масса, как бы пришедшая в себя, отхлынула назад, с ужасом увидала ров, наполненный и мертвыми, и изуродованными. Прибыли власти, началась ужасная работа — отделение живых от мертвых. Умерших обнаружено было 1282 человека, раненых более 500; покойников увозили в течение почти всего дня на Ваганьковское кладбище, где их приводили в известность, несчастных раненых отвезли в больницы и приемные покои.

Вот как стихийно произошла эта ужасная Ходынская катастрофа, омрачившая не только торжественные дни коронования, но оставившая и роковой отпечаток на все царствование несчастного царя Николая II…

Так как устройство народного гулянья было изъято из ведения генерал-губернатора и передано всецело Министерству двора, то я и не принимал в нем никакого участия, и принятие мер охраны также не касалось нашей комиссии — охрану на Ходынском поле также взяло на себя Министерство двора в лице дворцового коменданта. Обер-полицмейстером был Власовский, он был хорошим приставом… но чтобы быть обер-полицмейстером, — на это у него не хватало пороху. Кроме того, это был человек не общества, с ним никто не считался, он тоже, со своей стороны, был неопытен в обращении и сношениях с высокопоставленными лицами, не умел к ним подойти, а представители Министерства двора, устраивавшие народное гулянье, казались ему недоступными.

Между тем эти представители Министерства двора, конечно, не имели никакого понятия о толпе, при устройстве гулянья не приняли никаких мер предосторожности для избежания несчастий. Они наивно думали, что народ чинно соберется, затем, когда в 10 часов откроют буфеты, будет проходить спокойно, получать подарки, и что к 2 часам дня, ко времени приезда государя, все будет роздано,

и счастливый народ с подарками в руках встретит царя и царицу…

Все это было очень наивно. Кроме того, как можно было строить буфеты, из коих раздавали подарки, все в одном месте и так близко ко рву, — это уж совсем непонятно. Не могу не коснуться и другого вопроса, который мне особенно тяжел, — это роли великого князя во всей этой печальной трагедии. Как я говорил выше, устройство народного гулянья было изъято из его ведения и передано всецело министру двора. Великому князю как хозяину столицы, конечно, это не могло быть приятным, он реагировал на это тем, что совершенно устранился от всякого вмешательства не только по отношению устройства самого гулянья, но даже и по отношению сохранения порядка, отказываясь от преподачи каких-либо указаний по этому поводу. Обер-полицмейстер, очевидно, видя такое отношение со стороны хозяина столицы, также без должного внимания отнесся к принятию мер безопасности на Ходынке во время гуляний.

Как я ни уважал и ни любил великого князя, я не могу все же не осудить его за это полное отстранение себя от всякого вмешательства. Раз он генерал-губернатор, то этим самым он отвечает за сохранение порядка везде. Права принятия мер для этого у него никто отнять не мог, и поручение устройства гулянья министру двора не освобождало его от контроля над принятием необходимых мер порядка. А между тем он ни разу не посетил Ходынское поле, не ознакомился с мерами для поддержания порядка. Обер-полицмейстер также отнесся чересчур равнодушно, видя такое отношение со стороны своего начальника. Очень, очень все это было более чем грустно…

Я узнал об этой катастрофе в десятом часу утра, но и то смутно, передавали какие-то слухи. Я пошел к великому князю, которому уже было доложено об этом ужасе, застал его бледным как полотно, он ничего мне не сказал, поздоровался, но не произнес ни слова. Видно было, до чего ему тяжело, я тоже ничего не решился произнести. Мы без слов поняли друг друга. Я вышел. Он поехал к государю.

Тут опять сделана была крупная ошибка. Великому князю следовало намекнуть государю, что хорошо бы ему поехать сейчас же на место катастрофы — это был бы поступок, достойный царя. Увы! Не нашлось никого, кто бы подсказал ему это, а может быть, царь и хотел поехать, и его отговорили. Все может быть. Да, были сделаны крупные ошибки, эту ошибку несчастному царю не удалось загладить за все время своего царствования. Когда великий князь уехал к государю, мы, лица свиты, все ждали, что вот-вот государь поедет на место катастрофы, велит там отслужить панихиду.

Такой поступок царя заставил бы умолкнуть все пересуды, всю клевету, которую злонамеренные люди с злобной радостью стали тотчас же распространять. Чего только не стали сочинять, какой только грязью не забрасывали люди друг друга, каждый хотел выйти сухим из воды и клеветал на другого. А враги пользовались этим и чего только не распространяли. Я никогда не забуду этих ужасных дней.

В 2 часа дня их величества прибыли на народное гулянье, взошли на верхний балкон царского павильона. Многие держались того мнения, что надо было бы отменить гулянье, но я лично не согласен с этим мнением. Катастрофа произошла только на небольшом пространстве, все остальное необъятное пространство Ходынского поля было полно народа, его было до миллиона, многие только под вечер узнали о катастрофе, народ этот пришел издалека, и лишать его праздника вряд ли было бы правильным. Государь был бледен, императрица сосредоточенна, видно было, что они переживали, как им трудно было брать на себя и делать вид, как будто ничего не произошло.

Как только их величества вступили на крыльцо царского павильона, на крыше его взвился императорский штандарт и грянул выстрел салюта. Стоявшая перед павильоном масса народа сразу обнажила головы, и громовое «ура» вылетело из этих сотен тысяч уст. Это было потрясающе, шапки полетели вверх, раздались звуки гимна «Боже, царя храни», затем «Славься!». Государь пробыл 1/2 часа и все время по полю перекатывалось «ура», то слабея, то усиливаясь.

Кто не знал о катастрофе, не поверил бы, если бы ему рассказали о ней.

Я поднялся в павильон на верхний этаж, чтобы посмотреть на общий вид гулянья. Это было море голов, все поле было усеяно народом. Государь и государыня с гулянья направились в Петровский дворец. Я вернулся домой с чувством какого-то тупого отчаяния, ликование толпы, переполненные театры на гулянье, обед старшин — все это навело на меня еще большую грусть.

Вечером был бал во французском посольстве. Все были убеждены, что бал будет отменен. Увы! Опять была сделана непоправимая ошибка, бал не отменили, их величества приехали на бал. Мне ужасно не хотелось ехать, но пришлось. Я не танцевал, больше слонялся по залам, и вся эта роскошь, все великолепие бала как-то раздражали. На другой день в Кремле была совершена панихида по погибшим на Ходынке в присутствии их величеств и всей царской семьи.

В 2 часа дня их величества в сопровождении вел. кн. Сергея Александровича посетили Староекатерининскую больницу, откуда проехали в Мариинскую и в клиники. Везде их величества обходили палаты и бараки, где помещались раненые, и почти со всеми беседовали, расспрашивая подробности. Из 500 отвезенных в больницы более половины уже выписалось, переехав к себе домой, в каждой больнице оставалось не более 100 больных. Государыня ко многим больным присаживалась на койки и беседовала. На следующий день раненых посетила императрица Мария Федоровна.

По высочайшему повелению каждая семья погибших получила единовременное пособие по 1000 руб. из собственных сумм государя; кроме того, все расходы по погребению также были покрыты из сумм государя. Затем была учреждена комиссия под председательством губернатора, были собраны крупные суммы денег, кроме ассигнованных из Министерства финансов, и все семьи до самой революции получали пособия.

Для выяснения обстоятельств и истинных причин события 18 мая, стоившего жизни более 1000 лицам, возбуждено было предварительное следствие. В результате слетел Власовский — обер-полицмейстер. Великий князь [Сергей Александрович, дядя царя и губернатор Москвы] просил отставки, но государь ее не принял. 20-го хоронили погибших на Ваганьковом кладбище, перед этим на кладбище прибыл о. Иоанн Кронштадтский и утешал своим бодрым словом родственников почивших. Появление о. Иоанна произвело сильное впечатление на удрученных родных. Вечером 19-го должен был состояться бал у австрийского посла, но он был отменен и на 21 число назначен был обед у посла взамен бала…»

Из воспоминаний Александра Петровича Извольского, известного политического деятеля, министра иностранных дел России в 1906–1910 годах, человека либеральных взглядов:

«*Московская катастрофа, детали которой я имел тогда же случай узнать, неправильно толковалась и освещалась. Д-р Диллон в книге, которую я столь часто цитировал, утверждает, что ужасная катастрофа произошла в тот самый момент, когда императорская чета заняла свои места, приветствуемая военным оркестром, игравшим национальный гимн, и когда «полсотни миллионов голосов криками приветствовали самодержца Святой Руси и его супругу»*.

В действительности же произошло следующее. В это время я был русским представителем при Ватикане, и, так как папа Лев XIII был пред-

ставлен на торжествах посланником Аглигарди, князь Лобанов, русский министр иностранных дел, просил меня прибыть в Москву.

В Москве я остановился у моего кузена Муравьева, который был в то время министром юстиции, и каждый день я виделся с дядей моей жены, графом Паленом, которому была поручена роль главного распорядителя на торжествах.

Понятно, что я имел исключительный случай знать мельчайшие детали празднеств и всего, что происходило за это время даже во внутренней жизни двора.

Катастрофа произошла в очень ранний час дня и задолго до того, как император и его двор должны были прибыть на место торжеств. Через несколько минут после катастрофы мой кузен вызвал меня по телефону и, рассказав о случившемся, просил сопровождать его на место катастрофы, где он обязан был быть по должности...

Я провел большую часть дня на поле и возвратился в город только вечером.

Я не имел случая видеть императора в течение нескольких дней после катастрофы, но через Муравьева, графа Палена и других лиц из придворных кругов я был хорошо осведомлен о всех деталях того, что происходило в Кремлевском дворце в связи с катастрофой. Ввиду этого я могу засвидетельствовать, что Николай II был опечален происшедшим, и первым его порывом было приказать прекратить празднества и удалиться в один из монастырей в окрестностях Москвы, чтобы выразить свое горе.

Этот план был предметом горячего обсуждения в кругах царской свиты,

причем граф Пален поддерживал этот план и советовал императору строго наказать виновников, не считаясь с положением, занимаемым лицами, ответственными за происшедшее, и прежде всего великого князя Сергея, дядю императора и московского генерал-губернатора, в то время как другие, особенно Победоносцев и его друзья указывали, что это может смутить умы и произведет дурное впечатление на принцев и иностранных представителей, собравшихся в Москве.

Они говорили также, что публичное признание ошибки, совершенной членом императорской фамилии, равносильно умалению монархического принципа. Эти последние советы — увы — возымели больший успех, как это случалось и позже. Празднества продолжались. На этот день был назначен бал во французском посольстве в присутствии императорской четы и всего двора.

Посланник маркиз де Монтебелло и его жена, пользовавшиеся большой любовью в русском обществе, зная, что происходит в Кремле, ожидали, что императорская чета не будет присутствовать на празднестве и предполагали отложить бал. Однако он состоялся, и я отчетливо вспоминаю напряженность атмосферы на этом празднестве. Усилия, которые делались императором и императрицей при появлении их на публике, ясно были видны на их лицах.

Некоторые порицали французского посла за то, что он не проявил инициативы в вопросе об отмене бала, но я могу удостоверить, что маркиз и маркиза были вынуждены склониться перед высшей волей, направляющейся прискорбными советами, о которых я уже упоминал.

Граф Пален, бывший министр юстиции в либеральное царствование Александра II, хорошо известный сво-

им независимым характером и прямотой, был лично назначен императором рассмотреть дело, и найти виновных.

Благодаря близкому знакомству с ним я имел возможность день за днем наблюдать за результатами следствия, и я был удивлен той странной несогласованостью в работе различных ведомств, которая существовала в России.

В этом случае народное празднество, которое должно было собрать около миллиона человек, организовывалось двумя различными ведомствами — генерал-губернатором Москвы, великим князем Сергеем, и графом Воронцовым-Дашковым, министром императорского двора, из которых каждый взваливал вину за происшедшее на другого…

Было установлено, что если великий князь Сергей и не является единственным виновником катастрофы, то, во всяком случае, он должен нести ответственность.

Граф Пален, не колеблясь, потребовал его наказания, но встретил сильное сопротивление со стороны других великих князей и ультрамонархической партии.

В конце концов, некоторые из его подчиненных подверглись ответственности, а великий князь продолжал управлять древней столицей».

Потрясенная российская общественность не получила ответа следственной комиссии на вопрос: «Кто виноват?» Да и нельзя на него ответить однозначно. Скорее всего, в случившемся виновно роковое стечение обстоятельств. Неудачен был выбор места гуляния, не продуманы пути подхода людей к месту событий, и это при том, что организаторы уже изначально рассчитывали на 400 тысяч человек (число подарков).

Слишком большое количество людей, привлеченных на праздник слухами, образовали неуправляемую толпу, которая, как известно, действует по своим законам (чему немало примеров и в мировой истории). Интересен и тот факт, что среди алчущих получить бесплатное угощение и подарки были не только бедный рабочий люд и крестьяне, но и довольно обеспеченные граждане. Уж они могли бы и обойтись без «гостинцев». Но не удержались от «бесплатного сыра в мышеловке».

Так инстинкт толпы превратил праздничное гуляние в настоящую трагедию. Шок от происшедшего мгновенно отразился в русской речи: вот уже более ста лет в обиходе существует слово «ходынка», включенное в словари и объясняемое как «давка в толпе, сопровождающаяся увечьями и жертвами…»

26 мая на Ходынском поле состоялся парад войск коронационного отряда, численностью более 50 000. Парад прошел блистательно, при многочисленном стечении зрителей.

Того же числа в 9 часов вечера их императорские величества со всею семьей и двором отбыли из Москвы.

До октября 1917 года оставался двадцать один год и череда событий, куда более страшных и кровавых, чем Ходынская трагедия. Но предвидеть этого, разумеется, не мог никто. ❑

Аркадий Бухов

ПОКОЙНЫЙ Ливашин

I

Сначала что-то очень зарезало в боку, стало холодно сердцу, и в горле внезапно родилась, разбухла и деревянным прикосновением сдавила его стенки какая-то тяжелая сухая пробка.

Ливашин хотел поделиться с окружающими, что он умирает, но те уже догадались об этом, и в комнате поднялась суетня. После этого прошло два-три часа какой-то темноты, ничего непонимания, и, наконец, Ливашин почувствовал, что теперь ему стало легко, что он лежит на столе, а около него много знакомых и незнакомых людей.

— Здорово я пугнул вас, — с улыбкой сказал он, — заставил-таки на себя поработать...

Никто ему не ответил, как будто бы не расслышав его вопроса. Только жена Ливашина, горестно взглянув на него, пробормотала:

— Прощай, Вася.… На кого ты меня покинул?

— Не беспокойся... Конечно уж не на господина Ишуткина, который только этого и дожидался, — проворчал Ливашин. — Успела, поди, ему позвонить?

Жена не ответила, разгладила большой носовой платок и стала красной меткой вытирать слезу из правого глаза.

— Удивительный человек был покойник, — с болезненной печалью в голосе прошептал Ливашинский квартирант, покачав головой, — редко-

го бескорыстия человек. Бывало, зайдет ко мне в комнату: а что, Иван Сергеевич, может, нуждаетесь? А что, Иван Сергеевич, может, нужно чего?

— Позвольте, позвольте, — возмущенно отозвался Ливашин,— когда это было? Вы бы лучше отдали мне сорок рублей, а потом за мое бескорыстие схватились...

По-видимому, квартирант не слышал упрека. Он еще раз горестно покачал головой, подошел к Ливашину и сочно поцеловал его в губы, обдав жирным запахом подсолнечного масла.

Ну, это слишком! — резко заявил Ливашин. — Будет, поиздевались!

Он сделал попытку встать со стола и почувствовал, что это удалось ему страшно легко. Невесомый и невидимый, он спрыгнул на пол, произведя шум не больше, чем это сделало бы мушиное крыло, упавшее с крыши на тротуар, но когда оглянулся назад — обомлел от ужаса и необычайности: на столе лежал он сам, Ливашин, с закрытыми глазами, со сложенными на груди руками, тщательно прикрытый до подбородка простыней.

— Да, кажется, я действительно умер, — грустно сказал он. — Допрыгался, Вася...

Потом отошел немного в сторону и, заметив только что прибывшего Ишуткина, прошел сквозь него. Это еще раз подтвердило правильность его диагноза о своем состоянии.

II

Когда Ливашинское тело уложили в гроб и поставили на катафалк, сам он сел сбоку на крышку и стал наблюдать за похоронами.

— Удивительное дело, — говорил Ливашин, пользуясь тем, что его никто не слышит, — откуда только они выкапывают это. Сейчас вот Сумичев этот... Подходит к жене и начинает: дух его с вами, плачет над вами, убивается... Откуда этот лысый дурак знает? И с чего я стану плакать над ней? Женщина она здоровая, ест, как лошадь, в театре может целый високосный год просидеть, а уж насчет мужчин... Не будь я покойником, кое-кому не пришлось бы идти на моих похоронах...

К катафалку подошел бывший начальник Ливашина по конторе, снял котелок, подумал немного, почесал переносицу и деловито заметил:

— Мир праху твоему...

— Вот оно что? — огрызнулся Ливашин. — Мир? А если этот самый прах сейчас четыре версты на этой колымаге повезут по камням и по ухабам — это, по-твоему, мир? Да? Взять бы этот прах за ноги да хватить тебя, толстого осла, по черепу...

Начальник ушел, а к катафалку протискался седенький старичок, когда-то продавший Ливашину мебель с гнилой кожей, и ткнул маленький веночек.

— Трешницу заплатил? — хмуро спросил Ливашин. — Больше-то не мог, сквалыга? На саван оставил? Ничего, там встретимся, я тебе этим веночком-то трехрублевым...

— Да будет тебе земля пухом, — пробормотал вежливо старичок.

— Да уж надеюсь, что не булыжниками, — заворчал Ливашин. — Этого еще не хватало. Иди, иди, дедка… Еще насморк схватишь, на лекарство истратишься…

Катафалк тронулся. Ливашин слез, смешался с толпой и где-то уже через минуту ругал факельщика:

— Ты цилиндр-то начистить не мог? Факел-то поправить тебе трудно было? Даром хоронишь, я тебя спрашиваю?..

Потом снова вскочил на катафалк, приоткрыл гроб и сочувственно посмотрел на свое тело.

— Лежишь, брат? Ну, лежи... Ничего, брат, не поделаешь, всех так свезут...

И такой нежностью вдруг заболела душа Ливашина к этому спокойному телу, что захотелось погладить его или сказать что-нибудь приятное.

— Сейчас, брат, приедем… Ляжем в могилку, и будет у нас покой. Ни тебе службы, ни тебе — в гости, ни тебе — на извозчике...

III

Первые несколько дней Ливашин блаженствовал. Он бегал по кладбищу, знакомился с покойниками, забегая поболтать с одним старым чиновником в фамильном склепе, а когда надоедало, возвращался в могилу, влезал в тело и сладко потягивался,

— Так сказать, казенная квартирка, — хвастался он насчет своего тела чиновнику из склепа, — жаль только, если испортится ... Сами понимаете — и червь завестись может, и сырость… За всем не усмотришь…

Чиновник, у которого остался только скелет, отчего ему было жестко и неуютно, обиженно завидовал и умолкал.

На кладбище жизнь шла мирно и тихо. Массу смеха и развлечения доставляли одинокие прохожие, случайно проходившие мимо кладбища и испуганно дрожащие. Новый приятель Ливашина, молодой самоубийца из хорошей семьи, всегда ругал таких прохожих нехорошими словами.

— Ну, не дурак? — возмущенно спрашивал он кладбищенских старожилов. — Идет и боится, изволите ли видеть… Когда женился, сам давал жене возможность заводить любовников — это ничего; в клуб едет, где его обчи-

стят, как курицу — тоже не страшно; шубу с него на улице стащить могут — и это ему нипочем... Как птичка ходит.. А когда мимо нашего брата — так зуб на зуб не попадает... Кретины, право...

— И чего боятся, не понимаю, — соглашался Ливашин.

И ему уже казалось странным, как можно держаться за жизнь, которая вся представлялась ему теперь поисками обедов, квартир, капризных женщин, извозчиков и дров. Самоубийцы теперь ему казались делягами-карьеристами, которые быстро поняли суть дела и сразу перешли на лучшее положение.

— Спокойное наше состояние, — сладко сказал он, — очень даже спокойное.

— Не скажите, — вежливо заметил опытный покойник, сидевший сбоку, — у нашего брата тоже подневольные дела бывают...

— А что? — испуганно откликнулся Ливашин.

— Тревожат оттуда, требуют бездельники разные. Очень даже беспокойное время переживать приходится.

Больше ничего опытный покойник не объяснил. Ливашин ушел к себе встревоженным и немного огорченным. Дня три-четыре он не выходил из могилы, додумываясь, что, собственно, может нарушить его покой.

И, наконец, это настало.

IV

— Дух Ливашина, приди к нам.

Ливашин прислушался, откуда донеслось это к нему, вышел из могилы и, встретившись с соседом, удивленно поделился с ним, что его зовут.

— Ну, что же, все ходим, — прошамкал сосед. — Идите!

— Может, отказаться? — робко спросил Ливашин.

— Неудобно, Ливашин. Недавно умерли, а от своих обязанностей хотите...

Ливашин пошел на приглашение.

В квартире его бывшего сослуживца Варлева было довольно много гостей. Все сидели в полутемной комнате, с одной свечой на столике, которая освещала блюдечко на нем.

Было много знакомых, и Ливашину хотелось порасспросить о многом, но лица у всех были серьезны, и он остался в уголке.

— Ливашин, здесь ли ты? — загробным голосом спросил сам Варлев.

— Здесь, Миша, здесь, — с улыбкой ответил Ливашин, но, вспомнив по прошлому, что его все равно не услышат, замолчал,

— Здесь ли ты, дух Ливашина? — снова спросил Варлев. — Покажи блюдечком.

— Как же я им покажу? — удивился Ливашин. — Я блюдечками объясняться не привык...

— Если ты здесь, пусть блюдечко зашевелится, — предложил Миша Варлев.

— Ну, это иное дело, — улыбнулся Ливашин. — Изволь.

Он ткнул блюдечко, которое шмыгнуло по бумаге, вызвав этим примитивным движением взрыв восторга у варлевских гостей. Сам Варлев сразу обнаглел и развязно заметил:

— У меня это живо… Это может у Мишатиных дух по два часа, как корову из ямы вытягивают… А у меня чуть блюдечко на стол поставишь — дух уже тут как тут. — И при благоговейном молчании гостей добавил: — Иной раз даже неловко… Чай накрывают, только к буфету подойдешь за блюдечком, а уже оно само из рук рвется, и дух в стену царапается...

— И все Ливашин?

— Преимущественно. Впрочем, и другие заглядывают...

Ливашину сделалось немного обидно, но он смолчал, сжался, юркнул под блюдечко и стал ждать. Мрачный гость, который не курил, ел только рыбу и почему-то всегда пах сигарой, что он приписывал благородству происхождения, задал вопрос: сколько у него денег в кармане.

Ливашин осторожно выглянул из-под блюдечка, пересчитал неведомой рукой смятые бумажки в чужом кармане и быстро задвигал блюдечком.

— Не стоило из-за твоих двадцати двух рублей человека из могилы таскать, — заворчал он. — Нашел тоже бухгалтера...

— Двадцать два рубля, — торжественно прочел Варлев. — Изумительно! Господа, может, еще кто-то желает?

Разбойничье напудренная девица торопливо писала что-то на бумажке, сложила ее, сунула под бумагу с буквами и вежливо попросила:

— Будьте добры, дух... Ответьте мне...

— Сударыня, — галантно сказал Ливашин, зашевелившись под блюдечком, — если такая очаровательная девица...

— С духом так нельзя, — наставительно заметил Варлев. — Духа надо на «ты». Это уж так принято. Иного обращения он и не поймет... сами понимаете... Взять хотя бы извозчика. Того тоже на «вы» назовешь — вдвое возьмет...

— Ты это к чему? — насторожился Ливашин. — Может, ты еще скажешь, что я у тебя за деньги работаю, животное? Вот выйду из-под блюдечка, зазовешь еще хоть раз меня...

Потом прочел записку, слетал на соседнюю улицу и, познакомившись там с каким-то олухом, любезно ответил блюдечком напудренной девице:

— Любит. Женится.

— Мерси, — поблагодарила девица.

— И благодарить ихнего брата нельзя, — упорно советовал Варлев. — Дух от этого хамеет и разленивается.

С некоторого времени он взял по отношению к Ливашину покровительственный тон антрепнера к выходной актрисе: наобещал всем гостям Ливашинскую работу, уверял, что Ливашин ему остался должен сто рублей и две бутылки коньяку и теперь отрабатывает через блюдечко.

Через несколько минут все набросились на блюдце с вопросами; сначала с некоторым трепетом спрашивали о будущем строе в России, а потом уже, нехотя и позевывая, дошли до того, куда пропал рыжий сеттер городского землемера, и как будут звать новую горничную.

Ливашин обиделся и перестал отвечать. Блюдечко остановилось, как верблюд перед забором. Ливашин вылез и, пройдя через ухо дремавшего на кресле кота, пошел к себе.

— Ну, как? — спросил его сосед, вытряхивая стружки из гроба и проветривая могилу. — Были?

— Замучили, черти… Что я им, хиромантка, сыскная полиция, что ли? Оседлали...

— И не говорите, — посочувствовал сосед, — как привяжутся к покойному — не оторвешь…. То ли еще будет!

— Ну, уж это положим...

Ливашин долго ворочался в гробу и кряхтел; хотелось кому-нибудь пожаловаться.

V

С этой ночи началась каторжная жизнь. Где бы ни был Ливашин — разглядывал ли новую могилу, ссорился ли с ворчливыми скелетами у ограды; или засиживался в мирной беседе где-нибудь в уютном склепе — неизменно подходил к нему дежурный по кладбищу и вежливо уведомлял:

— Это вы Ливашин? Требуют.

— Куда?

— На Рассохинскую, угловой дом, квартиру не расслышал — сами узнаете.

— Может, кто-нибудь другой пойдет? — уныло спрашивал Ливашин. — Одиннадцатую ночь подряд работаю.

— Ничего не могу, — разводил костями дежурный, — молодых нельзя, а старики все разобраны по знакомым.

И Ливашин, поеживаясь, шел по воздуху на надоевшую работу.

— И черт меня дернул, — ворчал он, — открывать им какие-то секреты, вертя их паршивые блюдца... Вот и довертелся...

Его уже не смущали незнакомые квартиры и лица. Он профессиональным жестом сжимался, лез под блюдце и работал, как ленивая кухарка — быстро и не то, что нужно.

Когда его спрашивали, как его зовут, он отвечал, что Николаевым, уверял блюдечком, что родился шестьсот лет тому назад, сам он тунгус и разговаривать не хочет.

Но ничего не помогало. Уцепившись за присутствие Ливашина, очередной медиум, чаще всего провизор Крупик, так заступался за каждое Ливашинское показание, что даже самая отчаянная ложь еще больше способствовала популярности Ливашина.

— Как странно, — недоумевал кто-нибудь из присутствующих на сеансе, — я спрашивал: куплю ли я лошадь, а дух говорит: Семен Антонович…

— Дух прямо не отвечает, — горячо заступался медиум. — Семен Антонович — это кучер.

— У меня кучера будут звать Егором. И чтобы борода была рыжая.

— Ну, знаете — это вы, а дух лучше вас догадывается...

Ливашин врал о присутствующих, предсказывая престарелым чиновникам, что они умрут от родов. Молодых женщин он уверял, что им грозит солдатчина, по поводу мелких краж он явно намекал на лиц, заведомо уважаемых. Не было ни одного общественного здания, которому бы он не предсказывал бы гибели от огня с указанием точных сроков — медиум разъяснял все это в такой общепонятной и заманчивой форме, что Ливашин заранее знал, на какое количество дней он уже занят в квартирах присутствующих на сеансе,

Ливашин расспрашивал всех знакомых покойников: не может ли он сойти с ума, чтобы отвильнуть от работы, но покойники, как один, уверяли его, что до сих пор в покойницкой жизни таких случайностей не бывало.

Особенно злило Ливашина, когда какой-нибудь заезжий коммивояжер, еще не успев распечатать чемоданов с образцами, уже хватался за блюдечко, вызывал его и подробно расспрашивал: удастся ли ему сбыть в городе гнилой товар неосторожным купцам.

Не было в городе ни одной скверной истории, ни одного подлога и растраты, о которых бы не знал Ливашин, принужденный все выслушивать, давать советы и предупреждать.

Отсыпаясь кое-как за день, вечером он уже безропотно собирался в путь на работу, а к утру устало путал вопрос о том, не будет ли несчастных последствий от любви двух олухов и счастливо ли пойдет товар у фабриканта. Фабрикант, конечно, был очень удивлен, узнав, что у него будет ребенок, а олухи негодовали, получив ответ о накладных расходах, но на другой вечер все же снова вызывали Ливашина.

VI

Почернел и похудел Ливашин. С мрачной горестью вспоминал он тот день, когда не послушался доктора, наелся пикулей и захворал.

— Жил бы да жил…. И муки такой не было бы. Живого человека под блюдечко не посадишь, жилы из него не вытянешь...

Почти двое суток не выходил он из могилы, а, выйдя, не сказал никому ни слова: почистил снегом остатки пиджака, осторожно осмотрелся по сторонам, выкопал гроб и, схватив его левой рукой, перемахнул через ограду.

— Будет! — сумрачно бросил он в сторону. — Отдохнул, чтоб вас черти съели! Была мне земля пухом… Вам бы такого пуха...

Весть об исчезновении Ливашина быстро облетела все кладбище, и не прошло и часа, как около раскрытой могилы стояли все земляки Ливашина и обсуждали событие.

— Должно быть, с гробом его вызвали, — высказал предположение ближайший сосед. — Охамели люди — мало им одного духа, так чтобы и вещественное доказательство...

— А, может, продавать его понес? — обиженно заметил другой сосед. — Дерево нынче дорого. Всякий про запас купит.

И только один старый покойник, которого за старостью не вызывали даже на спиритические сеансы, свесился из окошечка склепа и с многозначительной улыбкой кинул веское слово:

— Второй уже случай у нас, — прошамкал он, — второй случай, детки.

— Какой случай, дедушка?

— Да вот, как с этим. Лет этак тридцать тому назад тоже один не выдержал.

— И что же сделал-то?

— То же и сделал. Воскрес, детки. Не выдержал.

Пожилой паралитик с негодованием сплюнул на дорожку:

— Жулик мелкий…. Теперь он, может, еще нас вызывать будет?..

— И вызовет, — усмехнулся старичок, — они — народ дошлый...

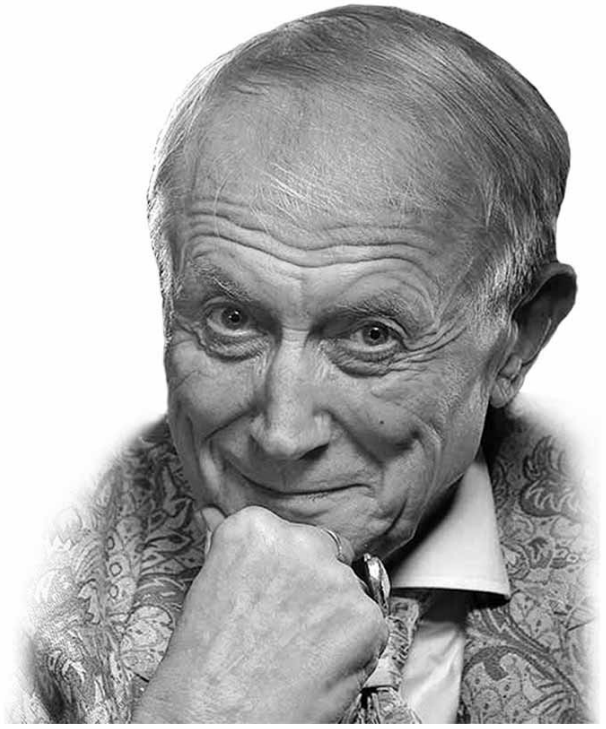
Расходились от могилы молча, обиженные и суровые. А в стороне под большой запушенной снегом елью рослый скелет в трикотажных прогнивших брюках укоризненно шипел молодому самоубийце:

— Вот вам и справедливость! Мы с вами лямку должны тянуть, а этот мерзавец заляжет сегодня спать на пружинистом матраце, завернется в одеяло... А почему? А потому что совести в нем нет, о себе только думает... А вы — справедливость… Давитесь вы ею сами, этой справедливостью…

А самоубийца лишь виновато разводил руками... ❑

«Новый Сатирикон», 1918 г.

Публикация ***Рафаэля Соколовского***



Чаепитие в Переделкино

Татьяна Кулик

Сквозь крепкий утренний сон слышались настойчивые звонки сотового телефона. Ах, как же не хотелось брать трубку! Приоткрыв сонные глаза, я глянула на часы. По московским меркам было не рано и не поздно, десять утра. Протянула руку к телефону, на табло высветился номер, который давно знала на память. Нажала кнопку и услышала:

— Татьяна, собирайтесь как можно быстрее в Переделкино. Приехал Евгений Александрович! — Это звонил управляющий поэта Евтушенко.

Киевский вокзал. В грохочущей полупустой электричке, мчащейся сквозь новоявленные жилые высотки, заросшие пустыри, панически вспоминала, взяла ли диктофон? Дрожащей рукой шарила в сумке. Ух! Слава тебе господи, диктофон со мной.

За окнами мелькали деревья, домики, станции. Не верилось, что, наконец, еду на долгожданную встречу с кумиром юности моего поколения. Мороз по коже! Какой теперь Евтушенко? «Надо было подготовиться... — мелькнула мысль, но я тут же успокоилась: можно подумать ты когда-то к чему-то готовилась...»

Улыбнувшись, вспомнила, как девчонки переписывали стихи Евтушенко в блокнотики или потайные девичьи книжечки и учили наизусть, но это было не для меня...

Стихи Евтушенко я собирала в общую тетрадь в строгом коричневом переплете, куда конспектировала лекции по истории КПСС. А что? Красота! Открываешь, и сразу стихи Евтушенко... А то пока найдешь блокнотик или записную книжечку, начнешь листать... а тут и листать не надо, всегда под рукой... Лучше не придумаешь! Так на нудных лекциях я упивалась стихами поэта.

Пока вспоминала стихи из общей тетради, на которой крупными много раз обведенными буквами красовалось: «Конспекты по истории КПСС», за окном мелькнуло — станция «Переделкино».

Выйдя на платформу, позвонила управляющему. В трубке раздался незнакомый мужской голос.

— Слушаю...

— Здравствуйте... мне нужен Евгений Александрович Евтушенко. Я — Татьяна Кулик из Краснодара, пишу книгу о народном артисте СССР, композиторе Григории Пономаренко... — спешно проговорила я. — Мы с Евгением Александровичем в течение нескольких лет договаривались о встрече, и он не возражает дать мне интервью... — на едином дыхании произнесла я.

— Таня, а я и есть Евгений Евтушенко! Вы знаете, как меня найти?

— Конечно!

Встретил меня сам хозяин, одетый по-домашнему, но ярко и броско. На морщинистом скуластом лице приветливая улыбка. Серые глаза хранят искорки любопытства. Худощав, сутуловат, ступает размеренно и длинными сухими пальцами часто приглаживает пепельные поредевшие волосы, но что-то неуловимо молодое в облике напоминает давние фотографии, телевизионные съемки, книжные портреты.

Всматриваюсь в знакомые черты. Да, это Евтушенко! С годами вы-

цветшие теплые серые глаза смотрят внимательно и как будто понимающе. Евгений Александрович обаятельно улыбается, рассматривает мои книги. Говорит, что «Казацкие сказки», переданные ему в Америку, прочитал, понравились. Их читают и его друзья, так что вот эти, что принесла в подарок, обязательно захватит с собой. А еще похвалил... ах, до чего приятно!

От удовольствия розовею и думаю об удивительной простоте поэта, ставшего при жизни классиком. Лауреат Государственных премий Советского Союза и России, поэт мирового звучания, стихи которого стали настольными во многих странах мира... так прост и доступен!

Мы прошли в кабинет. Здесь все стильно и со вкусом! Пока Евгений Александрович подписывает в подарок две новые книги, я осматриваюсь. На стенах картины кисти знаменитых художников самых разных направлений и школ: кубистов, модернистов, шестидесятников... Узнаваемые полотна Пикассо, Тулуз-Лотрека, Шемякина... много подлинников.

На письменном столе фотографии, где хозяин дома в кругу друзей-шестидесятников: Бэлла Ахмадулина, молодые Роберт Рождественский и Андрей Вознесенский, писатель Андрей Битов, скульптор Эрнст Неизвестный... А вот с семьей... детьми.

Особняком увеличенный со старой фотографии портрет мамы, Зинаиды Ермолаевны, геолога, актрисы, заслуженного деятеля культуры РСФСР. Выразительные черты лица, такие же серые глаза, как у сына.

Голос Евгения Александровича отрывает меня от созерцания фотографий:

— Времени у меня в обрез, давно не был дома... надо отрабатывать ранее заключенные контракты. Завтра выступления в Калуге, потом в Москве в Политехническом, кстати, приходите... затем Санкт-Петербург, а дальше пока не заглядывал... Хотел отложить встречу с вами, но вы, однако, молодец, дотошная... Но вот, к большому сожалению, — развел длинными худыми руками Евгений Александрович, — я не был знаком с композитором Пономаренко. Сожалею. Да и о музыке что могу сказать? Я ведь не музыкант. Анализ делать не имею права...

— Но вам нравится музыка Пономаренко, написанная на ваши стихи «А снег повалится, повалится...»? Ведь на эти стихи не только Григорий Федорович написал песню.

— Это я знаю... — широко улыбнулся Евтушенко. — Но, если бы имел музыкальное дарование, то к своим стихам написал бы только такую музыку, как Пономаренко. Это прямое попадание! Вроде, как незнакомый Пономаренко подслушал мои тайные желания. Получился удивительный контрапункт... текст-то сложный, а музыка такая... я бы сказал, благодарная и тревожная. Все вроде просто, а получилась песня на все времена и для всех народов!

— Я знаю, что стихи написаны с посвящением Клавдии Ивановне Шульженко. Это она вас попросила написать для себя или...

— О! Клавочка была моей большой душевной подружкой! Царствие ей небесное! — Евгений Александрович размашисто перекрестился. — Клава попросила написать для нее стихи. Я написал. Они ей понравились. Она была очень довольна, целовала, обнимала и просила позволения показать некоторым композиторам. Кстати, стихотворение было напечатано в нескольких журналах.

Я долго отсутствовал, а когда вернулся, Клава позвонила и сказала, что за написание песни на мои стихи схватились сразу четыре композитора — один известней другого! — и пригласила к себе в гости.

Встретил меня сам хозяин, одетый по-домашнему, но ярко и броско. На морщинистом скуластом лице приветливая улыбка. В серых глазах искорки любопытства. Худощавый, немного сутуловатый, он ступает размеренно и часто приглаживает пальцами пепельные поредевшие волосы, но что-то неуловимо молодое в облике напоминает давние фотографии, снимки в его книгах, телевизионные съемки…

С концертмейстером исполнила все четыре песни и, не называя фамилий композиторов, велела мне выбрать ту, которая мне больше всего понравится. Сама она уже выбрала песню для своего репертуара, но ей интересно было мое мнение.

С первого раза, когда оставалась еще одна не прослушанная мною песня, я сказал — стоп! Слушать дальше не буду. Достаточно. Я не знаю, кто написал эту музыку к моим стихам и не хочу ни в коем случае обидеть никого из композиторов, но мне нравится только что прозвучавшая мелодия. Шульженко кинулась мне на шею и стала восторженно кричать:

— Женечка, да ты мой милый, дорогой, я ведь тоже выбрала музыку этого композитора!

В лучезарных глазах Клавдии Ивановны стояли слезы радости. Душистым, отороченным кружевом платочком она кокетливо промокнула слезы.

— А знаешь, Женя, даже если бы ты выбрал музыку другого композитора, я уже все равно остановилась на этом композиторе!

— А почему ты решила, что я должен выбрать кого-то другого?! И, кстати, кто этот композитор? — Я на самом деле стал нервничать.

— Это, Женечка, музыка композитора Григория Пономаренко! Слышал? Его песни Зыкина поет.

— К сожалению, не знаком! — ответил я, перебирая в голове мелодии прекрасных зыкинских песен.

— Познакомишься! — радостно пообещала Шульженко.

Вы знаете, Таня, когда потом я несколько раз слушал эту музыку, мне на самом деле она стала близка! Мелодия словно тонкими магическими струйками вливалась в мое нутро, заполняя душу чем-то удивительно понятным и необходимым. А когда пела Клава, мне всегда хотелось плакать... Но плакать и грустить светло, с верой, с надеждой.

... И ночь завертится, завертится
и, как в воронку, втянет в грех,
и моя молодость завесится
со мною снегом ото всех... — пропел Евгений Александрович и, встрепенувшись, энергично произнес: — Таня, так как я больше ничего не могу сказать о музыке Пономаренко, то сделаю вам подарок... Расскажу историю, которую дарю лично вам и разрешаю напечатать от собственного имени. Надеюсь, пришлете... все мои адреса — электронный, сотовый и сайт Интернета у вас есть. А книгу пишите. Бог вам в помощь! А теперь слушайте мою историю...

Светло-серые глаза Евгения Александровича заблестели узнаваемым задорным юношеским азартом. Вспомнилось, как, потрясая своей книгой, взмахивая длинными руками, словно большая загадочная птица из неизвестной страны, чаруя музыкой, ритмом и дерзкой мыслью своих стихов, он страстно и нараспев декламировал в притихших, битком набитых залах столиц и мегаполисов.

— А дело было так... В те далекие годы редактор прославленного женскими телами журнала «Playboy»,

сам, кстати, пишущий стихи, обратился ко мне с предложением, чтобы я дал интервью в его журнале. Я был озадачен и не знал хорошо это или плохо? Но редактор объяснил, что, приглашая интеллектуальных людей — художников, писателей, поэтов, актеров, музыкантов, он привлекает к своему журналу большее количество читателей.

Интервью я дал, а к нему хозяин журнала попросил небольшую подборку стихов. И что же вы думаете? Проходит много лет... В жизни у меня была мечта посетить остров Пасхи. Самолеты туда не летали. Это можно было сделать только туристическим пароходом, но, сами понимаете, это очень долго, а у меня плотный график. Такого себе я позволить никак не мог.

О мечте узнал мой чилийский друг поэт Пабло Неруда и взялся помочь мне в этом деле. Мы пришли в дирекцию аэропорта Чилийской авиалинии, где всеми обожаемый Пабло заявил, что у него с советским поэтом Евтушенко есть проект кругосветного перелета, начиная от Сант-Яго через Японию, Сибирь, Париж с посещением острова Пасхи и обратно в Чили.

Правление авиакомпании долго совещалось, и в результате спросили нас: «А почему бы вам не сделать экспериментальный полет?» Мы с Пабло радостно согласились. «Тогда мы свяжемся и договоримся с руководством засекреченного американского аэропорта...» — пообещали нам в авиакомпании.

И через три дня, а нас было человек тридцать плюс руководство чилийской компании, на «Виллисе» вылетели на остров Пасхи. А в это время, вы должны знать, была холодная война... обстановка напряженная... в общем, мама родная! — Евгений Александрович театрально схватился за голову. На пятом пальце правой руки, поигрывал изящный перстень из черного агата. — Когда приземлились в американском засекреченном аэропорту, нас встретил начальник аэродрома и устроил на базе шикарный стол. Сижу за столом и вижу, начальник меня как–то внимательно рассматривает… Я начинаю чувствовать себя неловко и стараюсь поменьше попадать в его поле зрения. А через какое-то время он находит меня и говорит:

— Вы простите меня... но смотрю я на вас, а вы прямо двойник одного русского человека...

— Какого? — спрашиваю я, не зная, что и думать.

— Тот человек — поэт. Я в одном журнале вырезал его стихотворение. Оно мне так понравилось, так за душу взяло, что я это стихотворение ношу с собой. Своего рода талисман. Не верите?

И он достает из нагрудного кармана пиджака закатанное в пленку стихотворение и протягивает мне. Читаю заголовок на английском: «*А снег повалится, повалится...*»

Меня аж дрожь проняла! Всякие сюрпризы были в моей жизни, но такого...

Так как он мне понравился, я решил признаться ему и прочитал это стихотворение по-русски. Еще сказал, что на это стихотворение написаны песни несколькими русскими композиторами, но я люблю слушать его на музыку Пономаренко.

Он буквально впился в меня и чуть ли не умолял, чтобы я прислал ему пластинку и, если можно, и ноты. Оказывается, вся его семья любит русскую литературу и музыку. Читают мои стихи... нравятся... особенно «*А снег повалится, повалится...*» С меня взял честное слово, что я обязательно пришлю пластинку и ноты.

Вернувшись в Россию, я сразу отправил в Америку бандероль с нотами и пластинкой, где на музыку Пономаренко поет незабвенная Клавуся! И если бы вы только знали, какое восторженное письмо я получил! Оказывается, вся семья выучила песню, пела ее гостям, и им она тоже очень понравилась. Гости сделали себе ксерокопии нот и слов, а музыку записали на магнитофон. Так что, Таня, поют Пономаренко не только в Америке, но и на острове Пасхи, и еще как поют!

А вот я, к великому сожалению, никогда не был знаком с Григорием Пономаренко и не был никогда в Краснодарском крае. Если меня пригласят, приеду с радостью.

На дорожку Евгений Александрович пригласил выпить чаю, пока не вернется управляющий и не отвезет меня на станцию. Для приличия отказывалась, хотя не скрою, побыть еще несколько минут в обществе легендарного поэта очень хотелось. Согласитесь, судьба не каждый день дарит нам такие встречи!

Чай пили на террасе, и во время чаепития с разными вкусными сладостями я рассказала хозяину о своей истории поступления в консерваторию, связанную с его именем.

— Евгений Александрович, а меня из-за ваших стихов, когда я поступала в консерваторию, чуть не выгнали с экзамена...

— Неужели?.. Как это? — изумился он. — Когда это было?

— В конце шестидесятых.

— Да... Помню, оттепель миновала. Ну-ка, расскажите, расскажите...

— Меня спросили: кто ваш любимый поэт?

— Конечно, Евтушенко!! — не задумываясь, выпалила я.

— Да?.. — Из-под очков в тяжелой роговой оправе на меня с интересом смотрели умные усталые глаза председателя приемной комиссии, в которых явно читалось: «Ах, милая девочка, зачем ты здесь это городишь...» Он обвел взглядом чинно восседавшую под громадным портретом Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева приемную комиссию и спросил: — Послушаем? Не возражаете? — Затем обратился ко мне: — Пожалуйста, прочтите что-нибудь из вашего любимого поэта...

И вот тут... О, ужас! То ли от волнения, то ли от переутомления, я никак не могла вспомнить ваши хоть какие-нибудь патриотические или, на крайний случай, стихи граж-

данского содержания. Ну, как отрубило! А любовная лирика крутилась и вертелась на кончике языка, готовая вспорхнуть. Ну, думаю, пропала!

Ища спасения, уставилась на портрет Леонида Ильича с многочисленными золотыми звездами Героя Советского Союза. Генеральный секретарь ободряюще глядел на меня с высоты и даже вроде чуть-чуть улыбался.

Евгений Александрович! Не поверите, я была в ступоре! Поглядывая на важных теток в белых кружевных воротничках и жабо с приколотыми поверх старинными брошками и на лысых, в очках и пенсне, дядечек, не могла вымолвить ни слова!

Дама с приколотой камеей, ехидно улыбаясь (это была народная артистка СССР, фамилию не называю, она и сегодня на слуху), наклонилась к председателю комиссии и что-то шепнула ему. До моего слуха донесся хорошо поставленный раздраженный баритон:

— Ну-с, так и будем стоять? Прочтите что-нибудь другое... Пушкина, например, или Некрасова...

— Нет, нет, я буду читать Евтушенко! — продолжала настаивать я, не сводя глаз со звездного портрета. Комиссия удивленно уставилась на меня. И вот тут... я рванула на тройке с бубенцами так, что ветер в ушах... И заорала, будто за мной волки гонятся...

Какие девочки в Париже,
черт возьми!
И черт — он с удовольствием
их взял бы!
Они так ослепительны,
как залпы
Средь фейерверка уличной
войны...

Старалась, Евгений Александрович, вовсю! Меня лихорадило, а внутренний голос кричал: «Дура, ты, дура, Таня, вот так срезаться из-за стихов Евтушенко!» Рука председателя комиссии застыла в воздухе, как шлагбаум. На комиссию я старалась не смотреть, смотрела только на портрет руководителя страны. Наконец решилась глянуть в сторону именитых профессоров, доцентов, заслуженных и перезаслуженных... В глубине души я понимала, что произвела эффект, но какой?

Светло-серые глаза Евгения Александровича блестели задорным юношеским азартом. Сразу вспомнилось, как, потрясая своей книгой, взмахивая длинными руками, чаруя музыкой, ритмом и дерзкой мыслью своих стихов, он страстно и нараспев декламировал в притихших, битком набитых залах столиц и мегаполисов

Народная артистка, приоткрыв ярко накрашенный рот, жирным подбородком уперлась в кремовую камею. Лица других слились в единое целое, и лишь сидящий сбоку на краешке стула профессор Гинзбург, мой будущий педагог, подперев кулаком подбородок и поглядывая на председателя комиссии, широко ободряюще улыбался. Но меня уже было не остановить!

Стихи взлетали под своды старинного зала, грохотали там, кувыркались и... падали на голову комиссии! Портрет смотрел весело и одобрительно...

... Тут черти что!

Тут все наоборот!

Председатель нервно похлопал ладонью по красной скатерти.

— Достаточно... достаточно... голубушка...

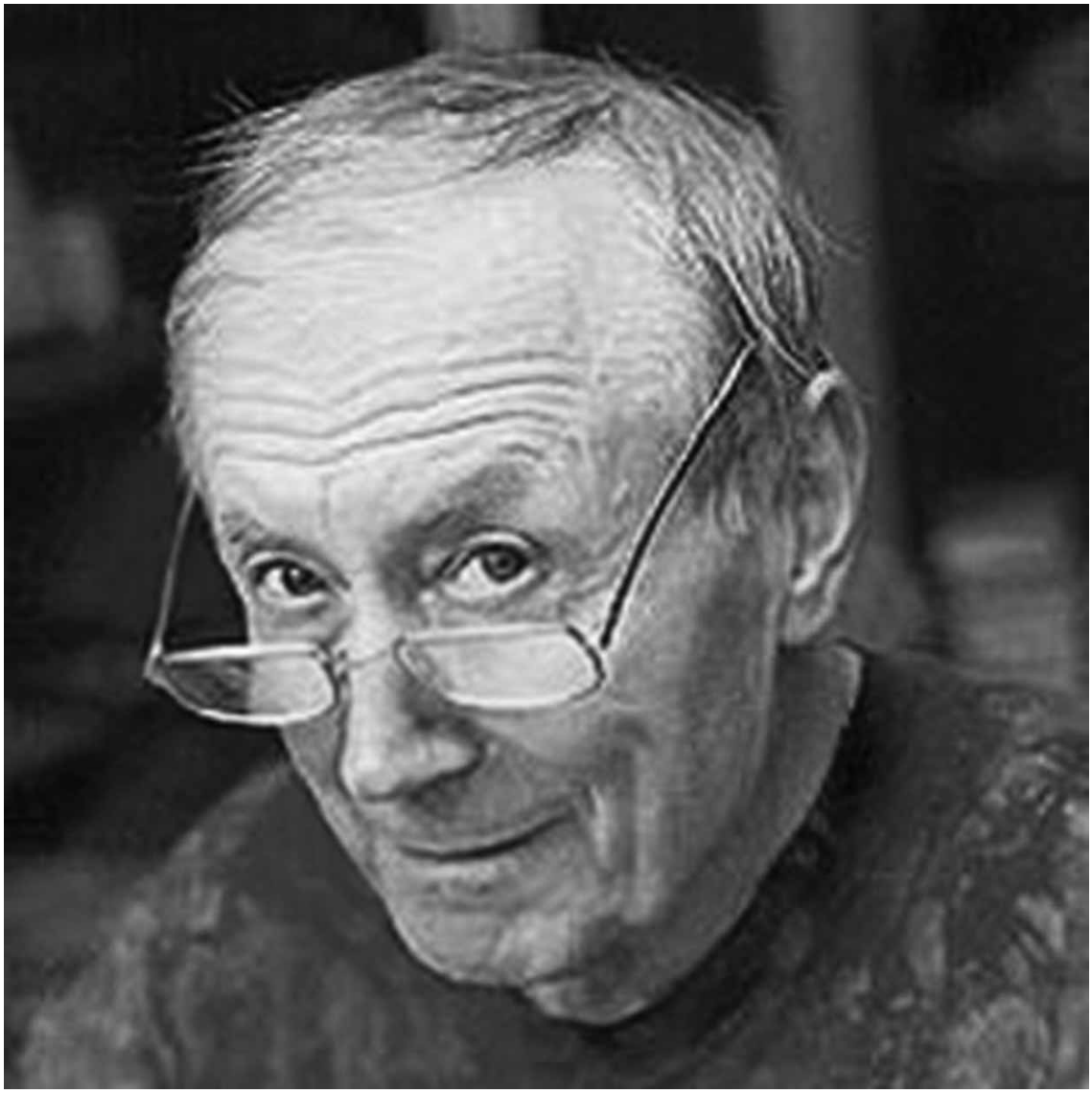
— Ну, знаете ли, Евтушенкой увлекаться... поощрять такое... — услышала я голос дамы в строгом темном костюме с руководящим лицом.

— Идите, голубушка, идите, спасибо, уважили вы нас... — Председатель комиссии снова похлопал по красной скатерти.

— Ой! А можно я прочту еще одно стихотворение Евтушенко? Только что вспомнила! — нахально заявила я, почему-то уверенная, что моя декламация понравилась всем, даже портрету на стене.

— Нет, нет! Нет!!! Ступайте, голубушка, ступайте!

Цокая шпильками, я вышла из старинного зала, оставив за тяжелой дверью гробовое молчание, и не заметила, что напеваю вполголоса:



А снег повалится, повалится,
И я прочту в его канве...

Евтушенко заливался хохотом, хлопал себя по коленям и требовал продолжения истории

— Разборки, конечно, были... — призналась я. — Мне эту дерзость потом припомнили, и еще как!.. Однако в консерваторию приняли. Экзаменационное чистилище я прошла «на ура»! Потом мой педагог, профессор Гинзбург, этот эпизод рассказывал, как анекдот. Он прекрасно знал своих коллег и с большим юмором пародировал их, а мне говорил:

— Таня! Вы тогда произвели фурор! Я получил ко-лос-саль-ное удовольствие! Мои коллеги, — и он называл звонкие фамилии известных пианистов, скрипачей, вокалистов, — пожимая плечами, с недоумением говорили: «Вроде девочка с виду приличная, но стихи... это же надо? Такие стихи! Как можно... Не станет ли эта барышня насаждать в консерватории, простите,

кхы..кхы... как это выразиться... а то, знаете ли...» — и разводили руками.

...Евтушенко хохотал безудержно. Особенно ему понравилось про Леонида Ильича, его парадный портрет. Если бы вы только видели, как весело и заразительно умеет смеяться Евгений Александрович!

— Повтори, повтори, Таня... — просил он, а сам, закрывая лицо руками, смеялся как ребенок. — Фу... давно так не смеялся!

— Но самое интересное, Евгений Александрович, когда меня прервали почти на кульминации, я вспомнила и хотела предложить уважаемой комиссии прочитать другое стихотворение, но народная артистка, вытянув руки, испуганно закричала: «Не надо! Не надо!» — и презрительно окатила меня взглядом подрисованных глаз.

Вдоволь насмеявшись, Евгений Александрович отдышался, смахнул слезинки, погладил затылок. Подлил янтарного чая в тонкие фарфоровые чашки, неведомо из каких частей света привезенные, и поинтересовался:

— И все же, Таня, какое стихотворение вы вспомнили на экзамене, а вам его не дали прочесть?

Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы, как истории планет...

На липовой аллейке показалась спешащая фигура управляющего. Мне пора было заканчивать свой визит.

— Евгений Александрович, прочтите что-нибудь на дорожку, — попросила я и включила диктофон, — пожалуйста...

Евтушенко поставил недопитую чашку на блюдце. На лице исчезли смешинки, светлая грусть коснулась глаз, морщинки разгладились. Он откинулся в кресле... голос зазвучал глуховато с хрипотцой:

Наверно, с течением дней
Я стану еще одней.

Наверно, с течением лет
пойму, что меня уже нет.

Наверно, с течением веков
Забудут, кто был я таков.

Но лишь бы с течением дней
Не жить бы стыдней и стыдней.

Но лишь бы с течением веков
Не знать на могиле плевков!..

Евгений Александрович проводил меня к калитке и еще раз напомнил:

— Не забудьте, Таня... только вам разрешаю напечатать наш разговор о песне Пономаренко «А снег повалится, повалится...» и про то, как я побывал на острове Пасхи. Приятная и хорошая встреча у нас получилась!

— Долго ждала, Евгений Александрович...

— А книга о композиторе Пономаренко у вас получится. Бог вам в помощь! За вами экземпляр... ❑

Ирина Опимах

ДЖОТТО
и Франциск Ассизский

В истории мирового искусства Джотто занимает особое место. Без него бы не было титанов Возрождения, без него не укоренилось бы в сознании западноевропейского человека новое понимание Жизни, Красоты, Искусства. А начиналась история Джотто-художника в Умбрии, в маленьком Ассизи, в городе святого Франциска Ассизского, образ которого сыграл огромную роль в творчестве великого итальянца.

О Джотто сохранилось очень мало сведений, сегодня даже точно не установлены ни год, ни место его рождения. По одной версии, он родился где-то между 1267–1275 годами в деревне Колледи Веспиньяно, недалеко от Флоренции, а вот Вазари утверждал, что Джотто родился в 1276 году. Его отца звали Бондоне, он был крестьянином. По другой версии, художник родился во Флоренции, в приходе церкви Санта-Мария Новелла, а отец был кузнецом.

Имя Джотто связывают с именем выдающегося художника Чимабуэ. До наших дней дошла чудесная легенда о том, как однажды Чимабуэ увидел десятилетнего пастушка, высекающего на плоском камне другим камнем, с заостренным концом, овечку — одну из тех, что паслась неподалеку. Рисунок был так хорош, что Чимабуэ, восхищенный даром мальчика, взял его в себе в обучение.

Так или иначе, юный Джотто оказался на редкость способным учеником и вскоре даже превзошел своего учителя. «Мнил Чимабуэ в живописи быть из первых первым, а теперь Джотто явился славу первого затмить», — писал в «Божественной комедии» Данте.

В 1278 году Чимабуэ пригласили в Ассизи расписывать церковь Святого Франциска. Святой Франциск, или как еще его называли Франциск Ассизский, основатель ордена францисканцев, был в Италии невероятно популярен и любим. С ним в определенной мере связано наступление Возрождения — в эпоху мрачного и невежественного средневековья францисканство несло людям светлое и чувственное восприятие мира, ощущение радостной гармонии бытия. И неслучайно светскими членами ордена стали впоследствии Данте, Леонардо да Винчи и Микеланджело.

Будущий святой родился в 1182 году, в семье ассизского торговца шерс-

тью и пряностями Пьетро Бернардони. Семейство Бернардони было весьма зажиточным, и дом их — большой и удобный — стоял в самом центре города, недалеко от Пьяцца дель Коммуне, рыночной площади, которую и сейчас, как в те далекие времена, украшает римский храм Минервы.

Бернардони крестили сына в романском соборе Сан-Руфино, и при крещении он получил имя Джованни. Но как–то так получилось, что все стали звать мальчика Франческо — маленьким французом — возможно, потому, что его мать была француженкой, или по причине тесных деловых связей отца с французскими купцами.

По свидетельствам современников, в XII веке Ассизи был настоящим «Вавилоном», где весьма терпимо относились к блуду и распутству. Деньги отца позволили Франциску войти в кружок сынков городских богатеев, которые ни в чем себе не отказывали. «Он был погружен в греховную суету», — так пишут об этом периоде жизни будущего святого его первые биографы. При этом Франческо удалось получить неплохое по тем временам образование — он изучал латынь, итальянский и прованский языки, а, кроме того, занимался музыкой и стихосложением.

У Франческо никогда не было желания продолжать дело отца. Нет!

Он станет благородным рыцарем, настоящим героем и будет совершать подвиги во имя высокой любви. В те времена герцог Ассизи воевал со своим соседом и заклятым врагом — правителем Перуджи, и молодой Бернардони, присоединившись к нему, принимал участие во всех сражениях. Но однажды удача отвернулась от него — Франческо попал в плен и оказался в тюрьме. Однако даже год, проведенный в холодной камере, не смог заставить его забыть о своей мечте — посвятить жизнь рыцарскому служению. Освободившись из тюрьмы, он снова отправился в путь. В Сполето во сне Франциск услышал голос, повелевший ему вернуться в Ассизи, и резко поменял свои планы.

И вот он опять дома. В первый же день, проезжая мимо маленькой церквушки Сан-Домино, Франциск почувствовал, что должен непременно зайти внутрь. В задумчивости стоял он перед распятием, когда ему вдруг показалось, что Бог говорит с ним! И он услышал: «Иди и почини мой дом — вот-вот он превратится в развалины».

И тогда Франциск продал все, что у него было, оставив себе лишь любимого коня. На следующий день он уже стоял перед настоятелем церкви, смиренно прося принять вырученные деньги. Однако отец Франциска Пьетро Бернардоне никак не мог приветствовать такое мотовство, пусть даже деньги и предназначались для столь высоких целей. Настоятель не захотел участвовать в скандале и отказался принять деньги Франциска. Тогда, как рассказывает легенда, Франциск просто оставил их в часовне, на окне.

Апогеем всей истории стало предание Франциска суду — взбешенный отец хотел лишить его наследства. И тогда, чтобы продемонстрировать свое унижение и покорность судьбе, Франциск, в символическом акте полного отречения от земных благ, снял с себя все одежды и остался нагим. Глубоко потрясенный, председатель суда сеньор Гвидо набросил на юношу свою мантию. Так в 24 года Франциск, отвергнув все радости бытия и став с этого дня абсолютно нищим, начал свое служение Богу и людям. «*Франциском был*

жених, а Нищетой невеста называлась», — пишет Данте в своей «Божественной комедии».

У Франциска оказалось много последователей, и в 1207 году он основывает братство миноритов («меньших братьев»), которое позже было преобразовано в монашеский орден францисканцев. Вместе с братьями он странствовал по всему свету — побывал в Испании и на юге Франции, в Египте и Палестине. И везде проповедовал бедность, аскетизм, любовь к ближнему и особый, христианский, пантеизм: Франциск учил, что Бог живет во всякой земной твари, растворен во всем, существующем вокруг нас, — в звездах и горах, в животных и растениях. Красота и богатство мира, созданного Всевышним, наполняли его душу светлой радостью и восторгом. Братья-францисканцы, лишенные какого-либо имущества, кормились подаянием и милостыней, носили сандалии на босу ногу и простые коричневые рубахи умбрийских крестьян, подпоясывая их веревками и завязывая три узла, символизирующих верность Бедности, Целомудрию и Послушанию — трем основным принципам, провозглашенным Франциском. Светлые идеи Франциска находили отклик в душах самых разных людей.

Посреди леса недалеко от Ассизи стояла часовня Портионкула. Примитивная, бедная архитектура часовни абсолютно точно соответствовала учению Франциска, и недаром она стала любимым местом святого.

В последние годы жизни Франциск все чаще возвращался туда, где провел свои молодые годы. Когда ему исполнилось 42 года, он, изможденный после сурового поста, почти слепой, испытал невыносимые страдания — на его теле по-

явились стигматы. «Приняв Христа последние печати, он их носил два года на земле» (Данте). Умирая, Франциск попросил перенести его в Портионкулу — «пусть жизнь тела закончится там, где началась жизнь духа».

Франциск умер 3 октября 1226 года. И похоронили его там, где он просил — на вершине Адской горы (Colled'Inferno), месте казни приговоренных к смерти преступников. Потом Папа Римский приказал переименовать гору, и с тех пор она называется Райской.

16 июля 1228 года Франциск был канонизирован, а на следующий день на месте его погребения Папа Римский Григорий IX заложил первый камень в фундамент церкви Святого Франциска. Руководил возведением храма викарий ордена Илия Бомбардоне, один из первых сподвижников святого Франциска. Красный камень, применявшийся при отделке первого этажа, символизировал мрак могилы, а белый, пошедший на отделку второго, где помещался главный алтарь, подчеркивал своим цветом чистоту и свет деяний Христа. Когда строительство церкви было завершено, туда перенесли нетленное тело Франциска.

Над убранством церкви трудились лучше мастера того времени. А в 1278 году францисканцы пригласили внести свой вклад и Чимабуэ.

Неудивительно, что уже довольно скоро он позвал на помощь любимого ученика — Джотто. Вазари рассказывает: «*… он отправился в Ассизи, город в Умбрии, куда его пригласил фра Джованни ди Муроделла Марка, который был тогда генералом братьев-францисканцев, и там в верхней церкви он написал фреской под галереей, пересекающей окна, по обеим сторонам церкви тридцать две истории из жизни и деяний св. Франциска, а именно по шестнадцати на каждой стене, столь совершенно, что завоевал этим славу величайшую*». Хотя Джотто был еще совсем молод, он сумел в своих работах превзойти учителя.

Боккаччо в одной из новелл писал: «*Джотто снова вывел на свет искусство, которое многие столетия было погребено под ошибками тех, кто, работая красками, более стремится забавлять глаза невежд, чем удовлетворять разуму мудрых*».

Фрески в Верхней церкви Святого Франциска считаются первым значительным произведением Джотто: до нас дошли 25 фресок, живописующих сцены из Нового Завета, а главное — эпизоды из жизни Франциска Ассизского. Большие панно (высотой 2,70 м и шириной 2,30 м) хорошо видны посетителям храма: они прекрасно освещены, а их преобладающие тона — голубой, розовый, белый, золотистый — создают атмосферу праздника.

Джотто сделал образы Франциска и Христа глубоко человечными, насытив свои фрески живыми и понятными простому человеку подробностями и деталями. На входной дверью он написал «Мадонну с младенцем», на этой фреске ребенок улыбается — вещь ранее невиданная в христианской живописи! На фреске «Чудо с источником» он изобразил настоящий пейзаж, двух монахов, ведущих беседу, истово мо-

лящегося святого Франциска и осла с седлом, причем осел этот выписан с тем же тщанием, что и монахи с Франциском! На других фресках — Франциск проповедует птицам, встречается с Папой Римским Гонорием III, обретает стигматы и, наконец, покидает сей бренный мир…

В 1296 году Джотто снова приехал в Ассизи и снова принял участие в росписях церкви. Ему помогали ученики, и, когда он покинул городок, они заканчивали работы по его эскизам.

Роспись в базилике Святого Франциска принесла Джотто настоящую славу. Это только начало, но оно поистине блистательно! Художнику предстояло еще много выдающихся свершений, и среди них — знаменитые фрески в капелле дель Арена в Падуе и великая картина «Поцелуй Иуды». Впереди — и женитьба на Чиутади Лаподель Пела, ставшей ему

верной женой и подарившей восемь детей, один из которых унаследовал талант отца и тоже стал художником (его прозвали Джоттино, маленький Джотто). Впереди — дружба с Данте, которого он приютил у себя в доме в Падуе, когда поэта выгнали из Флоренции. (Не чуждый поэтической жилки, Джотто дружил и с Петраркой.) Впереди — множество замечательных работ, выполненных по заказу самых известных людей Италии. Художник не обладал красотой тела (коротышка с весьма несимпатичной внешностью, говорили о нем), но творческая мощь его была беспредельна, и он знал себе цену. Знали ему цену и его современники, а потому он не испытывал недостатка в высокопоставленных заказчиках, щедро оплачивавших его творения.

Семейство Джотто жило в имении Муджело, недалеко от Флоренции, а он разъезжал по итальянским городам, оставляя там после себя настоящие шедевры и последователей, став таким образом учителем всех итальянских художников того времени.

Великий итальянец Джоттоди Бондоне скончался 8 января 1337 года, и похоронили его как выдающегося флорентийца в главном соборе города — Санта-Марии дель Фьоре, рядом с его колокольней, и на его надгробье были высечены стихи известного флорентийского

поэта Анджело Полициано: «*Я — это тот, кем угасшая живопись снова воскресла…*»

А, между тем, церковь Святого Франциска в Ассизи приобретала все большее значение, она стала главным храмом ордена францисканцев и одной из шести великих базилик Католической церкви. Прошли века, и в связи с ценностью росписей церковь была внесена в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В храм Святого Франциска приходили и помолиться, и прикоснуться к настоящим шедеврам мирового искусства.

Жизнь в тихом Ассизи шла неспешно и спокойно, но в 1997 году в городе произошло ужасное землетрясение, стихия не жалела ничего — ни людей, ни прекрасные старинные здания, сильно пострадал и храм Святого Франциска: частично были разрушены стены и потолок, и фрески великого Джотто едва не погибли. На реставрацию росписей потребовалось девять лет и два миллиона евро. К примеру, фреска «Св. Иероним» рассыпалась на 40 тысяч кусочков (к счастью, ее все-таки удалось восстановить в 2002 году). Несмотря на все усилия и использование новейших компьютерных технологий, реставраторы вернули на потолок и стены только четверть всех росписей общей площадью 180 квадратных метров. 5 апреля 2006 года базилика была вновь открыта для публики.

Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. В 2012 году, когда завершилась реставрация капеллы Святого Николая в Нижней церкви базилики Святого Франциска, на фресках были обнаружены инициалы GB, что подтверждает авторство Джоттоди Бондоне (Giottodi Bondone). А ведь до сих пор многие историки искусства утверждали, что фрески в храме выполнены не самим Джотто, а его учениками!

Более того, в процессе реставрационных работ обнаружилось, что Джотто был не лишен иронии и чувства юмора: на одной из фресок на потолке базилики, изображающих жизнеописание святого Франциска Ассизского, реставраторы обнаружили изображение дьявола!

Если смотреть на фреску снизу, дьявол, изображенный среди облаков, практически неразличим, однако при близком рассмотрении его «профиль с крючковатым носом, рожки и ухмылка» четко видны. Наверное, Джотто решил слегка пошутить, предполагают ученые, при этом он сделал так, что дьявол едва заметен. И очень вероятно, что изобразил дьявола похожим на какого-то своего знакомого — видно, не очень хорошего человека. Такая вот месть художника!

Добавить ко всему этому можно только одно: если вы когда-нибудь попадете в Ассизи, побродите по его очаровательным улочкам, а в церкви Святого Франциска постойте перед образами, созданными Джотто, помыслы ваши наверняка станут чище, и в душе, хотя бы ненадолго, воцарятся покой и тихая радость. ❑

Андрей Уваров

Смысл жизни артиста балета – отдавать себя зрителю

АНДРЕЙ УВАРОВ — народный артист России, педагог-репетитор Московского академического музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, экс-премьер Большого театра, лауреат балетного Оскара «BENOIS de la Dance» в номинации «Лучший танцовщик», обладатель «Золотой медали» 7-го международного конкурса артистов балета в Осаке, 1995 год, Япония, в 2001 году удостоен звания «Народный артист РФ», в 2003-м получил национальную премию журнала «Балет» — «Душа танца».

Уваров считается одним из лучших премьеров мирового балетного театра, он танцевал с выдающимися балеринами современности: Надеждой Павловой, Галиной Степаненко, Светланой Захаровой, Ниной Семизоровой, Ниной Ананиашвили ... В его творческом арсенале более двадцати образов, и в каждом из них он покорял публику убедительностью и глубокой индивидуальностью.

— Андрей, вот уже три года как вы занимаетесь педагогической деятельностью. Чем интересен этот новый этап в вашей творческой жизни?

— Это совершенно новая профессия и очень сложная. Вспоминая, как работали с нами, артистами балета, наши замечательные педа-

«Лебединое озеро»

гоги, преклоняешься перед ними еще больше, и еще раз хочется поблагодарить их всех.

Интересен сам процесс подготовки артиста к роли, ты работаешь в репетиционном зале, потом переживаешь за ученика из зрительного зала, когда смотришь спектакль вместе с публикой. Мне эта профессия интересна еще и тем, что позволяет изучать особенности психологии человека.

— С кем из педагогов вы начинали свой путь в искусстве?

— Николай Борисович Фадеечев, Николай Романович Симачев, Борис Борисович Акимов.

Помню огромное волнение, которое я испытывал, приходя в класс мастеров. Педагоги Большого театра были для меня недосягаемыми небожителями … В то время я и представить себе не мог, что буду выходить на прославленную сцену Большого театра, попаду за кулисы святая святых, где выдающиеся танцовщики занимаются классом, а ты стоишь рядом и делаешь те же движения, что и они… У меня сохранились памятные видеокадры моих первых шагов в классе (класс — это подготовительный процесс, куда артисты ходят традиционно заниматься каждый день, независимо от того, репетируют они что-то или нет). Последнее время во время работы в Большом театре репетировал с Николаем Борисовичем Фадеечевым, который многому меня научил, передал свой бесценный опыт, накопленный за годы работы в Большом театре.

Гениальный танцовщик, он был партнером великих балерин: Галины Сергеевны Улановой и Марины Тимофеевны Семеновой.

Мне очень повезло, что блистательные педагоги, легендарные танцовщики Большого театра были моими учителями.

— Вы создали на сцене множество незабываемых образов. Были ли самые любимые партии?

— Каждая роль, когда ее готовишь, что называется, «берет» частицу тебя. Выделить одну-единственную невозможно. Каждая партия требует определенного настроя, подхода, отношения, взгляда. При подготовке ты вживаешься в образ, а это происходит не только на физическом мышечном уровне, но и на уровне психологической подготовки. То, что будет происходить с тобой на сцене, прежде всего рождается в твоем сознании. Очень важно почувствовать себя в роли, осознать ее характер.

— У танцовщика, балерины есть свой, индивидуальный ритм движения. Насколько важно, чтобы дирижер умел видеть и «слышать» артиста?

— У каждого артиста балета свой темп движения. Дирижер высокого класса всегда чувствует ритм танцовщика, относится к исполнителям с пониманием, умеет подстроиться к тебе или направить, если нужно, в иное русло. Дирижер может тебе помочь, а может и «потопить», поэ-

тому очень важно достичь в работе гармонии и взаимопонимания.

— Западные критики считают, что именно Рудольф Нуреев поднял мужской классический танец на высоту, сделав его более значимым. А вы как считаете?

— В балете самое главное — дуэт, и поэтому мужской или женский танец я бы вообще не выделял. Как балерина не может существовать на сцене без партнера, так и наоборот. Балет — это синтез множества искусств: хореографии, музыки, живописи (костюмы, декорации), но, прежде всего, это синтез женского и мужского танца. Когда уехали Нуреев, Барышников, Годунов, на Западе считалось, что они перевернули представление о танцовщиках, показав, что может станцевать премьер балета. Они все достигли больших успехов и расширили возможности мужского танца. Но!

В нашей стране балетмейстер Юрий Николаевич Григорович изменил концепцию спектакля, поставив по нагрузке, по танцевальному тексту артиста балета на уровне с балериной, пример тому — знаменитый балет «Спартак».

— Партию Спартака вы танцевали только за рубежом?

— Можно сказать, что для себя танцевал. В Москве ни разу не пришлось, только на гастролях в Лондоне и Токио. В творчестве каждого артиста существует тот репертуар, который он пробует освоить, но в силу тех или иных причин отказывается. Мне всегда было интересно станцевать Спартака, но я артист амплуа, и эта роль мне не подошла. После подготовки к этой партии структура моего тела стала меняться, став более мощной, а для того репертуара, что я вел в театре, это было невозможно!

— В Большом театре вы танцевали с блистательными балеринами. Что вы можете о них сказать?

— Я всех их носил на руках (улыбается). Светлана Захарова, Галина Степаненко, Нина Ананиашвили, Надежда Грачева, Алла Михальченко, Нина Семизорова, Мария Александрова, Инна Петрова, Екатерина Крысанова…

Я всем им благодарен, это важный и ценный творческий опыт, интересное общение.

— С гастролями вы исколесили полмира. Есть ли страны, куда вам хотелось бы еще раз вернуться?

— Гастроли артистов балета складываются таким образом, что мы посещаем множество стран, но видим там не так много, как хотелось бы. Основной путь артиста — это театр и отель. В редкие выходные посещаешь музеи, смотришь что-то новое. Мне всегда интересно было возвращаться в Париж. Париж, Лондон, Токио — эти города наиболее близки мне и интересны, но Париж особенно мною любим, это необыкновенный город. У каждого в жизни бывают незабываемые моменты, связанные с определенным городом. В Париж я впервые попал весной, с лю-

«Дон Кихот»

бимым человеком — с моей женой Светланой, и те чувства, которые родились в этом прекрасном городе, мы сохранили и по сей день. Лондон по-своему красив, Токио — город, который приглашает к себе различных представителей мирового искусства — от знаменитостей до начинающих, талантливых исполнителей, художников. Сколько видят японцы в Токио, столько не видит ни один город мира.

— Какие качества отличают артистов балета?

— Балет — это огромный труд, выносливость, самопожертвование, все то же, что и в спорте, плюс эстетика: любое движение ты должен сделать красиво и осмысленно, не должно быть пустоты. Артист технически может исполнить движение безупречно, но он не тронет сердце зрителя, а иногда у танцовщика есть небольшие огрехи, недочеты в профессиональном смысле, но за счет большой самоотдачи и чего-то особого, исходящего от него, кто-то называет это харизмой, публика аплодирует именно ему.

— Говорят, что учить можно, но научить невозможно! Это касается любой профессии: хирург, артист, повар, модельер, писатель… Должен ли быть врожденный талант? Как вы считаете?

— Я пришел к выводу, что так и есть. Можно что-то развить, можно направить в нужное русло, подска-

«Раймонда»

зать. Можно научить сделать что-то примитивное, но научить, как сделать шедевр, невозможно! Многое зависит от природных, физических возможностей человека. Ребятам я всегда говорю, что могу помочь исправить их технические ошибки, донести необходимую профессиональную информацию, но я не человек с пультом дистанционного управления.

— Вы работаете с молодыми артистами балета?

— Дмитриев, Мануйлов, Дьячков, полтора года работали с Величко, Загребин Дима пришел к нам из Большого театра. Хореографические училища сегодня выпускают мало ребят, а лучших, естественно, забирают в Большой театр, и поэтому артистов приглашают из разных городов нашей страны. В теа-

тре представлены многие хореографические школы: это Пермь, Саратов, Москва, Новосибирск…Непросто работать, очень сложно, потому что школы абсолютно разные, а мои профессиональные критерии, моя эстетика, представление о красоте требуют определенных составляющих. Иногда приходишь на занятия и думаешь: что делать? База, подготовка у всех ребят абсолютно разная. Балет для меня — это не свод физических упражнений, не набор определенных элементов, а это особый живой организм, имеющий свою Душу и Историю.

В марте к нам приезжали западные балетмейстеры для постановки балета Кеннета Макмиллана «Манон» на музыку Жюля Массне, по мотивам романа аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско». Они требовали от артистов определенного отношения к работе, наполнения, актерских взаимоотношений, и я всецело разделял их позицию. Мало того, те замечания, которые я делал на занятиях неоднократно, молодые артисты не слышали, а когда они услышали то же самое от постановщиков — задумались. Меня радует, что начинает меняться не только их тело, но и «глаз», они учатся видеть по-другому. Не так все плохо.

— В XIII Открытом российском конкурсе артистов балета «Арабеск–2014» им. Екатерины Максимовой, который прошел в апреле этого года, принимал участие ваш ученик Дмитрий Дьячков…

— Дмитрию присуждена третья (мужская) премия и приз зрительских симпатий.

— Слышала от деятелей искусства о большой проблеме — сегодня катастрофически не хватает в балетных училищах ребят. Когда-то конкурс был при поступлении, а теперь класс бы набрать…Так ли это, и что делать?

— Душа болит за искусство. Хочется, чтобы в балетное училище родители приводили своих детей, чтобы была преемственность поколений. Сегодня надо задуматься об этом всерьез, потом будет поздно… Балет — живая структура, артист балета подобен цветку, который имеет свой определенный отрезок жизни, но он дает ростки, дает побеги. Так и в балете есть преемственность, традиции, которые надо беречь.

— Андрей, как вы понимаете силу характера?

— В нашей профессии у каждого артиста есть сила характера, без нее ничего не достигнешь! С самого раннего возраста, с учебы в училище, начинается преодоление самого себя. Ты отказываешься от многого во имя будущей профессии. Помню, чего мне стоило в то время не пойти на футбол, а как хотелось! Внутренняя сила — это и есть характер человека. Каждый шаг на сцену — это преодоление себя, каждым спектаклем артист доказывает самому себе, что вот это ты можешь… Без

силы характера невозможно что-то достичь в жизни, я не говорю о каких-то высотах, я имею в виду совершенствование самого себя, преодоление трудностей в жизни.

— Что, на ваш взгляд, порождает соблазн, и как от него уйти?

— Жизнь полна соблазнов. Любой шаг — соблазн что-то сделать или нет, но у каждого человека есть ответственность перед самим собой, перед своим окружением, и он не должен поступать так, как ему хочется. Хотелось бы поехать отдохнуть, а нужно работать. Утром хочется подольше поспать, а нужно просыпаться. Слово «нужно» не дает тебе расслабляться, оно тебя мобилизует.

Жизнь прекрасна, вне зависимости от преодоления трудностей, сложностей. Она прекрасна в познании мира, в познании самого себя.

«Лебединое озеро»

Репетиция, Лондон

— Что вы пожелаете зрителю?

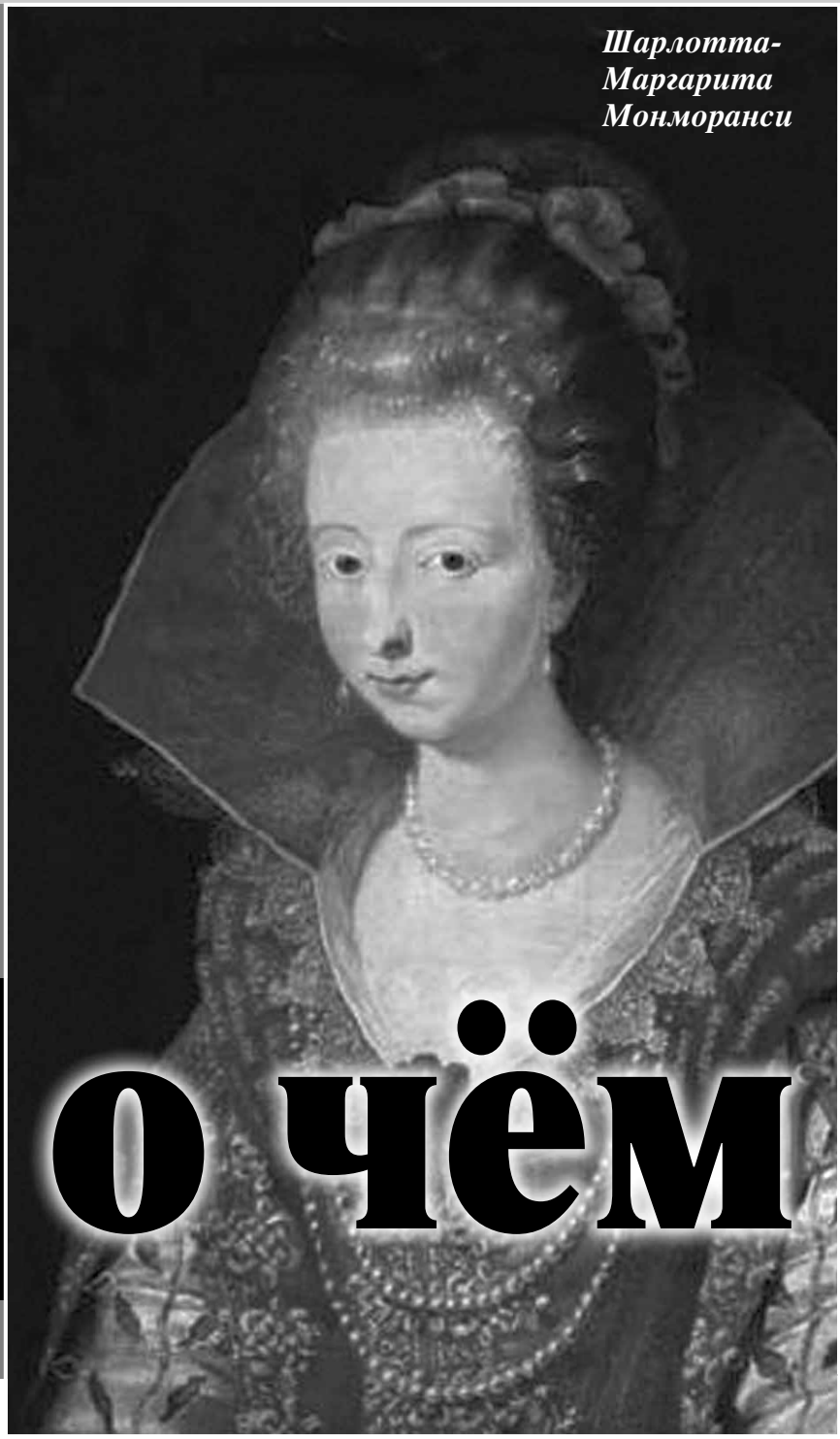
— Приходите в театр. У каждого театра свой дух. Когда у зрителя есть любимый спектакль, а еще и любимый дуэт, если зритель запоминает имена артистов, то искусство делает его более восприимчивым, может изменить его, сделать добрее ко многому в жизни. Балет — это эстетическое восприятие движений, линии, графика, музыкальность, соотношение пластики и музыки, искусство живописи и костюма. Можно об этом не задумываться, но, побывав на балете, увиденное не забудешь.

Зерна, брошенные в наше сознание, дают свои плоды. Если ты хоть одному человеку передал со сцены свое внутреннее состояние, ради этого стоит жить, значит, ты в профессии не зря.

Смысл жизни артиста балета — в самопожертвовании, в том, чтобы завоевать сердца зрителей, отдать самого себя, чтобы публика получила яркие эмоции. Если впервые пришедший на балет зритель приходит и во второй раз — значит, внутри его что-то тронуло, он не остался равнодушным. Ради этого мы трудимся и живем — ради публики, которая придет в театр. ❑

Беседовала
Елена Воробьева

Что греха таить: французскую историю мы знаем, в основном, по блистательным романам Александра Дюма. Но и он, при всей его невероятной работоспособности, просто физически не мог написать своим волшебным пером всю историю Франции. Но слишком уж удивительными были судьбы некоторых его эпизодических героев или даже целых семей — таких, например, как Монморанси или Конде, поэтому попытаемся хоть как-то заполнить этот образовавшийся пробел в романтической истории прекрасной Франции



Шарлотта-Маргарита Монморанси

о чём

Денис Логинов

Один из древнейших французских родов, известный, по меньшей мере, с десятого века и угасший только в конце века девятнадцатого — Монморанси, — на редкость непопулярен у романистов. А ведь из него происходило 6 коннетаблей и 12 маршалов Франции, не говоря уже о бесчисленном количестве красавиц. Тем не менее…

Принц Генрих II де Бурбон-Конде, супруг Шарлотты

Король Генрих IV

Дюма не писал

В конце шестнадцатого века у герцога Анри I-го де Монморанси и его второй супруги Луизы, урожденной де Бодю, родилась дочь Шарлотта-Маргарита, о красоте которой заговорили довольно рано и не без причин.

В пятнадцатилетнем возрасте юная аристократка стала фрейлиной королевы Марии Медичи и обручилась с одним из сподвижников короля Генриха IV Франсуа де Басомпьером. Жених был вдвое старше невесты и известен тем, что уступил свою

возлюбленную, прекрасную Габриэль, своему другу-королю. Король решил отплатить своему другу по справедливости и, поскольку род де Басомпьеров был не слишком знатен, избрал для Франсуа девицу из высшей аристократии, причем не глядя.

С королем особо не поспоришь, и родителям прелестной Шарлотты пришлось, скрепя сердце, согласиться на этот брак. Сердце же самой красавицы пока еще молчало, во всяком случае, при дворе не было никого, кто мог бы похвастать благосклонностью к нему мадемуазель де Монморанси.

И надо же было случиться такому, чтобы на репетиции придворного балета Генрих IV увидел, наконец, юную красавицу, невесту своего друга! Как это часто бывало с королем Анри, он немедленно потерял голову и страстно возжелал заполучить Шарлотту — безразлично, до или после свадьбы. Но Басомпьер, который уже один раз пожертвовал любовью ради дружбы, вовсе не склонен был повторять этот благородный поступок и наотрез отказался делить свою будущую супругу с кем бы то ни было, хотя бы и с самим королем.

Шарлотта же просто пришла в ужас: внешняя привлекательность короля была в те годы уже, мягко говоря, сомнительной. К тому же славный король Анри не злоупотреблял водными процедурами, годами носил один и тот же костюм (не всегда снимая его на ночь), к тому же, обожал чеснок. Королевское происхождение само по себе мало значило для мадемуазель де Монморанси, которой родители едва ли не с пеленок внушили мысль о превосходстве их рода над всеми остальными во Франции. Оставалось скрыться в монастыре, чего Шарлотте хотелось чуть больше, чем становиться королевской любовницей.

Столкнувшись с неблагодарностью друга и упрямством королевы своего сердца, король решил сделать гениальный, как ему казалось, ход: выдать красавицу не за худородного Басомпьера, а за принца крови Генриха II де Бурбон-Конде, своего двоюродного племянника. Пока у короля не появился законный сын Людовик от брака с Марией Медичи, этот принц официально считался наследником престола. Куда уж выше! Да и к женщинам принц крови относился довольно равнодушно, так что король надеялся уладить дело по-родственному.

Шарлотта не испытывала любви и к новому жениху тоже, но тут вмешались родители, которые сочли эту партию блестящей во всех отношениях.

— Если вы, дочь моя, не можете выйти замуж за короля, то выйдите за принца крови, — безапелляционно заявил ей отец. — Конде достаточно знатны, чтобы мы могли не стыдиться такого родства.

Пышную свадьбу праздновали в Лувре, и король Анри уже предвкушал прелести медового месяца, но… Но принц де Конде неожиданно для всех (и, прежде всего, само-

го себя) влюбился в рыжеволосую и зеленоглазую прелестницу так, как не влюблялся никогда в жизни. Поэтому он прямо из-под венца увез молодую жену в свой родовой замок, чтобы законно насладиться выпавшим ему счастьем. Подальше от Парижа и короля. Бедный Генрих!

Наутро после приезда в родовой замок, сладко потягиваясь в роскошной кровати под расшитым золотом балдахином, Генрих II де Бурбон-Конде обозрел доставшееся ему сокровище, которое в неглиже было еще прекраснее, чем в придворных туалетах, и хмыкнул:

— Придется королю поискать развлечений в другом месте. Моя жена — это только мое достояние. Вы согласны, душенька?

Рыжеволосая душенька, которой за предыдущие ночи не удалось толком выспаться, произнесла только одно слово — «разумеется» и попыталась все-таки уснуть. Но ее супруг находился в слишком приподнятом настроении, чтобы дать новобрачной спокойно спать.

— Поглядите в окно, душенька, какой великолепный день послал нам Господь. Все деревья цветут, это в честь нашего бракосочетания и вашей невинности, в коей я мог убедиться. Сейчас прикажу завтрак, а потом мы с вами… Ах, черт побери!

Буколические мечты принца-молодожена были прерваны тем, что под цветущим яблоневым дере-вом он заметил какую-то странную фигуру. А поскольку на зрение принц не жаловался, то мгновенно определил, что фигура эта — король, переодевшийся то ли лесником, то ли лешим, и пытающийся найти подход к окнам спальни.

Да-да, Генрих IV, бросив все дела, помчался за прекрасной Шарлоттой в провинцию. Отношения между кузенами и без того не были особенно теплыми, но тут принц крови разъярился не на шутку:

На репетиции придворного балета Генрих IV впервые увидел юную красавицу, невесту своего друга Басомпьера, и, потеряв голову, страстно возжелал заполучить Шарлотту. Но Басомпьер наотрез отказался делить свою будущую супругу с кем бы то ни было, даже с королем. После чего монарх решил сделать гениальный, как ему казалось, ход: выдать красавицу за принца крови, своего двоюродного племянника Генриха Бурбон-Конде

— Так вы изволили притащить за собой своего любовника, мадам? — грозно обратился он к Шарлотте, которая ровно ничего не понимала. — Так трепещите же! Сию минуту мы отправляемся за границу, где этот старый коронованный козел не сможет до вас добраться!

Через несколько часов тяжелые дорожные кареты, щедро разукрашенные гербами, уже катили на север — в Бельгию, точнее, в Брюссель, который в то время был испанским владением, так что принц уповал на защиту испанского наместника эрцгерцога Альбрехта. Король поручил одному из своих придворных похитить принцессу по дороге. Однако Конде предупредили о готовящемся побеге, и он нарушил планы Генриха.

В ярости король потребовал от эрцгерцога выдачи принцессы, угрожая оккупацией Брабанта французскими войсками. Принц де Конде ответил на это тем, что оставил красавицу Шарлотту под строгим домашним арестом в Брюсселе, а сам уехал в Милан по своим собственным государственным делам.

Точнее, по делам государственного переворота: кузены никогда особенно не ладили, и принц Конде решил, что пора сменить на троне короля, занятого лишь беготней за женскими юбками. Правда, у короля к тому времени уже родилось двое сыновей, так что законным наследником престола Конде уже не был, но определенные права на него все же имел. В любом случае, больше прав, чем король — на его молодую и прекрасную супругу.

Принцесса же смирилась со своей участью пленницы и занялась вышиванием роскошного покрова на престол Богоматери для главного собора Брюсселя. Дивная работа, правда, так и не была закончена, и причин для этого было несколько.

Неожиданно для всех принц Конде влюбился в рыжеволосую зеленоглазую прелестницу, как не влюблялся никогда в жизни. Посему прямо из-под венца он увез молодую жену в свой родовой замок. Подальше от Парижа и, главное, — от короля

14-го мая 1610 года Генрих IV был заколот кинжалом некоего Равальяка — история темная и по сей день не до конца раскрытая. Принц де Конде был счастлив оттого, что теперь никто не станет покушаться на честь его прекрасной супруги. С превеликой помпой он отправился за ней в Брюссель, пал к ногам принцессы,

испросил прощения за ревность, едва не лишившую его рассудка, и предложил предать все забвению и вернуться в Париж — к коронации юного Людовика XIII. Шарлотта, добрая и благородная по природе своей, примирилась с мужем и последовала за ним в Париж.

Но неугомонного принца Конде все еще смущали мечты о французском престоле, на который посадили восьмилетнего мальчишку при регентстве его матери, вдовствующей королевы Марии Медичи. Людовика Конде еще стерпел бы, но дело в том, что регентшей вертели, как куклой, ее фавориты — Кончино Кончини с супругой Элеонорой Галлигай. Под их влиянием Франция круто изменила направление внешней политики и вместо войны с Испанией заключила трогательный

мир: короля обручили с дочерью Филиппа III Анной Австрийской, а сестру короля Елизавету — с испанским инфантом Филиппом.

Политика сближения с Испанией нравилась далеко не всем французским вельможам. В 1616 году принц де Конде возглавил заговор против всевластного Кончини, за что был арестован и — неслыханное доселе дело — помещен в тюрьму, точнее, в Венсенский замок!

Женское сердце — загадка. Доселе равнодушно-учтивая с супругом, принцесса Шарлотта припала к ногам короля, прося разрешения разделить участь мужа, то есть заключение. По-видимому, любовь все-таки настигла холодную красавицу. Король позволил супругам вместе отбывать заточение, и два года спустя у высокородной четы родился первенец — дочь Анна-Женевьева.

Через год Конде выпустили из заточения, и в 1621 году Шарлотта подарила супругу сына Людовика, которому была уготована удивительная судьба, полная интриг и славы. А еще через восемь лет принцесса Конде родила второго сына — Армана, принца де Конти, которого слава впоследствии тоже не обошла стороной.

При дворе королевы Анны Австрийской Шарлотта Конде пользовалась большим уважением, как одна из немногих по-настоящему целомудренных аристократок, но сторонилась любых придворных интриг, побуждая и своего более темпераментного супруга держаться той же линии. Правда, оба недолюбливали знаменитого кардинала де Ришелье, но этого человека вообще мало кто любил.

В 1632 году за участие в запрещенных королевским эдиктом дуэли на плаху был отправлен родной брат Шарлотты — Анри де Монморанси. О помиловании просила не только принцесса Конде, но и брат короля, королева и другие высокопоставленные лица. Несмотря на это, последний представитель герцогской ветви рода Монморанси был казнен, а все его титулы отошли в казну (позднее их возвратят детям Шарлотты).

Впервые представитель рода Монморанси был насильственно лишен жизни не на поле боя, а на эшафоте. Любви к Ришелье среди аристократии это не прибавило. Но не это трагическое событие нарушило супружеское согласие четы Конде: после рождения третьего ребенка супруг оставил Шарлотту, забрав с собой старшего сына. Шарлотта жила в столичном дворце Конде, воспитывая дочь и младшего сына.

Все еще очень красивая, в меру набожная, образованная женщина, принцесса Конде пользовалась неизменным уважением при королевском дворе и была постоянной посетительницей знаменитого салона госпожи де Рамбуйе. Несмотря на все это, после казни брата принцесса удалилась от двора в свой замок Шантильи и согласилась вернуться лишь девять лет спустя,

уступив просьбам королевы стать крестной матерью ее долгожданного первенца — будущего короля Людовика XIV.

В 1646 году она овдовела, но, поскольку супруги давно жили раздельно, принцесса не сочла нужным изображать безутешное горе и лишь носила положенный этикетом траур. Замуж она больше не собиралась, по-прежнему оставаясь самой целомудренной и добродетельной из всех французских аристократок.

И тут закрадывается смутное подозрение, что именно поэтому Шарлотта-Маргарита де Конде, урожденная де Монморанси, несмотря на свою красоту и знатность, не была удостоена внимания великого Дюма. Верная супруга, добродетельная мать, женщина, чурающаяся политики и любых интриг, такие женщины обычно чрезвычайно мало занимали романистов. Зато ее дети — о, тут уж было о чем писать, причем не только Дюма!

Во времена Фронды дочь и младший сын Шарлотты, неожиданно для матери и вопреки ее воле, примкнули к восставшим, но сама Шарлотта осталась верна королеве-матери и юному королю. Ее поддерживало и то, что старший сын также хранил верность законному государю. Но когда в 1650 году Людовик, ставший жертвой кардинала Мазарини, попал… все в тот же Венсенский замок, где когда-то жили в заключении его родители, бежал из него и, естественно, принял сторону мятежных принцев, это разбило сердце принцессы Конде.

Младший сын тоже был заключен в тюрьму, как и муж дочери, герцог де Лонгвилль, из-за чего молодая герцогиня вынуждена была бежать из Франции.

При дворе королевы Анны Австрийской Шарлотта Конде пользовалась большим уважением, как одна из немногих по-настоящему целомудренных аристократок, и надменно-брезгливо сторонилась любых придворных интриг, побуждая и мужа держаться той же линии

Шарлотта Конде умерла 2 декабря 1650 года, так и не простившись со своими детьми: несчастная жертва политики, никогда не принимавшая в ней участия и незаслуженно забытая историками и писателями.

Но после ее смерти на сцену истории вышли трое ее детей, каждый из которых был без преувеличения незаурядной личностью и достойно продолжил род Конде-Монморанси.

Дочь Шарлотты и Генриха II — Анна-Женевьева де Бурбон-Конде

Впрочем, старший сын, Людовик де Бурбон, принц Конде, известный также как Великий Конде, прославился еще при жизни своих родителей. До 1646-го года (при жизни отца) он носил титул герцога Энгиенского и покорно позволил отцу женить себя на Клер Клеманс де Брезе, племяннице кардинала Ришелье, однако навязанную ему жену терпеть не мог, хотя и прижил с нею троих детей, двое из которых скончались еще в младенчестве.

В 17 лет Конде начал военную карьеру и одержал ряд побед во время Тридцатилетней войны. В 22 года он уже был главнокомандующим в войне с испанцами и одержал блестящую победу при Рокруа, вошедшую в анналы военной истории. На следующий год, став маршалом вместо Тюренна, Конде командовал войсками уже в Германии, и в кровопролитной битве при Фрейбурге одержал блестящую победу. В 1646 году под его командованием после ряда военных операций был взят Дюнкерк, а в 1648 году неукротимый маршал угичтожил в битве при Лансе остатки некогда грозной испанской пехоты, что в немалой степени способствовало заключению Вестфальского мира.

Во вспыхнувшей борьбе с Фрондой Конде принял сначала сторону Мазарини и овладел Парижем; но между честолюбивым и заносчивым полководцем и властолюбивым министром столкновение было неизбежно. По приказанию Мазарини Конде был заключен в Венсенский замок. Освобожденный через год, он возглавил новую Фронду, намереваясь свергнуть Мазарини, стать у власти и даже обратить свои владения в независимое государство. Сплотив вокруг себя в Бордо остатки феодалов, Конде явился под Парижем, но был разбит войсками короля: полководец оказался скверным политиком. Пришлось бежать в Нидерланды под защиту… испанцев.

Мазарини, куда более искушенный политик, чем маршал Конде, при заключении в 1659 году Пириней-

Сын Шарлотты и Генриха II — Людовик II де Бурбон-Конде

Справа: ***Арман де Бурбон, герцог де Конти — второй сын четы де Бурбон-Конде***

ского мира включил в него и пункт о полном примирении с мятежным принцем, предпочитая Конде-подданного Конде-соседу, которому Испания уже замышляла предоставить самостоятельное княжество у северной французской границы.

Французский двор окончательно примирился с Конде, который последние годы жизни провел в своем наследственном владении Шантийи, окруженный просвещенными умами Франции и жестоко страдающий от ревматизма.

Как человек Конде отличался надменностью, скупостью, жестокостью, оскорбительной грубостью с подчиненными. Стараясь окружать себя великими мыслителями своего времени, он, тем не менее, грубо обращался с ними. Впрочем, читайте французские исторические романы, господа. В каждом тре-

тьем вы непременно найдете этого героя-вельможу, мятежного принца, друга-покровителя Атоса и Арамиса и поклонника великолепной Анжелики…

А мы перейдем к его младшему брату: Арману де Бурбон, герцогу де Конти. Поскольку он отличался весьма хрупким здоровьем, родители прочили Арману церковную карьеру, но сам юноша был от та-

кой перспективы не в восторге и всячески уклонялся от предназначенного ему пути. Арман находился под очень сильным влиянием своей старшей сестры, поэтому оказался во времена Фронды в самой гуще событий, которые его совершенно не интересовали, зато до чрезвычайности занимали пылкую и честолюбивую герцогиню де Лонгвилль. Уже после окончания Фронды милая сестрица разрушила намечавшийся брак Армана с одной из дочерей герцогини де Шеврез, после чего, назло родственникам, принц де Конти помирился с кардиналом Мазарини и женился на одной из его племянниц — Анне-Марии Мартиноцци. Произошло это уже после смерти матери — принцессы Шарлотты де Конде, которая ни за что не допустила бы подобного мезальянса. Вторую половину жизни Арман де Конти почти безвыездно прожил в Лангедоке, серьезно увлекшись мистицизмом и отрешившись от придворной суеты. Романисты воздали ему по заслугам: эпизодический персонаж, бледная тень, ни одной выигрышной реплики. Увы…

Анна-Женевьева де Бурбон-Конде унаследовала красоту матери и характер отца, что создало совершенно невообразимое, взрывоопасное сочетание. Современники называли ее «дьяволицей с лицом ангела». У Анны была великолепная фигура, пышные золотистые волосы, огромные голубые глаза и, главное ее оружие, — обворожительная улыбка.

Во времена Фронды дочь и младший сын Шарлотты, неожиданно для матери и вопреки ее воле, примкнули к восставшим, но сама Шарлотта осталась верна королеве-матери и юному королю. Ее поддерживало и то, что старший сын также хранил верность государю. А когда он все же принял сторону мятежных принцев, это окончательно разбило сердце принцессы Конде

Она получила прекрасное образование в парижском монастыре кармелиток. Девушка неплохо рисовала, сочиняла стихи, великолепно играла на различных музыкальных инструментах и вышивала, то есть умела все, что должна уметь женщина ее круга. Она знала испанский и английский языки, а также латынь.

Но основной чертой характера этого обворожительного создания было честолюбие, которое скорее более свойственно мужчине, чем хрупкой красавице. Досидев в девицах до двадцати трех лет, поскольку на меньшее, чем герцогский титул, была не согласна, Анна-Женевьева, в конце концов, вышла замуж за герцога де Лонгвилля, принца крови и пэра Франции, вдовца, который был вдвое старше нее. С супругом Анна-Женевьева не ладила, а с его дочерью от первого брака, своей ровесницей Марией де Немур, открыто враждовала.

Супружеская верность была для нее понятием совершенно чуждым, и пикантные анекдоты о похождениях красавицы-герцогини служили неиссякаемым источником сплетен при всех европейских дворах. С 1646 года ее официальным любовником был принц де Марсийяк, который использовал ее связи для продвижения собственной карьеры и от которого у нее родился старший сын, Шарль-Пари, признанный герцогом де Лонгвиллем. Марсийяк был отчаянно ревнив, и герцогине доставляло острое удовольствие обмануть его шпионов и улизнуть на очередное тайное свидание. Одну из таких встреч блистательно описал Дюма в романе «Мушкетеры двадцать лет спустя», дав прекрасной герцогине в любовники аббата д'Эрбле, более известного, впрочем, читателям под именем Арамиса.

Как ни парадоксально это прозвучит, фактически герцогиня была одним из вождей Фронды, во всяком случае, после бегства королевского двора из столицы ее объявили «королевой Парижа». Она решительно встала во главе недовольных и привлекла на свою сторону мужа, любовника, младшего брата и принца де Ларошфуко, которого молва упорно называла ее возлюбленным, и от которого она родила сына прямо в зале заседаний Парижской ратуши. Впрочем, покладистый супруг признал и этого ребенка своим законным сыном.

Во время трехмесячной осады столицы Анна имела громадное влияние на противников двора. Когда вожди восстания были арестованы, она спаслась бегством, издала манифест против двора, вступила в переговоры с Испанией и другими иностранными дворами о присылке вспомогательных войск; а после освобождения арестованных вождей вернулась в Париж, чтобы вновь покинуть его при возобновившихся разногласиях — уже в сопровождении герцога де Немура.

Но время было неумолимо к красавице: как только закончилась Фронда, и во Франции наступила спокойная жизнь, герцогиня начала стремительно увядать. С 1653 года, утомленная и разочарованная, она жила почти в полном уединении в своем поместье в Нормандии, занимаясь благотворительностью и поддерживая янсенистов. О ее кончине практически ничего не известно даже романистам… ❑

Евгений Татарский

ОДНАЖДЫ ты проснёшься...

«Церковь. Почему я в церкви? И как я здесь оказалась?» Она огляделась по сторонам и попробовала вспомнить, но это не принесло никакого результата.

Ее муж, одной рукой крепко прижимая к себе их маленькую дочку, второй старался удержаться за камень.

«Камни. Торчащие прямо из воды. Нет, ну, что же это за церковь такая, и откуда здесь вода?» Набежала очередная волна, и ей пришлось присесть, чтобы и ее не смыло с камня, как и мужа. Тонкими пальцами она ощутила склизкую поверхность той сомнительной опоры, на которой стояла, и в очередной раз пожалела, что решила взобраться именно на этот камушек, а не на соседний, который казался посолиднее.

Ее муж тем временем все-таки смог закинуть руку на свой камень и ухватиться за какую-то щель в нем. Теперь его положение было чуть-чуть устойчивее, чем минуту назад, и он, наконец, смог перевести дыхание.

— Почему ты так далеко от нас? Найди себе камень поближе, мне же тяжело с ребенком одному! — крикнул он и крепче прижал дочку к себе. На них шла очередная волна.

— Я только-только обрела почву под ногами, и теперь ты хочешь, чтобы я все бросила?

— Почву? Ты называешь то место, где сейчас сидишь, почвой?!

— Ну... — рассеянно проговорила она, — должен же хоть кто-нибудь из нас двоих держаться на камне. Ведь у нас теперь есть ребенок. Когда ты заберешься, я приплыву к вам.

— Плыви сейчас, — замотал головой муж, — поможешь мне с ребенком, а я заберусь и тогда помогу вам.

Она тяжело вздохнула и посмотрела на маленькое личико своей дочки. Ребенок улыбался и с интересом, сложив губки бантиком, смотрел по сторонам, даже не догадываясь о том трудном положении, в котором находятся сейчас ее родители.

— Ты уверен? А если мы вдруг оба окажемся без опоры? Ведь найти себе камень становится все труднее и труднее. А вернуться на тот, с которого уже спрыгнул, слишком сложно.

— Не волнуйся. Все будет хорошо, — успокаивал ее муж, но в голосе его не чувствовалось той уверенности, которой не помешало бы присутствовать при подобных заявлениях. — Вместе мы справимся. На то мы и семья.

— Ну, хорошо. Держитесь крепче, я плыву, — сказала она и соскользнула на копчике с камня прямо в мутную бездонную воду.

Волны набегали на нее одна за другой, и приходилось тратить намного больше сил на борьбу с ними, чем на то, чтобы плыть. Плыла она брасом, как и подобает плавать женщине, по крайней мере, так принято считать. Хотя, конечно, все это условности.

«Может быть, как раз поэтому в последнее время многие женщины начинают плавать по-мужски, кролем или баттерфляем. Так, правда, тратится больше сил, остается меньше времени смотреть за ребенком (приходится постоянно опускать лицо в воду, глядя в беспросветную муть), да и прическа портится. Но ведь плыть-то быстрее. Да и кто сказал, что мужчины должны делать это так, а женщины иначе?»

Хододная вода окатила ее с головой, и мокрые слипшиеся волосы легли на лицо, закрыв глаза. Одной рукой продолжая барахтаться, она свободной пятерней убрала их с за уши.

— Как дела? Помощь нужна? — донеслись до нее слова мужа.

— Нет. Я в норме, — крикнула она в ответ и продолжила раздвигать перед собой воду обеими руками.

Над головой виднелся обшарпаный купол с остатками фресок. Когда-то это была очень красивая церковь, но теперь представить себе, что ее когда-нибудь отремонтируют, было практически невозможно. Проще уж все снести, и на старом фундаменте построить новую. Но кто этим будет заниматься? Не то время сейчас. Да и люди не те.

«Хотя нет, люди наверняка всегда одни и те же. Меняются только декорации. Дикое поле, затем мирное поселение, затем воронка от разрыва бомбы, которую удачно использовали вместо котлована, залив ее бетоном, чтобы получился фундамент, на нем надстроили великолепную церковь, посещением которой не брезговали даже завзятые атеисты, а теперь вот это... топь и запустение».

Отвернув лицо от очередной набежавшей волны, она вдруг увидела какое-то свечение справа от себя и, присмотревшись, поняла, что свет идет от небольшого участка стены, расположенного высоко над уровнем мутной воды. Он был таким теплым, неизъяснимо приятным и притягательным, но настолько ярким, что невозможно было понять, что именно там находится. По крайней мере, с такого расстояния. Ее тянуло к этому свету, словно это был ответ на давно мучивший ее вопрос, который мог подарить им будущее...

Где-то неподалеку от стены отвалился кусок подточеной волнами штукатурки и с плеском рухнул в воду. Тяжело вздохнув, она поплыла дальше и через минуту уже ухватилась за скользкий выступ того камня, за который держался ее муж. Дочка радостно округлила глазки и принялась что-то быстро бормотать на своем агукающем языке. Ей было абсолютно не важно, что купол над головой прохудился, что камни скользкие, а вода, в которой они барахтаются, мутная и глубокая. Мама и папа были рядом, и от этого она была счастлива. Абсолютно и безусловно.

— Ну, что будем делать? — отдуваясь после борьбы с водной стихией, спросила жена.

— Я кое-что придумал. Кажется, нашел выход отсюда, — сверкнув глазами, ответил ей муж.

— Нашел выход? Серьезно? — радостно воскликнула она.

— Да. Насколько я знаю, уже многие отсюда ушли именно так.

— Как же?

— Смотри, — указал он кивком головы куда-то ей за спину.

Она повернулась и увидела в стене напротив дверной проем. Он был довольно большим, находился практически над самой водой, но при этом был каким-то уж слишком темным.

— Что там?

— Точно не знаю, я ведь там не был. Но, если не ошибаюсь, он ведет в лучшее место, чем здесь. Впрочем, я думаю, что любое место лучше, чем то, где мы сейчас находимся.

— А если нет? Если ты ошибаешься?

— Не знаю, — задумчиво протянул он, — надеюсь, что не ошибаюсь.

— А почему ты думаешь, что именно так многие отсюда и выбрались?

— Кто-то рассказывал. Говорят, что там совсем все по-другому...

В следующий момент очередная волна, окатив их с головой, оторвала его от камня, и он принялся яростно грести, чтобы только удержаться на поверхности. Она протянула к нему руку, приняла ребенка, и тогда он одним мощным гребком вернулся на свое место.

— Может быть, просто залезем на камень и будем сидеть на нем? — с надеждой спросила она, но он яростно затряс головой.

— Да сколько можно уже здесь барахтаться! Ведь сколько раз залезали на камни, понимали, что делать на них нечего, и переплывали к следующему. Некоторые камни повыше, некоторые поудобнее, но все они посреди того же самого... болота. Отсюда нужно как-то выбираться.

— Да я и не спорю, что нужно. Вопросы только в том — куда и как?

— Нет, главное — это выбраться, а куда — это уже не так важно. Там разберемся.

— И ты готов так рисковать? Если бы мы только вдвоем были, но у нас ведь ребенок еще слишком маленький.

— Вот ради нее, ради дочки нашей, мы и должны отсюда выбраться. Ты только представь, что она, когда вырастет, тоже, как и мы сейчас, будет здесь барахтаться в холодной грязной воде, стараясь взобраться на очередной скользкий камень.

— Нет, только не это! Я согласна с тобой, но сначала нужно все тщательно обдумать, подготовиться.

— А как, как готовиться?

— Да не знаю я, чего ты меня допытываешь? — огрызнулась она, прекрасно понимая, что напрасно на него злится. — Ты же у нас глава семьи, вот и скажи, что нам делать дальше!

— Я и предлагаю воспользоваться тем выходом, которым пользовались уже до нас. Другого все равно нет.

Она вновь посмотрела на дверной проем, но почему-то абсолютно никакого воодушевления при мысли, что именно там может быть выход, не испытала. Более того, даже тени надежды не шевельнулось в ее душе.

— Что-то мне подсказывает... — начала она, но очередная волна смыла конец фразы с ее губ, перемешала слова с мутью и тут же утопила у подножия камня.

— Что ты говоришь? — переспросил муж.

— Ладно, ничего. Давай уже хоть что-нибудь делать.

— Давай, — тоже без всякого воодушевления отозвался он и взял у нее ребенка.

Дождавшись перерыва между волнами, они оттолкнулись от скользкого камня и поплыли в сторону проема. Он держал одной рукой малышку, второй загребая воду, а она плыла рядом, чтобы в случае необходимости перехватить у него ребенка.

Вскоре дверной проем вырос над их головами, и они с облегчением ухватились за каменный парапет. Отдав ей дочку, он взобрался на парапет первым, затем вновь взял ребенка у нее из рук и помог взобраться ей.

На узком парапете стоять было не очень удобно, зато они, наконец-то, были не в воде. С этого места церковь была видна намного лучше, и каждый из них

со щемящим чувством подумал об одном и том же — как многое мы упускаем из виду, занятые тем, что просто стараемся удержаться на плаву. И, что самое обидное, сколько тратим сил на это выживание! Сколько времени! А ведь жизнь идет дальше. Время никого не ждет. И в этом барахтании проходит жизнь. День за днем. Неделя за неделей. А волны со временем становятся все выше, все опаснее. И этим волнам все равно, кого смывать с камня — взрослого мужчину или младенца. От осыпающихся стен вода все грязнее, а от длительного нахождения в холоде мышцы уже не способны работать в полную свою силу. Грязное, неуютное место, где не может быть счастливого будущего...

Дверной проем был прямо перед ними, и теперь им стали видны некоторые подробности, которых они не замечали раньше. Покосившаяся из-за широкой трещины в стене дверная коробка несла на себе следы запустения. Двери на ржавых петлях давно уже не было, а высокий порог был весь в выбоинах.

Осторожно подойдя к нему, они выглянули наружу. Как оказалось, сразу за порогом начиналась лестница, ведущая вниз.

— Почему она ведет вниз? — недоуменно спросил он, но жена лишь пожала плечами.

Лестница была деревянной и, по всей видимости, очень старой. Следы тлена и ветхости так явственно чувствовались в этой ненадежной деревянной конструкции, что она непроизвольно поморщилась и спросила мужа, недоуменно озирающегося по сторонам:

— Ты собираешься нас тащить туда?

— А что делать? — пожал он плечами.

— Ты уверен? Что-то не кажется мне эта лестница надежным путем.

— У тебя есть другие предложения? Если есть, говори. Потому как я сам никакого другого выхода отсюда не вижу.

Осторожно, держась за стену, чтобы не соскользнуть обратно в воду, плещущуюся прямо у их ног, она развернулась и еще раз окинула взглядом церковный зал. Облупленые стены, дырявый купол, вода вместо пола, камни... Свет! Тот самый исходящий от прямоугольника на стене свет, который она видела раньше!

— Слушай, а что там такое? — тронула она мужа за плечо и указала на источник света.

— Понятия не имею. Думаешь, там выход из этого болота?

— Из болота или нет, не знаю. Но что-то мне подсказывает, что из нашего прозябания мы можем выбраться именно там.

— Думаешь, здесь не выбраться? — Он вновь принялся смотреть на деревянную конструкцию, по которой, как он думал, вылезли уже несколько тысяч человек. По крайней мере, где-то он об этом слышал. — По-моему, лестница нас выдержит. А там — и твердая почва под ногами. Трава.

— Интуиция мне подсказывает, что не нужно нам туда лезть, — покачала она головой. — Лучше давай доберемся до этого источника света.

— Ну и что нам это даст? — скептически проговорил он. — Свет и свет. Мало ли что там светится. А здесь — выход.

— Куда? Ты знаешь?

— Не куда, а откуда. Эта лестница ведет ОТСЮДА, вот что главное. Ну что, сколько можно ждать? Ведь время-то идет!

Она вздохнула и посмотрела на дочку. Девочка улыбалась миру, в котором жила, и чувствовала себя совершенно счастливой.

— Знаешь что, — сказал вдруг он, — давай сделаем так. Я полезу первым, потом осмотрюсь там и вернусь за вами.

При этих словах мужа ее сердце неожиданно наполнилось такой невыразимой тоской, что на глаза навернулись слезы.

— Ты не вернешься, — едва слышно прошептала она.

— Что за глупости и упаднические настроения? — удивился муж. — Ну, конечно же, вернусь. Конечно, вернусь!

— Нет, не вернешься. Не вернешься...

Она заплакала и тут же проснулась.

Вокруг было темно, по щекам текли горячие слезы, мгновенно впитывающиеся подушкой в тот момент, когда они ее достигали, а из груди вырывались сдавленные рыдания. Она рефлекторно, еще не вполне понимая, что это был сон, зажала себе рот руками, чтобы заглушить их, и несколько секунд просто лежала, осознавая произошедшее, а затем почувствовала некоторое облегчение. Сон, это был всего лишь сон.

Дочка спала в полуметре от нее в своей кроватке, рядом сопел муж. Он был здесь, вместе с ней и их ребенком, а никакой прогнившей лестницы не было...

Внезапное воспоминание пронзило ее, и слезы на глазах выступили вновь. Муж! Он ведь последнюю ночь спит рядом с ней, а уже завтра утром, завтра утром...

Она тихонько встала с постели, накинула халат и присела рядом с ним. Когда они познакомились, это был веселый и беззаботный студент, мечтающий о счастливом и обеспеченном будущем. Теперь же — а ведь прошло не так много лет — он словно обветшал. Под глазами пролегли темные круги, скулы заострились, а лоб стал как будто больше, отвоевав часть пространства у шевелюры.

Она вдруг подумала, что ведь этот человек до сих пор мечтает о счастье и финансовой свободе, и, в первую очередь, конечно, для своей дочери. Именно поэтому он и решил сделать то, что решил. Несмотря на ее молчаливое несогласие, и даже вопреки собственному желанию как можно больше проводить времени с ней и ребенком. Поначалу она еще уговаривала его передумать, даже злилась на его упрямство, но каждый раз натыкалась на

один и тот же довод: «У тебя есть другие предложения? Если есть, говори. Потому как я сам никакого другого выхода из нашей ситуации не вижу».

По ее телу пробежала дрожь. Она поняла, что только что слышала эту же самую фразу во сне. Он так часто говорил ее наяву (то ли ее уговаривал, то ли себя, хотя, скорее всего, действительно не видел другого выхода), что теперь она даже во сне ей снится.

Сон. Что-то в этом сне было необычное, что-то такое, что отличало его от большинства остальных снов, посещающих ее. Что-то в нем было... логичное, что ли, или, может быть, даже намекающее. «А вдруг это вещий сон? — подумала она. — Вдруг это Подсказка, один из тех Знаков, которые даются людям в переломные моменты их жизни, чтобы они не сбились с пути?» Сложно сказать, ведь что такое Вещий Сон на самом деле, точно никто не знает.

«Да нет, какой еще вещий сон, что за ерунда! Просто я так много за последние дни думала на эту тему, боялась, сомневалась, что меня даже во сне не отпускает».

Она вздохнула, погладила спящего мужа по руке, поцеловала дочь и вышла в коридор. По пути на кухню мельком заглянула в гостиную, где на разложенном диване спали ее родители, к которым они приехали не некоторое время, да так и остались. Они мечтали об отдельном жилье, но пока что возможности его приобрести не было. Это, кстати, был один из основных (если не самый главный) факторов, почему муж так яростно хочет выбраться ОТСЮДА. Он хочет свободы. В первую очередь свободы жить в СВОЕМ доме, только СВОЕЙ семьей. Хочет свободы финансовой, свободы перемещения. «А для этого, — говорил он, — сначала нужно выбраться ОТСЮДА, а там уже разберемся. Главное — уехать за границу».

Но это еще полбеды. Куда уезжать, может быть, действительно не так и важно. Хотя, конечно, важно, и даже очень. Хуже другое — уехать кем? Чернорабочим? Там ведь таких никто ни во что не ставит. Но и здесь совсем не сладко, может, даже и хуже. Наверное. Хотя, конечно, как это узнать, если нигде никогда не был?

Но муж настаивал, и она, скрепя сердце, согласилась. В конце концов, почему бы и не попробовать? Сначала поедет муж (ехать «в никуда» с ребенком слишком опасно), по туристической путевке (чтобы избежать лишних сложностей при получении визы в консульстве и не испортить свой новый — первый и единственный — загранпаспорт отказом, как предостерегают на многочисленных форумах в Интернете), а в последний день пребывания уйдет из отеля и не вернется. Станет нелегалом. Найдет себе какую-нибудь работу, зацепится, выучит язык (говорят, в языковой среде язык учится быстро) и вернется за ними...

На нее накатила такая тоска, что она снова чуть не расплакалась, вспомнив конец своего сна. «Не вернешься. Ты не вернешься...» А вдруг, действительно,

не вернется? Вдруг все пойдет не совсем так, как они себе это представляют? Вдруг вызов для них сделать не сможет? Что тогда? Придется ждать. И неизвестно, сколько времени ждать. Они его — Здесь, а он их — Там. Ждать... А время-то идет. Ребенок растет, они не молодеют, жизнь идет дальше...

Она все же не выдержала и расплакалась. Вдруг боковым зрением она увидела на стене в прихожей какое-то свечение. Этот свет очень напоминал тот, который привиделся ей во сне. На какое-то мгновение в ее душе вновь наступило спокойствие, словно она нашла ответ на давно мучавший ее вопрос «Что же делать?», и теперь не нужно будет расставаться с мужем, словно есть другой путь, и она его видит. Смахнув слезы, она повернула голову и тяжело вздохнула. Это была всего лишь картина на стене. Одна из ее ранних работ. Родители повесили ее в коридоре (кто же упустит возможность похвастаться достижениями своего ребенка?), и теперь каждый, кто приходил к ним в гости впервые, с интересом разглядывал этот прекрасный пейзаж и искренне удивлялся, когда узнавал, что этот пейзаж кисти не профессионального художника, а всего-лишь девушки-самоучки, образование которой было далеко от искусства.

«Да у тебя талант! Нужно его развивать», — говорили гости.. «Да-да...» — неопределенно вздыхала она и шла заниматься хозяйскими хлопотами. Развивать талант, конечно, можно, только вот на это нужно много времени. Да и денег (холсты, краски, растворители, не говоря уже о занятиях с репетиторами) на это ушло бы много. А им жить негде, приходится ютиться с родителями. Не до живописи тут. Хотя, конечно, жаль, рисовать ей всегда нравилось. И ведь получалось же! А учительница в школе так вообще была в восторге от ее работ и предсказывала ей большое будущее. Но родители были против. «Живописью денег не заработать, а учиться нужно на того, кем всегда сможешь заработать копейку» — поучали они и оказались правы лишь в одном. Она теперь действительно зарабатывала копейки.

Неужели бы тем, в чем она так талантлива, она не зарабатывала бы больше? Да еще с каким удовольствием! Ведь творчество — это прекрасно! Это ее! А теперь...

«Стоп! — сказала она себе. — Ведь это же...»

У нее перехватило дух от внезапно пришедшей Догадки. На глазах в очередной раз навернулись слезы, только на этот раз это были слезы счастья.

Тот свет! Тот самый прямоугольный светящийся предмет, к которому ее так тянуло во сне! Ведь это же действительно возможный выход! Да еще какой! Светлый и близкий ей по духу. И с мужем разъезжаться не нужно! Вот оно! Вот оно!!!

Ни секунды более не сомневаясь, что она верно разгадала подсказку, и что во сне действительно была Подсказка, она сама не заметила, как оказалась в чулане. Скинув сверху ворох всякого ненужного хлама, она сняла

со старой коробки из-под телевизора несколько черных тубусов и открутила все крышки. Это были ее работы. Работы талантливой самоучки. Да, у нее не было художественного образования, но зато был Талант. Не способности, не глубокие знания истории и правил живописи, как у десятков тысяч никому не известных выпускников художественных училищ и даже академий. У нее был Талант! Божий дар!

«А Бог никому даром свои дары не раздает», — подумала она и улыбнулась своему каламбуру.

На душе стало неописуемо легко и тепло. От этого тепла мгновенно высохли слезы и даже порозовели щеки. Да, она будет писать картины, будет учиться, будет развивать себя в этом направлении. Как же раньше она до этого не додумалась?! Сколько времени потеряно! Так и только так она достигнет той свободы, о которой мечтает ее муж. И не нужно никуда уезжать. По крайней мере, так рискованно и бесшабашно, как он собирался это сделать. Они будут вместе, их семья не будет разделена. И она станет известным художником, она сможет им стать! Обязательно сможет! И тогда они обретут желанную свободу! Здесь! И вот тогда они смогут уехать, куда захотят.

Ведь Выход внутри нас, а не снаружи. Как и нищета, сковывающая все наши планы и начинания, находится, в первую очередь, у нас в голове. Мы сами себя загоняем в этот угол и оттуда уже не видим ничего, кроме узкого привычного кусочка пространства, где нам не хочется находиться. Мы, и только мы в этом виноваты. Только мы сами!

Она твердым шагом вернулась в прихожую, расстегнула карман большой дорожной сумки, с которой ее муж собирался от них уехать через несколько часов, и достала его старый потрепаный кошелек. Билет в один конец лежал рядом с небольшой суммой денег (на первое время, пока не найдет работу) в главном отделении.

«Он поймет, — подумала она. — Удивится, может быть, рассердится, но все равно поймет. Он ведь тоже в глубине души знает, что лестница эта гнилая. Что, даже если он и слезет вниз, то подняться обратно к нам уже, скорее всего, не сможет. И забрать нас — тем более. Да и счастья он Там навряд ли найдет».

И, нисколько не жалея потраченных на него денег, она разорвала билет на мелкие клочки...

Эта история произошла в одной из постсоветских стран во время очередного экономического кризиса.

Осталось добавить лишь, что через пять лет после описанных событий она организовала свою первую персональную выставку работ. А еще через два года они вместе с мужем и тремя детьми переехали жить к Калифорнию... ❑

Алексей Борычев

НИКТО НИКОГДА НИЧЕГО

Никто никогда не поймет ничего.
Никто ничего никогда.
Сгорает надежды моей вещество.
Тоскливо гудят провода.

Колеблются шторы полдневных
высот
На окнах осеннего дня.
И пробует кто-то безумия сок,
Любви колокольцем звеня.

И спит пустота, и безвыходна
высь,
И даль безысходно чиста.
По кругу блуждает бессонная мысль,
Глупа, одинока, пуста.

Никто ничего никогда не поймет.
Но в этом ведь счастье! Оно
Стекает на душу, как солнечный мед —
С утра заполняет окно.

Пульсирует вечность на правом
виске
Моей постаревшей тоски,
Но стоит ли думать нам всем
о тоске,
Когда серебрятся виски!..

ПАУТИНА

В паутине дней стеклянных,
где погиб, устав, июль,
Мотылечком-огонечком догорал
янтарный август.
В доме времени качался
на окне в былое — тюль,
Заслоняя абрис мира, где был блеск
лесов и трав густ.

Где с пчелиной суетою копошились
времена
В пенном воздухе сирени, в теплой
пене ожиданий.
И бродила по тропинкам в звездной
чаще тишина,
По ночам плясали тени лунный
танец, танец странный!

И бемоли озарений, заполняя зал
сердец
Непонятно-неизбывной светлой
мукою желаний,
Надевали на невзгоды — веры
в лучшее венец.
И ладони наших судеб обжигало
счастья пламя.

Паутина трепетала от грядущей
пустоты,
От ветров осенней ночи,
от безумства листопада,
Ведь у осени от смерти на лице
видны черты,
А в руках ее свинцовых бряцают
ключи от ада…

Но пока в стеклянных нитях бьется
август мотыльком, —
Над полями, над лугами
проливаются туманы.
И с небес хмельное солнце гневно
машет кулаком,
И наносит тучным тучам кровью
хлещущие раны.

ИЮНЬ, ГУЛЯЮЩИЙ В ПОЛЯХ

Июнь, гуляющий в полях густых
ромашковых сердец!
Чье счастье спрятал в рукаве
непримиримого Персея?..
Я по лесам иду к тебе, сплетая
звездных дней венец,
И так хочу, чтоб навсегда мой мир
ты звездами усеял.

Передо мной в глуши лесной смешно
воркует тишина,
И апельсин вечерних зорь спешит
душе моей в объятья.
А на тропинках снов седых танцуют
танго времена,
И надевает пустота — печали
бархатное платье.

В медвяно-липовой глуши,
где обитает бог лесов,
Построю терем из лучей,
золотоцветный лунный терем,

И дверь, как прошлое мое, легко
закрою на засов,
Чтоб всеми — в памяти, во снах —
везде-везде, я был потерян!

И лишь бы ты, мой свет-июнь,
ко мне лесные тропы знал,
И приводил кормить с руки косуль
несбывшихся мечтаний
Последней спелой чистотой, что мне
оставила весна,
Хрустальной влагою поить из родника
сердечной тайны!

ЗВУК

Нет ничего темнее звука,
Нет ничего светлее боли…
В висках стучащая разлука,
Как птица, вырвется на волю.

Пребудет близостью апреля,
Прощающей былые зимы —
С их черной музыкой метелей,
С их тишиной неотразимой…

А после — пестрою весною
В лесных просторах разгорится,
Чтоб майской песнею лесною
Пронзить покоя шар, как спицей…

Нет ничего темнее звука.
В его тени уснуло время.
И память стала близорука,
От немоты времен старея.

Кто знает звук, его не слыша,
Приходит в тихое бессмертье,
Траву причин земных колыша
Ветрами слов «не верьте», «верьте».

Преграды истин разрушая,
В небытие смещая судьбы,
Восходит тихо мысль чужая
Над горизонтом высшей сути

Былых событий и явлений,
Блистая пасмурной печалью
И правдой редких откровений,
Пасующей перед молчаньем.

Зане молчанье благородней
Победно высказанной правды,
Как наступившее «сегодня»
Честней обещанного «завтра».

НАБЛЮДЕНИЕ

Я видел, как зажженная зарею,
Горела ярым пламенем роса,
И над травой, спешащая за роем
Каких-то мошек, мчалась стрекоза.

Переливаясь радугой, сверкала,
Разбившись отраженьями в росе,
И понял я, что целой жизни мало —
Увидеть мир во всей его красе.

ОДИНОЧЕСТВО

Между мной и тобой — сквозняки
Расстояний, ворующих нас
Друг у друга, предельно легки,
Словно кружево искренних фраз.

Меж твоей и моей тишиной —
Разговоры закатных лучей.
И бессмертие пахнет весной,
На твоем расцветая плече!

Меж цветными загадками слов
Оживает растерянность чувств,
Из которой всеядное зло
На обед приготовило грусть.

Одиночества бледный цветок —
Точно лилия в спящей воде.
Нарисуй мне разлукой восток,
Ты! ...которая здесь, и нигде.

ОТТЕНКИ

Ловец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом — пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истертой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В еще глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

ОСТАНОВКА

Остановка!.. платформа: «Детство»! —
Голоса… голоса… голоса…
И куда же от счастья деться,
Когда взгляд летит в небеса!

Остановка!.. платформа: «Зрелость»!
Тишина. Тишина. Тишина…
Обнаглевшая озверелость!
Оголенная боль — сильна!

Остановка!.. платформа: «Старость?..»
Я — с тобою. Ты — не со мной!
Остается… увы… усталость.
Оставляю покой земной.

Остановка!.. платформа: «ТРАУР»! —
Оглянулся: все — позади!
Приближается «скорый» справа.
Останавливается… в груди. ❑

Илья Рюмин

Товарищ Инесса

«...Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, и только бы видеть тебя, ино-

гда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль <...>.

Я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...

Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Крепко тебя целую. Твоя Арманд».

Это — единственное сохранившееся личное письмо Инессы Федоровны Арманд Владимиру Ильичу Ленину. Остальные она уничтожила по его же просьбе. Он уже был лидером партии и думал о своей репутации. А она продолжала его любить.

Инесса Арманд, дочь французских актеров Натали Вильд и Теодора Стефана, появилась на свет 8 мая 1874 года в Париже. Осиротев в 15 лет, она вместе с младшей сестрой Рене отправилась в Россию к тетке, которая была гувернанткой в семье обрусевших французов Армандов, богатых промышленников.

Глава семьи Евгений Евгеньевич Арманд был владельцем лесов, поместий, доходных домов в Москве, фабрик в Пушкино. Выходцы из Франции, они тепло встретили Инессу и Рене Стефан, считая девочек чуть ли не членами семьи.

Но, взрослея и хорошея, Инесса начала задумываться о своем будущем: роль гувернантки в каком-то другом богатом семействе (что, собственно, предполагалось) и даже положение жены какого-нибудь мелкого чиновника красавицу-бесприданницу категорически не устраивали. Она мечтала фактически войти в семью Арманд, стать ее полноправным членом.

Увы, старший сын хозяев, Александр, оставался равнодушным к авансам прелестной француженки. Молодой человек днем изучал биржевые сводки и читал книги по экономике, а по вечерам, не говоря никому ни слова, уходил в неизвестном направлении и часто возвращался лишь на рассвете.

Инесса, практичная и рассудительная, как истинная француженка, догадалась: ищите женщину! И, не откладывая дела в долгий ящик, устроила в отсутствие Александра обыск в его комнате. Результат превзошел ее ожидания: обнаружилась тщательно спрятанная пачка писем весьма интимного содержания, подписанные рукой одной замужней высокопоставленной особы. Редкая удача!

Инесса Арманд в юности

Когда Александр вернулся домой, Инесса поставила ему условие: либо о письмах узнает вся Москва, что навеки опозорит семью Армандов, либо он тотчас же объявляет об их помолвке. По нравственным законам того времени, выбора у Александра не было, хотя от безнравственного поступка своей будущей жены он, разумеется, в восторг не пришел. К тому же пришлось лгать родителям о внезапно вспыхнувшей неземной страсти к племяннице гувернантки сестер. Те, правда, сдались довольно быстро: помог случай. Второй сын, Борис, действительно влюбился в младшую сестру Инессы — Рене — и сообщил о своем твердом намерении жениться.

— Судьба, — горестно вздохнули супруги Арманд, и в семье сыграли сразу две свадьбы.

Через год Инесса родила сына, а вскоре снова забеременела…

Она была не только красивой, но и умной женщиной: во всяком случае, под ее влиянием из равнодушного и неприступного человека Александр постепенно превратился в покорного мужа и любящего отца, проводившего все свободное время с женой и — по прошествии времени — четырьмя детьми.

Знатная возлюбленная была забыта: теперь для Александра Арманда существовала только одна женщина в целом мире, желания и прихоти которой он мгновенно исполнял. И стал… неинтересен Инессе, как охотничий трофей, благополучно повешенный над камином. Красавица начала подыскивать себе новый объект для охоты. И нашла его… снова в семье Арманд. Это был младший брат ее супруга — Владимир, которому только что исполнилось семнадцать лет, тогда как Инессе было двадцать восемь.

Исход был предрешен: юноша очень быстро «сдался на милость победительницы», не понадобилось даже каких-то особых усилий и уловок. Его не шокировало, что возлюбленная хладнокровно оставила мужа и четырех детей (хотя до конца своих дней и оставалась официальной женой Александра Арманда), он гордился тем, что Инесса родила своего пятого ребенка от него, Владимира.

Но банальный адюльтер перерос в нечто новое и неожиданное.

Владимир, с самой юности — убежденный социал-демократ, познакомил Инессу с учением Маркса, которое сильно увлекло его темпераментную и склонную к максимализму возлюбленную. Больше всего ей импонировали взгляды Маркса на свободу женщин при выборе себе спутников жизни. Между тем Александр умолял ее вернуться, присылал письма с вложенными фотографиями их подрастающих детей, но… конверты отправлялись обратно невскрытыми.

И это несмотря на то, что законный муж Инессы был человеком редкого благородства: признал ее внебрачного сына, дал свое отчество и фамилию… Но Инесса уже вкусила сладость свободы: хотя роман с Владимиром оказался недолгим (юноша умер от чахотки), она со всей пылкостью кинулась «делать революцию».

Инесса с мужем Александром Арманд

Взрослея и хорошея, Инесса начала задумываться о своем будущем: роль гувернантки в богатом семействе и даже положение жены какого-нибудь мелкого чиновника красавицу-бесприданницу категорически не устраивали. Она мечтала стать полноправным членом семьи Арманд

Заниматься этим российские «профессиональные революционеры» больше всего любили за границей. Тем более, что в России была вполне реальная опасность оказаться в тюрьме или в ссылке. Инессу, например, арестовывали и ссылали три раза, правда, сроки ссылки были не очень долгими — год, от силы полтора. Но из третьей ссылки в Архангельск она сбежала за границу — в Париж, где хотела «поближе познакомиться с французской социалистической партией». А познакомилась с Владимиром Ильичом Ульяновым. Может быть, именно

поэтому Крупская считала, что «в Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции».

«Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил к Надежде Константиновне, я сразу терялась и глупела...

Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал…»

Инесса Арманд, по удачному выражению А.И. Солженицына, став «подругой Ленина», приняла правила игры «треугольника». Она смогла проявить дружеские чувства и к жене любимого человека, не высказывая даже тени ревности и не ставя никаких условий.

Ну а Крупская ради победы революции была готова на все. Если Ленину суждено было влюбиться в Инессу Арманд, и это помогало делу революции, Надежда Константиновна готова была подняться выше обывательских представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости. Все было подчинено великой идее.

Весной 1912 года чета Ульяновых засобиралась в Краков, поближе к России. Заторопилась в Польшу и Инесса. Крупская писала о пребывании Инессы в Кракове в 1913 году:

«Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду… Осенью мы все очень сблизились с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами и походила больше на студенческую, чем на семейную жизнь. Мы были рады Инессе, она много рассказывала мне о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов… Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич постоянно просил ее играть…»

Когда Арманд не было рядом, Ленин писал ей письма. Пожалуй, мало кому он написал так много писем, как Инессе. Иногда это были многостраничные послания. К сожалению, почти все они впоследствии были уничтожены и мы можем только догадываться о том, что писал «великий вождь пролетариата» женщине, открывшей ему совершенно иной мир — мир чувственной любви.

Похоже, в жизни революционера Ленина женщины играли незначительную роль. Да молодая жена, судя по всему, не вызвала особого прилива радости. Молодожены сняли отдельную квартиру, но спали в разных комнатах. Похоже, они оба рассматривали свой союз как чисто деловой, как создание революционной ячейки в борьбе против само-

Инесса Арманд в окружении детей

державия. Хотя Надежда Константиновна в молодости порой все-таки мечтала о нормальной семье.

Она сама признавалась дочерям Инессы Арманд в 1923 году: «*Так я хотела когда-то ребеночка иметь…*» И уже в пожилые годы повторяла: «*Если бы ты знала, как я мечтаю понянчить внука…*»

Повторюсь, вся жизнь Ленина с юности была посвящена революции. Обратная сторона такой всепоглощающей целеустремленности — ослабленный интерес к противоположному полу. Ему просто было не до женщин. Понадобился невероятно сильный импульс, чтобы пробудить в нем яркое чувство.

Инесса Арманд была — как удар молнии. Страстная и опытная, она открыла Ленину новый для него мир наслаждений. Это оказалось почти так же хорошо, как заниматься революцией. К тому же Инесса была

признанной красавицей. Глубокие выразительные глаза, роскошные волосы, точеная фигура, приятный голос, хорошие манеры.

Социал-демократ Григорий Котов вспоминал: «*… у нее были зеленые лучистые глаза, внимательно-печальный взгляд, правильные черты лица, чистый лоб, блестящая пышная копна волос, изящная фигура… Казалось, жизни в этом человеке — неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья в ее шляпе являлись как бы языками пламени*».

Она пользовалась бешеным успехом у мужчин. Не устоял и Ильич, супруга которого к тому времени уже утратила женскую привлекательность, располнела и подурнела, к тому же страдала базедовой болезнью в тяжелой форме. Глаза у нее были навыкате, «товарищи по партии» ласково называли ее «селедкой» и «миногой».

Крупская узнала о романе супруга, как водится, последней. Несколько раз порывалась уехать, но Ленин ее удерживал. Как соратник в революционной борьбе, Надежда Константиновна была вне конкуренции. Поэтому, наверное, он не оставил жену даже в разгар романа с Инессой Арманд.

Не имея детей, Крупская посвятила ему свою жизнь. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Кстати, нельзя сказать, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям. Она, не жалуясь, помогала ему во всем. Вела его обширную корреспонденцию. Шифровала и расшифровывала переписку с товарищами — дело муторное и трудоемкое. Шутили, что практичный Ленин женился на Надежде Константиновне ради ее каллиграфического почерка.

Надо отдать должное Надежде Константиновне. Они с Инессой не выясняли отношений из-за мужчины — они даже дружили. Инессу, сексуально раскрепощенную женщину, вполне устроила бы и жизнь втроем. Но Ленина смущала свобода взглядов любовницы на интимную жизнь. Она считала, что женщина сама вправе выбирать себе

партнера, а в этом смысле революционер Ленин был слишком старомоден...

Надежда Константиновна соглашалась с мужем во всем. Инесса же вступала в дискуссии с Лениным по многим вопросам, в которых демонстрировала свои более радикальные взгляды, в особенности по вопросу свободной любви. Она говорила, что физическое влечение часто не связано с сердечной любовью.

В конце концов, Инесса уехала. Их роман, так или иначе, тянулся лет пять, пока Ленин не прервал любовные отношения, оставив только деловые. И все равно нежные нотки в письмах постоянно прорывались:

«*Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли.*

Крепко тебя целую. Я написала также Надежде Константиновне».

Ленин хладнокровно отправил Инессу с партийным поручением в Россию, понимая, насколько опасно это путешествие. И ее действительно арестовали, но дело чудом не дошло до расстрела, поскольку уже произошла Февральская революция, а Временное правительство было с революционерами куда менее деликатно, чем царские жандармы и чиновники. Арманд все же удалось бежать обратно за границу.

В апреле 1917 года Инесса приехала в Россию в одном купе пломбированного вагона с Лениным. Она входила в Московский окружной комитет партии большевиков, участвовала в боях, проходивших в городе в октябре-ноябре 1917 года, затем была председателем Московского губернского совнархоза.

В 1918 году Ленин отправил Арманд, под видом главы миссии Красного Креста, во Францию для того, чтобы вывезти оттуда несколько тысяч солдат Русского экспедиционного корпуса. Там она была арестована французскими властями

Ради победы революции Н.К.Крупская была готова на все. Если Ленину суждено было влюбиться в Инессу Арманд, и это помогало делу революции, она могла подняться выше обывательских представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости. Все было подчинено великой идее

за подрывную деятельность, но ее отпустили из-за угрозы Ленина расстрелять за нее всю французскую миссию в Москве.

Наконец Инессе Арманд нашли место в системе новой власти. Специально для нее в аппарате ЦК образовали отдел по работе среди женщин. Она, в частности, была активнейшим организатором и руководителем 1-й Международной женской коммунистической конференции в 1920 году и принимала самое горячее участие в борьбе женщин-революционерок с традиционной семьей. Уж в этом-то деле она слыла большим специалистом!

Отношения Ленина и Арманд возобновились после того, как 30 августа 1918 года в Ленина стреляли. Среди немногих людей, которых он тогда пожелал видеть, была Инесса Федоровна. Возможно, оказавшись перед лицом смерти, он многое переосмыслил, желал видеть рядом дорогого ему человека. Инессу Арманд подозревали в скрытом всевластии — дескать, «ночная кукушка дневную всегда перекукует».

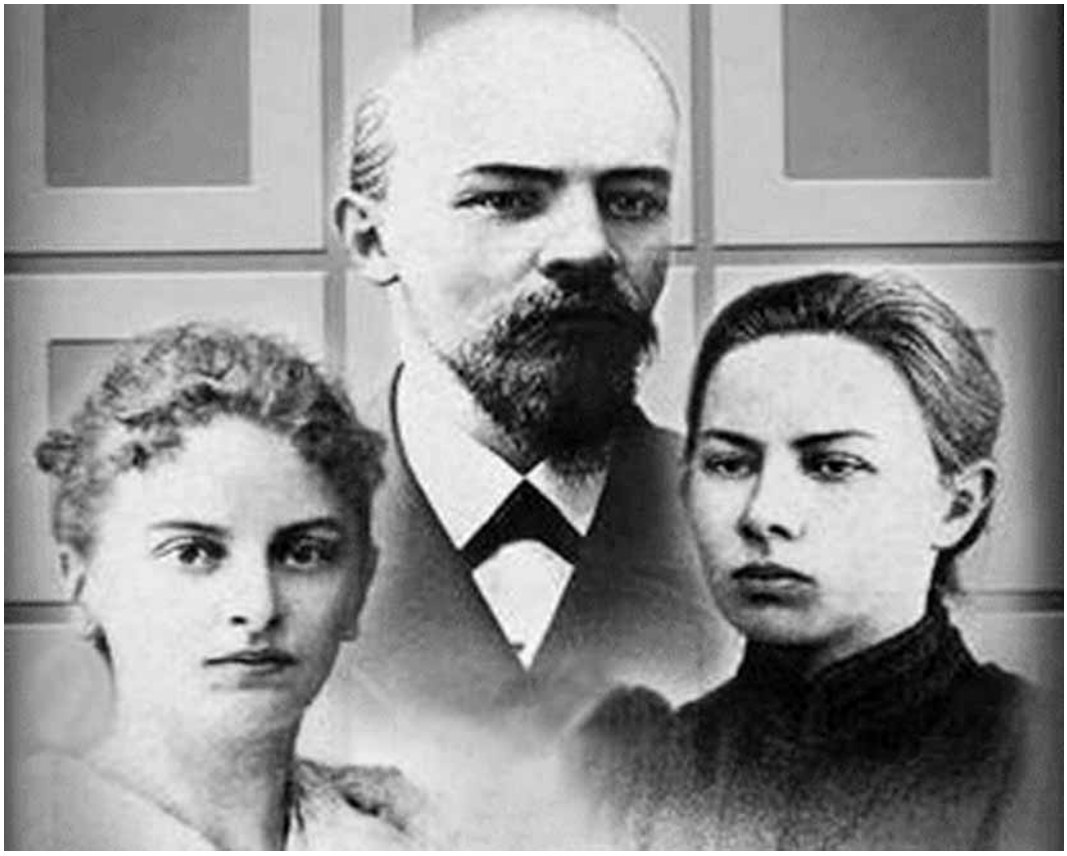
После работы Ленин часто заезжал к Инессе, благо, ее квартира была рядом. Ей дали большую квартиру на Неглинной, установили высоко ценимую советскими чиновниками вертушку — аппарат прямой правительственной связи. Инесса стала самой влиятельной женщиной в Советской России.

В результате у него опять ухудшились отношения с Надеждой Константиновной. А у нее и так были все основания для обиды. Муж пренебрегал ею и дома, и в политике. После стольких лет активной борьбы за дело большевиков Крупской досталась незначительная должность заместителя наркома народного просвещения.

Однако революция быстро надорвала силы Инессы Арманд. Сил у нее оказалось меньше, чем было нужно в это сумасшедшее время. Дети, трудный быт, новая обстановка, революционный ритм жизни менее чем за три года после Октябрьского переворота окончательно подорвали ее здоровье. В своих дневниковых записях незадолго до кончины Инесса оставила такое признание:

«*...Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато... И люди чувствуют эту мертвенность во мне, и они отплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает… Я живой труп, и это ужасно*».

В 1920-м году у Арманд, и без того утомленной государственной



службой, неопределенностью в отношениях с Лениным и чехардой прочих неудачных романов, открылся туберкулез. Ленин настоял, чтобы Арманд отправилась лечиться не в родную, «насквозь буржуазную» Францию, а на Кавказ.

В августе 1920 года Ленин написал Инессе, желая избавить ее от разногласий с другими «партийными дамами» и, прежде всего, с Александрой Коллонтай, претендовавшей на место «первой леди» в партийном аппарате:

«Дорогой друг! Грустно очень было узнать, что Вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории?

Если не нравится в санатории, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку».

Спасая Арманд от женских дрязг в коридорах ЦК и желая сделать ей приятное, Ленин уговорил Инессу отдохнуть в Кисловодске. Она поехала с сыном. Ее отдыхом вождь мирового пролетариата занимался сам, уже убедившись в том, что созданный им же советский аппарат провалит любое дело.

18 августа Ленин связался с председателем Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе:

«*Т. Серго!*

Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего

Последнее фото И. Арманд

Нальчика Инесса Арманд скончалась. Местный телеграфист отстучал телеграмму:

«*Вне всякой очереди. Москва. ЦК РКП, Совнарком, Ленину Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров*».

С транспортом были большие проблемы. Восемь дней ее тело лежало в морге в Нальчике, пока искали оцинкованный гроб и специальный вагон.

Ранним утром 11 октября 1920 года гроб на Казанском вокзале встречали Ленин и Крупская. Гроб поставили на катафалк и повезли в Дом Союзов. Владимир Ильич шел за гробом через весь город. По воспоминаниям Александры Коллонтай: «Мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами, и казалось — вот-вот упадет». Коллонтай считала, что смерть Инессы Арманд ускорила смерть Ленина: он не смог пережить ее ухода.

Дети, трудный быт, революционный ритм жизни опустошили душу женщины и подорвали ее физическое здоровье. Инесса вынуждена была поехать в Кисловодск на лечение вместе с сыном, но там началась страшная эпидемия холеры, и в холерном бараке маленького госпиталя под Нальчиком Инесса Арманд скончалась

обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына, как следует, и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают…»

А на Кавказе уже разразилась страшная эпидемия холеры. 24 сентября 1920-го года в холерном бараке маленького госпиталя близ

Секретарь Третьего Интернационала Анжелика Балабанова описала вождя в день похорон:

«*Не только лицо Ленина, весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах...*»

Среди возложенных на могилу венков один был из живых белых цветов с надписью на траурной ленте: «Товарищу Инессе от В.И. Ленина». Товарища Инессу Арманд похоронили возле Кремлевской стены со всеми почестями. Во время похорон Ленин плакал навзрыд, и потом стал сдавать на глазах.

Смерть Инессы Арманд никому не принесла облегчения. Об избавлении от счастливой соперницы не было и речи. Ревность осталась в далеком прошлом. Болезнь Ленина стремительно развивалась, и для Крупской худшее было впереди. То, что она сделала для мужа в последние годы его жизни, это настоящий подвиг.

На склоне лет Надежда Константиновна уже не видела в Инессе Арманд удачливую соперницу, и приняла на себя заботу об ее детях. В 1922 году в Горки из Франции привезли троих младших детей скончавшейся Арманд (со старшей дочкой Инессой Александровной Крупская вела переписку). Особой любовью она прониклась к младшей дочке Варе. И в дальнейшем следила за судьбой всех детей Инессы.

Надежда Константиновна Крупская

Как известно, Крупская пережила своего супруга на 15 лет и умерла в возрасте 70 лет. Даже по нашим меркам весьма почтенный возраст. Но много ли в ее жизни было счастливых дней и месяцев? Совсем немного. Как и в жизни Ленина.

Кто знает, будь у него любящая и любимая жена, полноценная семья, дети, революция не оказалась бы такой кровавой? Впрочем, если бы у него нашлось желание проводить время в кругу семьи, заниматься с женой и детьми, революции вообще бы не случилось…

Но революция — дама ревнивая и жестокая. ❑

Наталия Солдатова

ТАНГО в купе

Глава 1

Волшебник

— Стойте! Стойте на месте, умоляю! Только не уходите!

Такие истошные крики на тротуаре я давно научилась оставлять без внимания, даже не оборачиваясь в ту сторону, чтобы не разрушать свой деловой и эмоциональный настрой.

— Да стойте же, ну, как вас еще умолять! На колени, что ли, встать? Так встану! Стой-те!

Весь этот визг с забитого машинами шоссе ударял мне сначала в бок, теперь в спину. Москва всегда шумит и кричит, а в промышленных зонах еще и лязгает железом, ухает бетоном, дымит и разбрасывает вокруг то ли пепел, то ли нечто похожее на окурки. Ах, как все-таки жаль, что моя подруга пошла на какие-то незапланированные процедуры, и я именно в то время, которое отвели мы для наших встреч, вынуждена ходить по этому больничному двору, вдоль этой чугунной ограды, и всматриваться в маленькое здание, откуда она должна появиться.

— Женщина, да как же вас еще просить-то, а? Ну, не уходите же! Вы мне сердце сейчас разорвете! Стойте!

Про сердце на дороге — это уже что-то новое, и потому я, наконец, повернулась лицом к высокой чугунной ограде, за которой по тротуару спе-

шили прохожие. Кричащая женщина, грозившая встать на колени, буквально повисла на ограде, крепко уцепившись руками за холодные черные прутья, и смотрела прямо на меня!

— Умоляю — подождите, постойте здесь, пока я войду… Пока я найду… Вы только не исчезайте… Обещаете? Я… Я быстро! Боже! Я искала вас всю жизнь! И вот…

Вся эта тирада совершенно незнакомой женщины, с которой мы точно нигде вместе не учились и не работали, заставила меня заподозрить, что дело здесь пахнет психушкой. И не стоит мне злить человека, надо исполнить его просьбу. Тем более, что я все равно буду топтаться здесь до появления подруги.

— Да, да! Я стою и буду стоять, не надо так волноваться! Вы идите. Советую обойти эту ограду не там, куда вы показываете, а мимо того дома — вон, видите дыру в заборе? Вы худенькая, пролезете…

— Спасибо, спасибо… А вы — ни с места, да? Надо же! Надо же! Наконец-то я вас нашла! Наташа! Ведь вы — Наташа, да?

— Да…

— Я знала, что не ошиблась! Знала! Наконец-то!

Пришел мой черед удивляться. Ну, что ж, через две-три минуты я буду, вероятно, знать, на какой читательской конференции познакомилась с этой дамой — скорее всего, она пишет книги, и я порекомендовала ей обратиться в какое-то издательство. Либо прочла когда-то одно-два ее стихотворения, они мне понравились, и человек ищет сейчас выход своим творческим силам… Либо…

Она подлетела ко мне как вихрь — запыхавшаяся, раскрасневшаяся, со свалившимся на плечо малиновым беретом и с мягкой кожаной сумкой, которую нещадно перегибала и комкала от волнения. Красивая, сильная женщина примерно моих лет, а может, даже помладше. Глаза печальные, но сияют, светятся, и этот свет идет изнутри. По своему жизненному опыту знаю — такие люди добры и скромны. Но энергия в них может быть необыкновенная!

— Я — Нина, — с ходу произнесла она. — Я вас узнала! Ох, сколько же я вас искала!

— Сколько? — чисто из любопытства спросила я.

— Десять лет!

— А вы не ошибаетесь?

— Нет! Вы… жили в Казахстане?

— Да… В Караганде…

— Вот-вот! И однажды вы поехали на поезде в Алма-Ату…

— Да я туда ездила не однажды, часто бывала там в командировках.

— Ну да, ну да… Но однажды… Одиннадцать лет назад…

— Вы сказали — десять.

— Десять лет — это я вас ищу… Куда только ни обращалась… На вашей работе мне дали ваш адрес, я пришла туда, где вы жили, и новые хозяева дали мне ваш новый адрес, я написала письмо, и не одно, но мне никто не ответил…

— Возможно, мы уже снова переехали… Но я просила тех, кто там живет сейчас, пересылать мне всю почту. Но… зачем вы меня искали?

— Я… Господи, только не исчезните! А то наша встреча кажется мне совершенно нереальной…

— Пожалуйста, говорите. Я очень спешу. Жду подругу с процедур. Решим с ней один вопрос, и я побегу. У меня важное деловое свидание. Так что выкладывайте вашу проблему поскорее!

— Да, да… Так вот. Одиннадцать лет назад мы с вами ехали в поезде… В одном купе… Вы занимали нижнюю полку, а напротив вас ехала искусствовед из Союза художников. У нее еще имя очень редкое. Я сейчас забыла от волнения.

— Может быть, Мелитина?

— Да, да! Вы вспомнили?

— Пока не знаю, что мне следует вспомнить. Просто Мелитина была там единственным знатоком искусства, которого я уважала… С которым общалась… С которой… Господи, я уже сама запуталась! Жмите дальше!

— Мое место было над вами… А над этой Мелитиной ехал очень симпатичный молодой человек… Худой такой, высокий. Он был с гитарой, играл и пел. Тихо так пел, но… душа прямо заходилась!

— Нина, ну, я-то тут при чем?

— Вы ни при чем. Я прошу вас только вспомнить ту поездку. Воссоздать в памяти. Вы не представляете, как это важно! Речь, возможно, идет о человеческой жизни… О спасении… Выздоровлении… Вы тогда были в коричневом трикотажном платье с длинными рукавами, большим воротником. Оно вам очень шло. Вы весь вечер сидели за столиком и разговаривали с этой Мелитиной. Ну, после того как Алик перестал петь… А потом, не пом-

ню откуда, взялся маленький магнитофон, и заиграло танго… И мы с Аликом танцевали… Прямо в купе… На этой микроскопической территории…

По мере ее рассказа легкий бриз в моей памяти превратился в штормовой ветер! Я словно перенеслась в это купе со стаканами чая в подстаканниках, которые любит и уважает вся страна, с откровенными разговорами, на которые в обычной обстановке можно и не решиться. Под звуки гитары и магнитофонного танго мы с Мелитиной нашли общий язык, расставили по местам всех известных и неизвестных художников, воздав каждому по делам их, и откровенно любовались этой танцующей парой… Я, правда, знала, что он был женат, но решила держать язык за зубами. Он тоже знал, что мне все о нем известно, но не показывал вида. В танце они прижимались друг к другу все теснее и теснее, и мы с Мелитиной даже несколько раз выходили в коридор, потому что на наших глазах вырастало нечто, как говорится, с первого взгляда… Звучало не страстное, а ласковое танго, оно и сейчас касается моей души и уносит в прошлое… А когда погас свет, когда мы с Мелитиной якобы уснули, наш герой перебрался со своей верхней полки на ее, Нинину… Утром я не заметила, как Алик исчез, а вот Нину встречал муж. Это она нам сказала, увидев его из окна. Вот, дескать, мой муж. И с опаской на нас посмотрела. Мы, естественно, сделали вид, что ничего не случилось.

— Вижу, вижу, что вы вспомнили… Когда я вас не нашла, к Мелитине на работу приходила. Думала, может, она ответит на мой вопрос. Но я опоздала…

— Куда опоздали?

— Мелитина умерла. Она ведь уже старенькая была.

Да… А я и не знала. Связи с Казахстаном давно прерваны, а жаль. Я вспомнила ту поездку. Да, да, вспомнила. Но… вопрос-то в чем? Чего вы, Нина, хотите?

— Так ведь вы этого Алика знали, я еще тогда поняла…

— Да, знала.

— А еще поняла, что он женат, иначе вы бы не делали вид, что с ним незнакомы…

— Ну, может быть. Но я все же не поняла, в чем вопрос.

— Да в Алике же! В Алике! Я ведь до сих пор ничего про него не знаю! До сих пор!

— Ну, и что? Мало ли людей, про которых мы ничего не знаем!

— Наташа, поверьте, в моей жизни одна такая ночь и была! Одна! У нас с мужем не было детей! Много лет! А тут… Я после той поездки… Пошла к врачу, а мне говорят — поздравляем, вы будете мамой! Я с кресла чуть не свалилась. Сейчас моему мальчику, моему Васеньке дорогому, десять лет. Я на мужа его записала. Но… мужа сейчас нет. Одни с сыночком живем. Да все бы ничего, денег нам хватает, я ведь и экономист, и бухгалтер, платят неплохо. Одна беда — со здоровьем у Васеньки не все в порядке.

Моя подруга подошла к нам в наспех накинутой на плечи куртке и с любопытством слушала наш разговор.

— Это — Нина, с которой мы одиннадцать лет назад ехали в одном купе. А это — Настя, подруга моя, журналистка, — представила я их друг другу. — Настя, беги в холл, а то простудишься. Сейчас мы с Ниной закончим беседу, и я к тебе приду.

— Ой, я тоже хочу послушать! Пойдемте все вместе в холл.

— Но… там могут быть посторонние люди, — заметила Нина.

— И что? У нас секретный разговор ? — спросила я.

— Да!

— Так валяйте прямо сейчас! Пока не дошли до холла!

— Хорошо. Сейчас, так сейчас. Кто это был?

— Где был?

— Со мной… С нами в поезде. Кто это был?

— Вы про Алика?

— Да!

— Алик.

— Я понимаю, что Алик. Но у него, видимо, есть полное имя, отчество и фамилия.

— Разумеется.

— Я очень вас прошу, назовите мне его. — Она вдруг заплакала и сквозь слезы огорошила меня невероятным признанием: — До сих пор не знаю, кто отец моего ребенка. Алик и Алик. Ни фамилии, ни профессии… Где живет, кто его родители, какая там семья у него — ничего мне неизвестно! Не знаю, от кого родила! Стыд-то какой!

— Ну, стыда, положим, никакого тут нет. Дали жизнь человеку — это здорово! А… чего раньше-то не искали?

— Да искала, я же говорила, все десять лет искала, только осторожно, из-за мужа. Он понимал, что ребенок не его, но мы об этом никогда не говорили. Жили… Растили… И даже были счастливы. Муж мой умер, а то бы так все и дальше шло. А тут Васятка заболел. Врачи спрашивают, какие патологии были по линии матери и отца. Знать надо, чтобы правильно поставить диагноз. Вот я и кинулась искать.

Я смотрела на Нину и думала о том, что сейчас, когда я назову этого человека, она может просто грохнуться в обморок! Потому что сейчас этот незадавшийся отец, этот Альберт Валентинович так высоко взлетел, что не достать его простому человеку! Придется все же сказать. А, может быть, и помочь.

— Так вы… скажете? Назовете фамилию Алика?

— Конечно, Нина. Тем более что речь идет о здоровье ребенка. Это — Волшебник…

— Конечно, волшебник. Я согласна. Он как-то сразу весь разум мой тогда отключил… Как по волшебству…

— Нина, да ведь это — Волшебник!

— Я понимаю, но… Господи, да не мучайте вы меня! Я и так настрадалась!

— Настя, держи ее, как бы не упала… Давайте лучше в холл войдем, там хоть диван есть. Вот так. Сядьте, Нина. И спокойно меня слушайте. Я по слогам могу произнести. Ваш Алик — это Альберт Валентинович Волшебник…

— Альберт Ва… Что? Что вы сказали?

— То, что слышали. Тогда, когда вы познакомились, он был мало кому известным организатором новой партии… А до этого немного работал в нашей газете. Активный такой. И бард, и альпинист. Все это тоже поработало на его имидж…

— И все-таки повторите еще раз… Имя и фамилию… Со мной что-то творится… Я не ослышалась?

— Альберт Валентинович Вол-шеб-ник!

— Тот самый?

— Именно!

— Вот оно что… А жена его, волшебница, чем занимается? Тоже… сети плетет?

— А вот с женой он, я слышала, расстался. Давно. Сейчас, может, снова женился, не знаю. Тогда детей у них не было.

— Вот оно как получилось-то… А что же мне делать? Господи, да что же мне теперь делать-то? Я ведь думала — узнаю, пойду к нему на работу там, или на улице подойду, признаюсь, извинюсь…

— Да за что?

— Что родила без его ведома! Скажу сразу, что ничего от него не надо, ни алиментов, ни подарков там…

— Это почему же не надо-то, а? — вступила в разговор молчавшая до сих пор Настя. — Вам, может, и не надо, а вот Васеньке вашему мужское, отцовское внимание не помешает…

— Конечно, не помешает! Только и навязываться-то не хочется Мне главное — про болезни спросить. А вы, Наташа, про его родителей ничего не знаете? Ну, чем болели?

— Да у нас мама его одно время в машбюро работала.

— Она жива?

— Нет. Она в аварию попала. А вот папу не помню, хотя он бывал в редакции, к жене заходил. Но мы как-то не знакомились.

— Проблема у вас, дамы, очень интересная вырисовывается, — решительно взяла слово Настя. — А ведь я могу тут кое-чем помочь…

— Чем? — дуэтом спросили мы с Ниной.

— А вот если бы ты, Наталья, читала нашу газету, то не задала бы мне сейчас такой вопрос! Пять дней назад я брала интервью у этого вашего Волшебника! И позавчера оно было опубликовано в нашей газете! Так что у меня есть и адрес его, и телефоны — рабочий, домашний, мобильный. И его визитка! Правда, она у меня в сумке, а сумка дома. Ну, так меня на выходные отпустят. Приходите обе ко мне. Вместе все найдем и… позвоним!

— А выпишут тебя когда?

— Сказали, еще недельку подержат. С сосудами не все в порядке. Ну, и еще кое с чем. Так придете?

— Нина, вы как? Сможете?— спросила я. — Кстати, а живете-то вы где?

— В Балашихе. А работодатели мои в Москве. Вот и мотаюсь. А приехать… да я не просто приеду — прилечу! Только вы мне скажите — человек-то он добрый?

Мы с Настей смотрели друг на друга и думали о том, как наивна новая наша знакомая! Ну разве может современный успешный политик быть до-

брым? Или чутким? Или застенчивым? Или, еще невероятнее, — скромным? Умеющим сострадать… Нет, разумеется, исключения бывают, иные действующие лица интересующего нас масштаба порой бывают способны на отдельные поступки, вызывающие уважение… Может, и этот Альберт — тоже. Должен же он хоть время от времени оправдывать свою фамилию! И потому мы наперебой стали заверять Нину, что все возможно, а она слушала и все равно продолжала плакать.

Из больницы мы с Ниной вышли вместе. Был у меня порыв — сразу же пригласить ее к себе, ведь на моем письменном столе лежит справочник со всеми телефонами — и Госдумы, и областной думы, и там наверняка значится этот самый Волшебник. Но я этого не сделала. И очень, очень пожалела о своей нерешительности. Потому что вечером, включив телевизор, услышала о нападении на машину Альберта Валентиновича Волшебника. Ее обстреляли в Подмосковье, на пути в столицу. Водитель отделался легким ранением, а сам Альберт Валентинович и его спутница находятся в тяжелом состоянии. Их даже не повезли в Москву, а определили в подмосковную клинику, которая оказалась рядом с местом происшествия. Там же присутствовал чуть ли не целый отряд полиции, главный представитель которой отчитался в телевизионных новостях о своих действиях и о плане-перехвате, который был объявлен сразу по горячим следам преступников. Ни разу не слышала, чтобы подобный план когда-то привел к успеху…

Глава 2

Встреча на сайте

Алла Юрьевна вновь зашла на сайт «Одноклассники» и еще раз прошлась по своим знакомым —

однокурсникам, бывшим коллегам. Ей всегда хотелось найти кого-то из своего прошлого. Кого-то, кто был ей дорог, кто повлиял на ее жизнь. Она набирала их имена в поисковике, но — увы! Очевидно, они не заходили на сайт «Одноклассники» и не были столь известны, чтобы засветиться в Интернете. Она пыталась искать их и в других социальных сетях, но результат тоже был нулевой. Она перебрала всю свою жизнь по годам, городам, по местам работы, чтобы никого не пропустить. Пусто!

Но сколько можно обманывать себя? Есть, есть в ее жизни человек, о котором она хотела бы знать все! Но в графе «искать» на сайте она ни разу не набрала его имя! Ни разу… Она боялась, что волна горечи, обиды, бессилия, непонимания накроет ее с головой. Да что волна! Тайфун! Цунами! И она захлебнется — так же, как тогда, в молодости, когда они вышли из театра после очередной репетиции, держась за руки, и стали спускаться вниз по ступенькам. На площади перед гастрономом стояло такси, из которого выходила женщина с ребенком на руках, держа за руку другого, постарше. Вдруг Алла ощутила толчок — ее спутник вырвался вперед, затем вернулся к ней и быстро-быстро выдохнул:

— Иди домой. Одна. Это приехала моя жена. И мои дочери. Там на руках — младшенькая, Каролина. — И бросился через площадь к машине.

Она задохнулась и чуть не рухнула на ступени. Но земля не разверзлась. Мир остался цел и невредим. Она почти на автомате дошла до своей комнаты, полученной от театра, и собрала вещи, чтобы на следующий же день уволиться и уехать, куда глаза глядят.

Любила ли она его? Уверенности в сильном чувстве не было, но жить и строить с ним семью тихо и как-то незаметно вошло в ее планы. Он добивался этого долго. Когда она шла с репетиции, то на красной ковровой дорожке возле репетиционного зала он обязательно стоял на коленях и, поймав ее руку, целовал ее на глазах у всех. Кто-то в театре радовался за нее, да и за него тоже, кто-то завидовал, и лишь одна женщина, работница костюмерного цеха, как-то подошла к Алле и предупредила ее, будто слышала, что он женат. Алла призадумалась и однажды, когда он был у нее и отлучился на кухню, залезла в карман его пиджака, извлекла паспорт и успела его пролистать. В нем не было никаких штампов!

На следующий день, придя в театр, Алла подала заявление об уходе. По тому, как на нее смотрели, она поняла — все обо всем знают. Директор, во избежание семейного конфликта, отпустил ее сразу, не заставил отрабатывать две недели, как тогда было заведено. Подошла одна сочувствующая актриса и предложила устроить ее в небольшой провинциальный театр недалеко от столицы. Алла согласилась. Главный режиссер, которого она никогда не видела и не знала, сказал, что они будут ее ждать!..

Она купила билет и вернулась домой. Поезд уходил вечером, в половине шестого. Когда раздался стук в дверь, Алла даже не пошевелилась. Минут десять было тихо, потом дверь задрожала от ударов.

— Открой! Она уходит! Она оставляет мне детей! Мы их вырастим! У нас будет чудесная семья! Открой! Выслушай меня! Не молчи! Я не смогу так жить!

Она ничем не выдала своего присутствия. И он, подумав, что ее действительно нет, ушел.

Ее никто не провожал. Соседка порывалась помочь донести вещи до поезда, но Алла отказалась. Она была уверена, что поставила точку. Уехала в неизвестность. В никуда. Начинать все с самого начала. Строить жизнь. И строить себя.

А потом ее жизнь выпрямилась, дорога стала ровной, а главное — она знала, куда идет. И очень редко думала о человеке, который чуть не сломал ей жизнь. Но все же иногда думала. Как-то у него все сложилось? Да и жив ли? Ведь он старше нее лет на десять, значит, ему уже за восемьдесят… Сайт «Одноклассники» призывал ее к действию, и в окошечке поиска она решительно вывела: Галактион Морозов. И тут на нее посыпалась неожиданная информация — оказывается, Морозов издал уже не одну книгу о театре и о своей персоне и вроде бы живет себе припеваючи то ли в Питере, то ли в Москве. Правда, где-то промелькнуло сообщение о его болезни, но… Промелькнуло и погасло!

Алла поискала его в других социальных сетях, но безуспешно. Хотела прочесть его книги — не получилось. И тут ей пришла в голову разумная мысль — отыскать его дочь. Она запомнила имя — Каролина. Каролина Морозова. Правда, девочка, скорее всего, давно стала замужней дамой и сменила фамилию… Но попробовать стоит. Алла решительно набрала в окне поиска — Каролина Морозова, и получила портрет прелестной молодой женщины, сфотографированной на фо-

не театрального интерьера. Очевидно, портрет был сделан в молодости, ибо сейчас Каролине должно быть уже лет пятьдесят… Она тут же отправила ей послание с просьбой откликнуться, если ее отчество — Галактионовна. Каролина откликнулась на следующий же день — да, Галактионовна. Да, отец — артист, писатель. Между ними завязалась активная переписка. Алла осторожно заметила, что знала ее отца в молодости, видела на сцене, запомнила. И стала так же осторожно интересоваться, как сложилась его жизнь. Оказалось, что он перенес несколько инсультов и сейчас мало что может и почти ничего не помнит… У его постели все время дежурит медсестра. Что когда-то, в молодости, он перенес страшный стресс — исчезла его жена, оставив ему маленьких дочерей. Ушла в неизвестность. Растворилась в пространстве. В документах так и значилось — пропала без вести. Ее не нашли. Так что бедная Каролина и ее сестра росли с другими «мамами» — Галактион, как видно, не любил оставаться один. Говорилось даже о какой-то приемной семье, но вскользь и без каких-либо уточнений.

Все это потрясло Аллу. Значит, когда она сбежала в тот маленький городок, в провинциальный театр, где, к слову сказать, не задержалась, семья Галактиона все-таки распалась? И ее жертва оказалась совершенно ненужной? Более того — пагубной, ведь она бы, возможно, могла заменить девчонкам мать. Ох, как все запутано, как сложно… И как ей не хочется, чтобы эта Каролина узнала о ее причастности к их давней трагедии… Или непричастности?

Каролина время от времени продолжала писать о состоянии папы — оно не улучшалось. Алла отвечала обтекаемо, проявляя, тем не менее, сочувствие. А потом переписка внезапно оборвалась. Каролина просто перестала выходить на связь. Алла Юрьевна не настаивала — это показалось бы подозрительным.

И вот сегодня Алла вновь прошлась по всей переписке и поняла, что Каролина больна. Незаконченные фразы… Неуравновешенная психика… Резкие, отрывистые предложения… Господи, та трагедия прошлась не по одной судьбе… Нет, надо завязывать с прошлым! И жить только настоящим! Слава богу, у нее есть сын, живущий, правда, в другом городе, есть внучка и внук. У нее хорошая невестка. Хорошие соседи. Замечательные коллеги! Многие годы, бросив театр, Алла Юрьевна работала в газете, занимаясь там вопросами медицины. А теперь, на старости лет пришла и в саму медицину, вспомнив, что когда-то сумела окончить курсы медсестер. В медсестры, правда, ее никто не приглашал — во всех больницах шли большие сокращения, а вот сиделки были нужны. Оборудовали несколько палат для богатых — каждая на одного человека, и услуги Аллы Юрьевны тут стали неоценимыми. Тем более что в больнице ее любили

и уважали, она всех — тоже. Словом, полная идиллия! И прибавка к пенсии немалая, внукам можно делать хорошие подарки. Пожалуй, Алла Юрьевна никогда ранее не чувствовала себя такой счастливой. В молодости было слишком много забот, чтобы ощутить, как хорошо может быть все вокруг, как замечательно устроена эта жизнь. Работа, заботы о муже и сыне, долги. А сколько она билась, чтобы получить новую квартиру!

Мужа давно с ней нет — он ушел к другой женщине, и как живет ее дорогой, она не знает. Видимо, неплохо, ведь у него наверняка есть связь с сыном, и если бы отец находился в критической ситуации, он бы призвал мать на помощь. Но это как-то давно ее не занимает. Ей ближе стали совсем другие люди. И главное — ее замечательная подруга Зоя Алексеевна. Прямо мисс Марпл! Вместе с настоящими детективами она распутала уже не одно преступление. Каждая их встреча для Аллы Юрьевны праздник. Зоя Алексеевна зовет ее Аллюр, объединяя имя и отчество. Так же звали ее и в редакции. Ну и пусть зовут! Аллюр так Аллюр.

Зазвонил телефон. Алла Юрьевна оторвалась от компьютера и ответила на звонок. Старшая медсестра хирургического отделения умоляла ее срочно, даже сверхсрочно приехать к больному Волшебнику, на которого было совершено нападение. Этот больной якобы нуждается в особом уходе.

— Он что, с гастролей ехал? — уточнила Алла Юрьевна.

— С каких гастролей? С выступления. Он — кандидат во что-то. В губернаторы, что ли. Не знаю точно. Волшебник — это фамилия такая.

Алла Юрьевна улыбнулась. Надо же, ей еще никогда не приходилось ухаживать за волшебником! Должно же от фамилии что-то перейти к человеку.

И она, вызвав такси, стала собираться на работу.

Глава 3

Знакомство с любимым

— Зоя Алексеевна, дорогая, опять я к вам. Благо, живем рядом и я очень рада этому обстоятельству.

— Ох, Наташенька, опять, небось, тайну какую-нибудь хотите раскрыть? — раздалось в телефонной трубке.

— Хочу. Вы же знаете, какой я любопытный человек. Прямо как Валентина. Жаль, не могу ее позвать — с рождением своего Макара она вообще отошла от дел. Хотя это на нее так непохоже!

Тут надо заметить читателю, что Валентина Васильевна Орлова — непревзойденный частный детектив и главное действующее лицо почти всех моих повестей и рассказов. Собственно, на ее оперативных действиях и сногсшибательных находках и строились все мои прозаические творения. Однако недавно она стала матерью, и все, что раньше было для нее главное, отошло на второй план. А поскольку маленький Макар был долгожданным ребенком, то ясно, что эта семейная идиллия продлится еще очень долго.

— У вас ведь подруга в подмосковной больнице работает?

— Работает. Только не всегда, а время от времени, когда там требуется ее помощь. Вчера у меня как раз была, столько интересного про больницу рассказала. Там у них такой театр разворачивается!

— Хм… А можно в двух словах — в чем там дело? Я-то ведь именно про эту больницу и хотела с вами поговорить.

— Там появилась новая медсестра, которая… как бы это выразиться… неадекватно относится к некоторым женщинам. Следит кое за кем, разговоры телефонные старается подслушать, блокнот с записями вытащила из чужой сумки, ознакомилась и назад положила. Подруга моя, естественно, виду не показывает, что это все засекла, — мало ли какие дела там творятся. Может, наркотики, может, другое что. Вот и интересно — что? Мы с ней решили выработать план действий, да не успели. На Волшебника этого напали, и его в их отделение доставили. Ну, и всех, кто с ним был. Ее тут же на работу и вызвали, она ведь безотказная.

— Ну, надо же! Я вам именно по этому поводу и звоню! Понимаете, есть одна женщина, Нина ее зовут. По профессии она экономист. Да это неважно! Ее надо срочно устроить к этому Волшебнику. Ну, ухаживать за ним, что ли… Бывают же там сиделки. Но чтобы это ни у кого не вызвало подозрений.

— Наталья, а что там, шпион завелся, в больнице этой? И его надо выследить? И вы посылаете своего агента? Но почему через меня? Тут через главврача надо действовать.

— Ах, не шутите. Какой шпион? Этим занимается, сами знаете, какая организация. Нине просто необходимо быть рядом с Волшебником. Она свалилась мне на голову вчера прямо на улице и вцепилась в меня мертвой хваткой. И ей нельзя не помочь. История потрясающая, и вместе с тем банальная. Вы не поверите — именно я была свидетельницей ее начала! В поезде! Мы вместе ехали в купе, она познакомилась с Аликом и… Ну, словом, стояла в клинике на учете как бездетная, а после этой встречи родила. Все подробности — при встрече. Алик промелькнул в ее жизни как кинокадр и исчез. Она и фамилии его не знала. А вчера с моей помощью узнала.

— Интересно. И даже очень. Но у пострадавшего уже есть сиделка. Подруга-то моя — наша милая Аллюр!

— Аллюр?

— Ну да, Алла Юрьевна. Да ты ее еще по газете должна помнить.

— Да пока что-то не… И как же быть нашей Нине? Уплыла такая возможность познакомиться и как-то сблизиться с отцом своего ребенка!

— Постой, Наталья. У них всегда проблема с санитарками. Сейчас я позвоню Кире, узнаю. Соседка моя бывшая тоже там работает. И Аллюр подключу, чтобы вашей Нине было там комфортно.

— Вот и прекрасно. Я бы могла по своим каналам, но не хочется эту Нину засвечивать.

— Да понимаю.

Оказалось, что в отделении Нину рады были принять в любой момент. И она не замедлила там появиться. Пройдя через кордоны полиции, а потом через все необходимые медицинские процедуры, дождавшись результатов своих анализов и допуска к работе, она спокойно взяла в руки ведро, швабру и тряпку, поскольку ничего нового

для наведения чистоты в этой больнице придумано не было, наполнила емкость водой и взялась за работу. Ей сказали, с каких палат следует начинать. Они все располагались далеко от палаты Альберта Валентиновича, тем не менее, она неуклонно приближалась к Волшебнику. И старшая медсестра, и сестра-хозяйка несколько раз подходили к Нине, проверяли качество работы. На их лицах прямо-таки читалось: «Наконец-то»! Нина старалась изо всех сил. И настал момент, когда ее отделяли от заветной палаты всего несколько шагов. Дежуривший охранник открыл ей дверь, и она вошла в палату. И тут же наткнулась на удивленный взгляд пожилой женщины, сидевшей у постели больного.

— Я — Нина, уборщица новая.

— А я — сиделка Алла Юрьевна. Вообще-то пол я протерла, ни на кого не понадеялась — знала, что санитарок нет, — произнесла она. — Но вы окнами, пожалуйста, займитесь. Я хотела приоткрыть, но не решилась, промыть там надо. Работа большая, а мне нельзя отвлекаться.

— Да, да, конечно. А он… спит?

— Спит.

— Можно, я посмотрю?

— Можно. Только близко подходить не надо.

Нина вглядывалась в больного и думала о том, как мало он изменился — она бы непременно узнала его на улице, например. Правда, волосы стали реже, и лицо приобрело нехороший землистый цвет. Но ведь он ранен. А еще он стал как бы и выше, и шире. Солидный мужчина. А тогда был почти юноша.

— Вы как-то по-особому на него смотрите, — заметила Алла Юрьевна.

— Ну, мне просто любопытно…

— Да нет, тут не любопытство. Тут что-то другое. Впрочем, я вам не мешаю, работайте.

Вымыв все, что надо и не надо, Нина, наконец, отправилась дальше исполнять свой служебный долг. А продолжавшая дежурить в палате Алла Юрьевна вытащила из кармана халата свой мобильный телефон и набрала номер подруги:

— Зоя, милая, ты нам эту Нину, санитарку, подослала?.. Да нет, хорошо работает. Но спрашиваю прямо, и ты не юли. Ее появление здесь имеет какое-то отношение к… опекаемому мной человеку? Да? Нет, нет, никому, ты меня знаешь. А это связано с нападением? Нет? Становится все интереснее. До завтра, дорогая! — Она быстро завершила разговор, увидев, что больной стал просыпаться, — хотела позвать медсестру, ведь с пробуждением тела пробуждаются и одолевающие его боли, и следует принять необходимые лекарства. Но он движением руки остановил ее.

— Подождите. Не уходите. Я видел удивительный сон… Ко мне пришла девушка в цветах… В ромашках и васильках… И сказала, что она — моя любовь… — Все это он прошептал с закрытыми глазами. А потом посмотрел на Аллу Юрьевну и спросил: — Здесь был кто-нибудь?

— Я…

— А… кроме вас?

— Да… санитарка заходила. Нина. Буквально на минуту.

— Нина… А та девушка… во сне… меня поцеловала. Удивительно…

Алла Юрьевна смотрела на него и думала о том, что вся наша жизнь состоит из таких вот минут, но мы далеко не всегда осознаем, насколько они удивительны и неповторимы… Она хотела сказать об этом больному, однако заметила, что он снова уснул.

Глава 4

Стакан воды

Алла Юрьевна прекрасно понимала — не зря возле дверей ее подопечного поставили охранника. Если Волшебника действительно пытались убить, то попытку могут и повторить. И даже, как предполагают все средства массовой информации, обязательно повторят! Она явно поторопилась, дав согласие дежурить у постели этого больного. Хотя бы приплатили ей за вредность. За нахождение в заведомой опасности. Впрочем, может, и доплатят какие-нибудь гроши. Либо раскошелится сам Альберт Валентинович. Заметив, что больной просыпается, Ал-

ла Юрьевна приготовила ему все необходимое для туалета. В палату заглянул охранник.

— Все в порядке?

— Как на параде!

— Губернатор вроде хотел прибыть.

— Ну и что? Как прибудет, так и убудет.

— Ну, так я говорю, чтобы вы приготовились.

— Понятно. Спасибо. Дверь закрой.

— А еще журналистов ждут.

— Да ради бога!

— А еще из мэрии, врач предупредил.

— Господи, тут что, заседание Думы? Человек больной, а они лезут и лезут…

— Вот и я думаю.

— Доктора-то куда смотрят? Не пускать, и все дела!

— Вот и я…

— А ты встань у дверей с автоматом, и — ни с места!

— А что? Я могу!

— Вот и смоги! Ладно. Дверь все же закрой, а то сквозит. Форточка же открыта, понимать надо.

— Все, все, ухожу, закрываю!

Алла Юрьевна подошла к столу и посмотрела свои записи. Так… Сейчас больному должны ставить капельницу. Вторую за сегодняшний день. Надо предупредить, чтобы сделали это попозже, раз будут гости. Она направилась, было, к двери, но больной неожиданно произнес:

— Не оставляйте меня…

Тут пришла с капельницей медсестра Аля, спросила, какую руку предпочитает отдать ей Альберт Валентинович.

— Левую.

— Там, где сердце, — пошутила Аля.

— Как вас величать по имени-отчеству?

— Альбина Георгиевна.

— Мы почти тезки с вами.

— Да. Наполовину, я все-таки не Валентиновна. Так. Все, можете отдыхать. Рукой шевелить не надо.

— Медленно ваше лекарство капает. Этак часа два пройдет.

— А вам спешить некуда.

— Посидите со мной. Я люблю разговаривать с женщинами.

— Не могу, меня доктор ждет, Лина Георгиевна. А с вами — наша незаменимая, наша милая Аллочка Юрьевна. Аллюр! — И она вылетела из палаты, словно дуновение ветерка.

— Аллюр… А ведь это интересно и остроумно. Алла — Юрьевна. Да просто здорово!

Он вдруг закашлялся, тело заходило ходуном, голова замоталась по подушке.

— Все хорошо, хорошо… — наклонилась над ним Алла Юрьевна. — Вам нельзя много говорить… И вообще говорить не надо… Копите силы. Настраивайтесь на выздоровление. Убеждайте себя — все будет прекрасно. Мысленно повторяйте — я молод, красив, умен, и у меня замечательное будущее… А скажите, — смутившись, спросила она, — вы, когда произошла авария, с женой ехали?

— Нет. С женой я расстался очень давно. Когда был еще, так сказать, никем. Со мной в машине была одна из моих помощников. Когда я баллотировался в депутаты, она работала в моем предвыборном штабе. Мне передали, что ее состояние стабилизировалось.

— Да, да. Сейчас после капельницы тут к вам понаедут. Ну, и из полиции тоже, наверное.

— Были уже. До вас. Думаю, мой водитель рассказал им больше, чем я.

— Но вы хоть знаете, кто это вас и за что?

— Вы прямо как следователь. Знать это невозможно. Враги, так сказать, со всех сторон. И в политике, и в бизнесе.

— И вы не боитесь?

— Чего?

— Жить дальше.

— Раньше боялся. Но человек вроде меня непременно доходит до такой грани, когда бояться уже бессмысленно. Либо надо забиться в нору где-нибудь в глухой деревне и жить там тихо, не высовываясь, в свое удовольствие. А я ведь еще пользу хочу людям принести.

— Говорите, пожалуйста, ровно, спокойно, а то опять закашляетесь. Ну, вот!

Приступ кашля в этот раз продолжался дольше, и Алла Юрьевна отключила капельницу, вытащила иглу и попросила охранника по-

звать сестру. На сей раз пришла другая медсестра, Кира, сказала, что привезли тяжелого больного, и Аля им занимается. Она вновь подключила капельницу и уже собралась уходить, но больной спросил, как ее имя-отчество.

— Кира я.

— А по батюшке?

— Кира Галактионовна!

Алла Юрьевна, вздрогнув, внимательно посмотрела на нее, и это не укрылось от Киры.

— Что это вы так испугались-то? Отчество, конечно, длинноватое, но, на мой взгляд, очень даже красивое!

— Вы правы! Очень! А отец-то ваш кто по профессии?

— Отец мой инженер… был.

Алла Юрьевна вздохнула. А ей уже показалось… И чего только не покажется на старости лет! Подумала — пробралась змея подколодная, чтобы отомстить… За мать родную… Любовнице, как она думала. Кто поверит, что ничего такого между ними не было! Не было? Совсем-совсем? Хм…

— А вы — что же? — спросил Альберт Валентинович.

— А мы не пошли по отцовским стопам, потому как медицина показалась нам интереснее. Ладно, пойду. Тут еще с полчасика будет капать. Алла Юрьевна, сами отключите?

— Конечно.

Кира ушла. Алле Юрьевне надо было успокоиться, к тому же ей захотелось сделать для больного что-нибудь приятное.

— Альберт Валентинович, а хотите, я вам что-нибудь почитаю? Вольтера, например. Или вот — смутное время, о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, образце доблести и чести. А вот есть о повседневной жизни современного Парижа…

— Расскажите лучше о себе, — вдруг произнес Волшебник.

Алла Юрьевна начала рассказывать, и голос ее звучал так тихо и монотонно, что больной незаметно уснул. Тут в палату вошла Лина Георгиевна — вся какая-то странная, взвинченная, глаза с нехорошим блеском, — и заметила, что капельнице скоро конец. Потопталась, хотела уйти, но Алла Юрьевна попросила ее побыть в палате минутки две — нестерпимо хотелось пить.

— Нет, нет, останьтесь, я сама вам что-нибудь принесу! — возразила Лина Георгиевна. — Только скажите что — чай, кофе? Там еще и минералка есть.

— Вот ее, если можно.

Алла Юрьевна отключила капельницу, выставила ее в коридор, хорошенько укрыла больного и, пересев в кресло, вытянула ноги. Теперь можно и отдохнуть.

Лина Георгиевна отсутствовала недолго, вернувшись в палату, она поставила на стол стакан с минеральной водой.

— Это волжская вода. У нее особенный вкус, вот увидите. А вы бывали на Волге? — шепотом спросила она.

— Была. В молодости.

— Это не туда ли вы уехали от своего актера-ухажера? Помните, рассказывали, как он, стоя на коленях на красной ковровой дорожке, объяснялся вам в любви! А ведь был женат… Какие же коварные эти… мужчины!

— Да я уж про это и думать забыла, — примирительно сказала Алла Юрьевна. — Как-никак, а почти полвека прошло…

— Вы-то, может, и забыли, хотя рассказываете об этом очень даже живо. А вот пострадавшая сторона… Вдруг там кто-то до сих пор помнит о ваших… похождениях?

— Лина Георгиевна, да что с вами? Вы прямо вцепились в мое прошлое! Почему?

Разговор накалился, все вокруг словно искрилось, стало трудно дышать. Алла Юрьевна схватила стакан с водой и залпом выпила ее. Вдруг ее бросило в жар, а тело пронзила жгучая боль. Где-то там, внутри, словно прогремел взрыв, голова закружилась, и она упала, уткнувшись лицом в пол … Мир поначалу стал кроваво-красным, потом померк, и наступила глухая, бездонная тьма…

Лина Георгиевна, пошатываясь и, очевидно, еще не совсем понимая, что же произошло, вышла из палаты, не закрыв за собой дверь, и, молча пройдя мимо охранника, отправилась в комнату медсестер. Аля и Кира были на месте.

— Там… ваша Алла Юрьевна… С ней обморок… Помогите… Я не в состоянии… Дайте… воды. Можно?

Кира уже умчалась к сиделке, Аля стала искать для докторши пустой стакан. Однако

Лина Георгиевна схватила тот, что был уже наполнен водой, выпила и тут же ощутила сильное жжение внутри, словно там развели костер. Аля заметила, что докторша почему-то посмотрела на маленькую прозрачную пустую коробочку, мирно стоящую на полке с медикаментами, а потом вдруг упала на тоненький синий коврик, и по нему медленно потекла тонкая струйка крови. Глаза ее уставились в потолок, и она перестала дышать…

А уже через несколько минут в ординаторской началось столпотворение — приехал губернатор со свитой, прибыли депутаты, все рвались навестить Альберта Валентиновича Волшебника и совершенно не понимали, почему им в этом препятствуют. Главврач с перепуга — как же, два трупа! — вызвал не только полицию, но и потребовал отряд ОМОНа. О происшествии сообщили в ФСБ — к этому обязывало присутствие в отделении все того же Волшебника. Ведь эти две смерти могли быть связаны с очередным покушением на депутата. Не получилось убить его в машине — попробовали в больнице. А то, что вместо него погибли две женщины, — это дело десятое.

Альберта Валентиновича срочно перевели в другую палату, перенесли туда все его вещи и книги.

— Господи, она ведь час назад хотела почитать мне Вольтера… Пофилософствовать…

— С Богом теперь философствует, — заметил охранник, уставший всем повторять, что никто посторонний в отделение, а тем более в палату Волшебника не заходил.

Весь персонал убедительно попросили никому ничего за пределами отделения не говорить, да и домыслы свои посоветовали оставить пока при себе. Вот почему Зоя Алексеевна и знать не знала, что больше никогда не сядет со своей подругой раскладывать очередной пасьянс. Но какими-то неведомыми путями до нее долетела страшная весть, и она поняла — этот криминальный пасьянс, возможно, окажется потруднее всех предыдущих. Но у нее всегда получалось сложить карты по одним ей ведомым законам. Однако карты — это картинки. А тут — судьба. Жизнь и смерть. Ах, как жаль душевную, заботливую, красивую Аллу Юрьевну! Лину, эту черноволосую докторшу, Зоя Алексеевна почти не знала — она появилась у них в больнице не так давно. Но все равно и ее, конечно, жаль. Интересно, есть ли у нее семья?

Алла Юрьевна, Алла Юрьевна! Сама призывала всех к осторожности, твердила, что надо жить с оглядкой, и вот на тебе! Не успела, видно, оглянуться… А, может, и оглянулась, да не увидела убийцу…

Глава 5

Любовь, любовь...

Часом ранее Нина отпросилась у сестры-хозяйки в магазин стройматериалов, заявив, что в туалете Волшебника, да и в общем туалете хирургического отделения необходимо замазать, зашпаклевать щели, в которые, извините, дуло. Она возвращалась в больницу, помахивая сумкой с купленным цементом и заодно мастерком, и улыбалась. Как все хорошо складывается! Ведь это невероятно — она все же оказалась рядом с Волшебником…

Так, с улыбкой, Нина и вошла в больничный вестибюль. Но тут же поразилась — обстановка в здании сильно изменилась. У нее самым внимательным образом проверили пропуск. Все, кого она видела, были растеряны и недоуменно переглядывались друг с другом. Сердце тревожно забилось — неужели что-то случилось с ее любимым? Она поднялась в отделение и заглянула в палату, но Альберта Валентиновича там уже не было.

— А где же… больной? — растерянно спросила Нина у стоявшего рядом полицейского.

— Позже вам все объяснят. А пока давайте пройдем в другую палату для… беседы. Полицейский явно хотел сказать — для допроса!

— Но… что случилось-то? Объясните! С ним все в порядке?

— С ним-то все в порядке…

И на нее градом посыпались вопросы. Давно ли она знает Аллу Юрьевну? Лину Георгиевну? Почему пришла работать в отделение именно сегодня? Что заметила необычного в поведении окружающих? Что бросилось в глаза? Показалось подозрительным? Нина отвечала быстро и вразумительно. Естественно, указав, что причиной выхода

ее на эту работу стала необходимость дополнительного заработка — одна растит сына, ни от кого нет помощи.

Когда поток вопросов стал убывать, Нина воспользовалась паузой и все-таки спросила, что же случилось. Ответ ее потряс, сердце нехорошо кольнуло. А ведь что-то чувствовалось, что-то витало в воздухе. Вдруг страшная мысль пронзила мозг — а ведь это могло быть покушение на Альберта Валентиновича! Но почему тогда убили этих женщин, а не его? И что может сделать жалкая охрана в лице одного человека, который, кстати, вечно ползает то покурить на лестничную площадку, то в туалет, Нина видела.

О, господи, голова кругом! Ее отпустили и посоветовали идти домой. В коридоре она встретила сестру-хозяйку, извинилась, что не может выполнить сейчас работу, на которую сама напросилась, — уже нет времени, убрала в подсобку купленный цемент и решила пройтись по палатам, а не спрашивать, куда перевели Волшебника, чтобы не навлекать на себя подозрения. Она буквально пропорхнула по коридору, осторожно приоткрывая двери — мужских палат было не так уж много. Альберт Валентинович оказался в последней, самой маленькой. Но палата была на двоих. Именно здесь лежал внук какого-то известного маршала. Значит, Волшебника к нему «подселили». Возле его постели никто не дежурил. Он лежал, укутанный одеялом — в этой палате было прохладно, и что-то рассказывал соседу.

— Как же вы теперь без сиделки-то будете, Альберт Валентинович? — подойдя к нему, спросила Нина.

— А вот плохо, плохо мне без сиделки! Я уже просил, чтобы прислали ко мне одну женщину. Очень даже неравнодушного человека. За хорошую, знаете ли, плату…

— Какого… человека? Какую женщину?

— Вас!

— Ой, правда? А они согласились? Ну, заведующий, главврач…

— Они согласились! Но вас на месте не было! Пошли искать. А вы — тут как тут!

— Так я на допросе была.

— Мы все прошли эту процедуру. Страшно. Горько. Непонятно, кто их и за что. Но жизнь продолжается. Так что — оставайтесь. Рядом со мной. Вы ведь, насколько я знаю, подрабатываете здесь санитаркой. А профессия ваша…

— Я — экономист. И закончила недавно курсы бухгалтеров. Работаю в неплохой фирме. А сюда меня знакомая устроила. Денег нам с Васенькой не хватает. Вот ноутбук ему хочу купить. И… я согласна, я с радостью, только вот в выходные мне бы с сыночком быть, чтобы Васенька мой не сидел дома один с утра до вечера.

— Вот как… А муж?

— А муж умер. Давно.

— И сколько лет вашему Василию?

— Десять.

— Вы недалеко живете?

— Да по московским меркам можно сказать, что рядом.

— А вот мы возьмем и сделаем так, как вы говорите. Я договорюсь с машиной, чтобы вам не пользоваться общественным транспортом.

Нине было неловко от такой заботы, о ней никогда никто не заботился, не подвозил ее на машине, не уступал место в общественном транспорте, даже когда она валилась с ног… И жизнь свою она считала бросовой, но постепенно к ней привыкла. И вот теперь…

В палату заглянул заведующий отделением, за его плечом маячил полицейский. Врач заметил, что прежняя санитарка не раз выполняла обязанности сиделки, и если Нина сможет…

— Смогу! Конечно, смогу! Только у меня сынок сейчас дома один. Я к нему должна съездить, пристроить его на ночь к соседке.

Прежде чем уйти, Нина решила еще раз убраться в палате — нашествие гостей, полицейских и просто сочувствующих граждан везде оставило свои следы. А если честно, то не в следах было дело — ей хотелось еще хоть несколько минут побыть с Волшебником. Внук маршала с любопытством взирал на все ее манипуляции, а потом под предлогом — не мешать уборке — вышел из палаты. Она быстро протерла пол, вытерла стол, тумбочки, промыла стаканы, привела в порядок постель, стараясь не тревожить Альберта Валентиновича. А он вдруг поймал ее руку, посмотрел ей в глаза и спросил:

— А мы с вами раньше не встречались? У-у-у, как вы покраснели… Значит, встречались. Жаль, что я этого не помню… Но я вспомню! Обязательно!

Нина на это ничего не ответила, только проговорила торопливо:

— Ну, я побежала. Все вам приготовила, Альберт Валентинович. Скажу сейчас сестричкам, пусть заглядывают.

Она ушла, переоделась в подсобке, взглянула на свой цемент, ногой задвинула его в угол — полежит до завтра — и помчалась домой.

По дороге вдруг раздался писклявый голос ее мобильника. Анастасия! Подруга Натальи.

— Ну как, Нина? Вы уже видели своего Волшебника? Хотела узнать у Наташи, да телефон ее не отвечает. А я — человек любопытный, вот и не выдержала.

— Да. Да, Настя! И спасибо вам! Я его видела, я с ним разговаривала, я его… Господи, я его почти поцеловала!

— Вот как?

— Невероятно! Все как в сказке! И он так смотрел… Он так гладил мою руку… Да я там чуть с ума не сошла от счастья!

— Вот это да! Он что, узнал вас?

— Нет, Настя.

— А про его наследственные болезни вы уже спросили?

— Да нет, конечно. Но я теперь буду у него сиделкой, так что все впереди.

— Сиделкой? А Наталья говорила, что ухаживать за ним согласилась подруга нашей общей знакомой, бывшая журналистка…

— Ну да, Алла Юрьевна! Но ее сегодня убили!

— Что-о-о?!

— Ой, надо было это вам с самого начала сказать… И ее, и врача… Лину Георгиевну. То есть, никто не говорил прямо, что их убили. Может, они просто чем-то отравились. Мало ли. Извините меня, я тороплюсь, мой автобус уже подошел. Завтра с утра я в больнице, так что заходите, если что.

— Непременно. И не одна. Думаю, что вы нам завтра очень даже понадобитесь.

— Да я для вас… Все, что захотите!

— Счастливо, Нина. События ужасные, но, тем не менее, я за вас рада.

Автобус уже приближался к Нининому микрорайону, когда телефон зазвонил снова. Высветился незнакомый номер.

— Я слушаю.

— Нина?

— Да…

— Не удивляйтесь, я еще днем узнал номер вашего телефона и теперь хочу пожелать вам и вашему Васеньке хорошего вечера и спокойной ночи.

— Я так рада, что вы позвонили, Альберт Валентинович! Сейчас вот в автобусе к дому подъезжаю.

— Скажите, а вы — хороший экономист?

— Думаю, неплохой.

— Тогда я вам найду достойную работу. С достойной оплатой. Чтобы не убирать чужую грязь. Но об этом мы поговорим завтра, да?

— Да…

— Об этом и о многом другом! — сказал он и отключился.

Глава 6

Зоя Алексеевна

Нет, с моим сыночком сегодня явно что-то случилось — он не мог решить две задачи по алгебре. Конечно, решить их можно и завтра, но это уже воскресенье, когда мы с детьми делаем святое дело — идем к мужу на спектакль! Завтра у него как раз премьера, и не пойти будет просто предательством. Не скажу, что наши дети бегут в театр с большим энтузиазмом. Им просто хочется порадовать папу, который для них часто — и мама тоже. В одном лице. Ввиду моей непомерной литературной занятости. Да это бы еще ладно! Но ведь я в основном пишу о преступлениях и преступниках, о детективных расследованиях, в которых сама участвую! Надо сказать, что с уходом от дел частного сыщика Вали Орловой, занимающейся сейчас своей семьей и недавно родившимся ребенком, я больше бываю дома, и дети уже стали к этому привыкать. Но ветер авантюрных странствий все равно часто дует в мою сторону, подгоняя к новым расследованиям, а, значит, и к новым книгам. Не скрою, я стала почти профессиональным сыщиком. Во всяком случае, мне так казалось. Теперь мы орудовали с Зоей Алексеевной, пожилой дамой, которая всю жизнь проработала в художественной самодеятельности, а когда вышла на пенсию, то, от нечего делать, часто сидела у окна, глядя в примыкающее к дому про-

странство. И однажды своими глазами увидела, как произошло убийство. С этого все и началось. Наша Зоя Алексеевна изобличила убийцу, а мы с Валентиной очень ей в этом помогли. А потом она не раз помогала нам, и постепенно это стало ее второй профессией. Теперь она — сотрудник частного детективного агентства. И очень даже ценный. Сегодня вечером мы с Настей как раз решили ее проведать. Давненько не виделись. Все новости — по телефону.

Сын с виноватым видом принес на кухню свои задачки. Эх, знал бы он, как я люблю их решать! Ведь это все равно, что разгадывать сложнейший кроссворд, когда прямо чувствуешь, как мозги шевелятся от напряжения! Сейчас я решу эти задачи, разгрызу их, как орехи!

— Так. Давай все нарисуем, легче будет понять, чего от нас хотят. От тебя. Вот две бочки. Одну заполнили водой до половины, да? Так… А другую — на треть. Вот так обозначим…

Отчаянно закричал, засвистел и захлюпал дверной звонок. Вообще-то нас должна была услаждать соловьиная трель, но что-то там, видимо, испортилось. Я попросила дочку открыть дверь, и в квартиру вихрем ворвалась Настя.

— Скорей собирайся! К Зое Алексеевне!

— Но мы хотели попозже…

— Дети, дайте нам поговорить!

Мои чада нехотя удалились.

— Беда у нас! Я с Ниной сейчас разговаривала, в больнице Аллу Юрьевну убили! И врачиху новую, Лину какую-то, я ее не знаю. Боюсь, что Зое уже кто-нибудь сказал, и ей нужна помощь…

Я вмиг оделась, призвав дочку помочь братишке с нерешенными задачами, а также доварить брошенный мной суп, и вслед за Настей выбежала из квартиры.

Подъезды старенькой бетонной пятиэтажки, где жила Зоя Алексеевна, были оборудованы домофонами. Наша «мисс Марпл» спокойно впустила нас в дом, а затем и в квартиру. Не знает…

— Вы пришли раньше, поэтому я не успела приготовить к чаю все, что хотела. Но мы сделаем это вместе. Ведь так?

— Так-то оно так… А где у вас аптечка? — спросила вдруг Настя.

— Аптечка? А тебе что, плохо? Давление? Голова болит?

— Да вроде.

— Аптечка прямо за тобой. Вот полочка маленькая, видишь?

— И это все?

— А я лекарствами редко пользуюсь. Только валидол на всякий случай держу и обычные таблеточки от давления. Вот.

— Так. Ясно. А теперь сядьте, — произнесла я, беря бразды правления в свои руки.

— Девчонки, я все знаю. Мне уже звонили. И я специально не распускаю нюни, чтобы собраться с мыслями и найти… Чтобы мы сделали это с вами вместе…

— Алла Юрьевна… Ваша милая Аллюр…

— Да, моей милой Аллюр больше нет… А ведь я недавно с ней разговаривала. Кстати, кто вам об этом сказал?

— Да Нина, которую вы туда уборщицей пристроили. Правда, она толком ничего не поняла. Сказала, они там вроде что-то выпили и обе скончались!

— А полиция?

— Их там — полное отделение! Велели никому ничего не разглашать, — уточнила Настя.

— Потому что сами ничего не знают, — добавила я.

— И врач убита, Лина… Она здесь совсем недавно. Загадочная личность. Одинокий, какой-то неприкаянный человек. Впечатление такое, что она пережила трагедию. Недавно, либо в прошлом, но — пережила. Так. Девочки, я не размазня и не старуха, которая падает в обморок при таких сообщениях. Что случилось, то случилось. Плакать я буду потом. Сейчас надо срочно узнать, что там раскопала полиция. Какие у них версии. Есть ли улики, подозреваемые, есть ли хоть какие-то зацепки. Ой, девчонки, а я вам сюрприз приготовила. Серженко помните?

— Леонида Гавриловича? Конечно! Мент от природы! Не способности, а дар божий!

Я не зря произнесла эту страстную тираду — Леонид Гаврилович Серженко, а попросту Серж, был начальником УВД области, в которой мы не раз расследовали преступления вместе с Валентиной. Да порой и с Настей тоже.

— Так я его вчера у нас тут встретила! Он — на стажировке, или как это у них называется, не знаю. Но именно в нашем управлении. Так что…

— Так что надо просто пойти туда и вызвать его на откровенный разговор! — заявила я.

— Правильно. Если только он еще там. Эх, не спросила ведь, где он остановился! — посетовала Зоя Алексеевна. — Наташа, ты займись полицией, а я хотела бы поговорить с вашей Ниной…

Я честно стала вызванивать Серженко, а Зоя Алексеевна набрала номер Нины и начала допытываться у нее, что она видела и знала.

После долгих уговоров нескольких полицейских мне все же позвали искомого Леонида Гавриловича. Я сразу почувствовала — он очень обрадовался моему звонку. Не ожидал, что мы его помним.

— И любим, — прибавила я.

Тут он совсем расчувствовался и сразу спросил, что мне надо. Я рассказала, что убили нашу общую подругу и бывшую коллегу Аллу Юрьевну, которую все мы звали Аллюр, и еще какую-то докторшу… Он сразу же прервал меня и спросил, могу ли я с ним встретиться прямо сейчас, и я от лица всей нашей компании пригласила его на чай!

Полицейская машина остановилась под окнами Зои Алексеевны. Я спустилась вниз, чтобы встретить нашего гостя. Мы как-то быстро уселись за стол, разлили «зубровку» и молча помянули Аллюр. Пригубила даже я, не пьющая крепких напитков. Так же молча выслушали сообщение Леонида Гавриловича об отравлении… Лины Георгиевны Селиной. Да, да, только ее. Чем — вопрос. Состав яда пока не определен. Осталась маленькая коробочка — предположительно, из-под него. Стояла на виду в комнате медсестер, на полке с некоторыми лекарствами, которыми пользовались сами медики. Отчего наступила смерть Аллы Юрьевны, еще предстоит определить.

— Увы! — добавил Леонид Гаврилович. — Моя служба считает, что дело тут не в этих женщинах… Просто они, как бы это помягче сказать, попались под руку…

— Ага, вы считаете, что дело в Волшебнике? — вмешалась я.

— Именно. Очевидно, женщины просто кому-то помешали добраться до депутата. Во всяком случае, других версий пока нет. Хотя, думаю, будет рассматриваться и возможность подготовки теракта. С этим Волшебником или без него — это уже не так важно. И это правильная мысль!

— А вы не думаете, что здесь может быть что-то личное?

— Думали. Но все допросы показали, что здесь не могло быть ничего личного! Эти женщины практически нигде не пересекались.

— Как знать… А обыски у них на квартирах уже провели?

— Только что закончили. Я как раз был у вашей Аллы, помогал ребятам. Какие у нее замечательные фотографии! Привет, так сказать, из молодости! Актриса… Стихи ее почитали. Хорошие стихи.

— А я и не знала, что она стихи пишет, — заметила Зоя Алексеевна.

— Почту ее хотели посмотреть в компьютере, а у нее почты-то и не было…

— Она так переписывалась. «ВКонтакте», в «Одноклассниках».

— Да, да. Там что-то невнятное. О прошлом. Жила, видимо, прошлым. У нее кто-нибудь был? Друг, я имею в виду?

— Нет. Никого, точно знаю, — заверила Зоя Алексеевна. — Она как мужа отпустила, так себя вроде как похоронила. А сыну вы уже сообщили?

— Да. Завтра утром приедет.

— Это хорошо. Но я хочу сказать вот о чем. Леонид Гаврилович, каждое расследование — это сеть. Во всяком случае, я так себе это представляю. И в нее должен попасть преступник. Он просто обязан там запутаться! Но для этого сеть надо раскидывать, расставлять в разных местах. В одном никто не попадется — перекидывать в другое. Вот вы проверили возможность покушения на Волшебника. Вроде ни то ни се! Факты — ни за, ни против! Так теперь надо проверить другие возможности. Просто необходимо! Убитую докторшу я, предположим, не знала. А вот Аллу Юрьевну… Так позвольте мне быть этой сетью!

— Зоя Алексеевна, как вы представляете себя в этой роли?

— Да очень просто! Я должна побыть в хирургическом отделении. Не скрою, там есть люди, которые меня знают, следовательно, мне надо побыть инкогнито. Я могу преобразиться, воспользоваться париком, одеться не так, как всегда одеваюсь, и заниматься там чем-то за закрытыми дверями… Это придумать — раз плюнуть. Скоро юбилей больницы. Я, предположим, приехала из столичного архива изучать историю хирургического отделения. Пусть мне выделят какую-нибудь комнатушку, положат там гору бумаги. И с людьми я буду видеться лишь по мере надобности. Но уверяю вас — я все про всех узнаю… Если дело не в депутате, значит,

в самих женщинах. И еще — если можно, разрешите мне забрать у Аллочки ноутбук. Дело в том, что он мой, старенький. Ей сын новый подарил, а там все несколько по-другому устроено, и она не могла в нем ориентироваться. Вот мы и поменялись. Теперь надо бы вернуть его, а то мне перед сыном будет неудобно…

— Предложение ваше очень даже интересное, — кивнул Серженко. — Я доложу здешнему начальству. И, пожалуй, сейчас же… Если дадут добро, то когда вы готовы приступить к новой роли?

— Завтра же!

Зоя Алексеевна оставила нас за столом, а сама принялась переписывать на флэшку все, что хранил в себе новый ноутбук, принадлежавший, оказывается, Алле Юрьевне.

— Готово! Леонид Гаврилович, можете везти Аллочке на квартиру. А мне — тот, что у нее.

Мы все еще сидели за столом, когда водитель привез ноутбук из квартиры Аллы Юрьевны и забрал почти такой же у нашей сыщицы.

А много позже, когда мы все уже разошлись по домам, то получили от нее сообщение — начальство дало добро на перевоплощение нашей «мисс Марпл» в историко-архивного работника! Более того, ей предоставят для этого все условия и даже охрану в лице второго «историка», который якобы будет работать над своей кандидатской диссертацией.

Все складывалось удачно!

Глава 7

Перевоплощение

Наша Зоя Алексеевна прекрасно справилась с перевоплощением. Белый парик, который хранился у нее уже лет десять, костюм цвета темно-морской волны, принесенный Настей, а также мои модные туфли сделали чудеса — наша старушка стала интересной деловой женщиной, которая еще не все взяла от жизни и вот именно сейчас намеревается это сделать. Конечно, у Зои Алексеевны было много своих нарядов, но все они создавали один и тот же образ бабушки-пенсионерки. Она никогда на свой вид не обращала никакого внимания.

Далее следовала моя «ария». Главврача я разыскала уже дома. Извинившись, что прервала его ужин, попросила подготовить документы о юби-

лее хирургического отделения для моих посланцев, а, следовательно, и для новой книги.

— Так юбилей-то — всей больницы! — резонно заметил он.

Да, это мы как-то не учли…

— Но ведь все начиналось именно с хирургического отделения, — заметила я, хотя совершенно не знала, так это или нет.

— Все началось с поликлиники!

— А больница? Больница-то с чего началась?

— Ну да, с хирургии, тут вы правы. У нас работал бывший медик царского двора. Словом, есть о чем написать…

И главврач пообещал, что утром материалы будут лежать в хирургическом отделении. Правда, пытался убедить нас заниматься поисковой работой в административном корпусе, но я упорно твердила, что нам следует почувствовать атмосферу, в которой работают хирурги, и он согласился.

— Распоряжусь — пусть вам отдадут ту маленькую палату, которая вчера была у нас полицейским штабом. Все равно она пустует.

Итак, нам оставалось только шагнуть в неизвестность — Зое Алексеевне и служащей в полицейском управлении Полине. Девушка была внимательна, умна и всегда носила при себе оружие.

Следующее утро стало для этих женщин настоящим испытанием. И Зоя Алексеевна, и Полина наперебой рассказывали мне, как вывесили на дверях объявление о том, что идет подготовка к юбилею хирургического отделения. Была и просьба изложить свои воспоминания, предоставить фотографии, если они есть. И с удивлением увидели, что люди готовы откликнуться на этот призыв в едином, так сказать, порыве!

Первой пришла врач-анестезиолог из реанимационного отделения. Когда-то она работала в хирургии и поведала о горячей любви пожилой женщины-врача и совсем молодого хирурга. Три года они жили в счастливом браке и никто об этом не знал. Мои женщины подумали, что потом они рас-

стались, но не тут-то было. Они родили сына, который сейчас продолжает их дело и является заведующим именно хирургическим отделением. Полный восторг!

Такие эмоциональные всплески были и у следующих посетителей. Зоя Алексеевна немного сникла — прошло полдня, а наше негласное расследование не продвинулось ни на шаг. Однако затем положение стало медленно, но меняться. Медсестра из процедурной, тоже с восторгом рассказывавшая о ком-то из своих наставников, вдруг призналась:

— А я бы и про таких, как Алла Юрьевна, написала в вашей книге…

— А кто это? — сделали вид, что не поняли мои «шпионы».

— Да сиделкой она была у депутата, на которого вчера хотели напасть! И ее убили!

— А… откуда вы знаете, что на депутата хотели напасть?

— Ну… я так думаю. Иначе зачем было убивать ни в чем не повинных женщин? Так вот, я бы знаете, почему о ней написала? Потому что она… даже не знаю, как лучше выразиться… ну, как букет цветов, который вдруг украсил нашу повседневную жизнь! Она так интересно рассказывала о своей молодости. О любви. О красоте отношений. Когда Алла Юрьевна была актрисой, в нее многие влюблялись. Художник. Архитектор. Первый из Москвы, второй из Ярославля, я помню. А один так прямо с ума сходил. Артист какой-то или режиссер. На коленках за ней полз… А она не вышла ни за одного из них. Ускользнула, как рыбка.

— Но какое отношение это имеет к хирургическому отделению?

— Так она ведь нам своими рассказами настроение поднимала! Мы ее послушаем, а потом расходимся, как после хорошего концерта.

— А вот интересно, она всем так нравилась? И все слушали ее рассказы так же восторженно, как и вы? Ни у кого не возникало… зависти, например?

— Зависти? Ну, я не знаю. Лине Георгиевне это как-то не очень нравилось. Она была уверена, что Аллюр… Ой, извините, мы между собой ее так называли… Что она уводит нас от реальности, отвлекает от дел. Наверное, потому, что эта Лина была одинокой женщиной. Я так думаю. И перед ней никто не стоял на коленях. И я даже знаете пришла к какому выводу… Если не было никаких убийц и на депутата никто не нападал, то эта Лина сама себя жизни лишила!

Что ж, Зоя Алексеевна не исключала и это. Она вновь начала спрашивать разговорчивую медсестру об Алле Юрьевне и Лине и ненароком поинтересовалась, были ли у них враги.

— У Аллюр-то, думаю, нет — откуда им взяться? А у Лины… Недавно она одного больного выписала, а он дома уже взял и умер. В суд на нее хотели подавать, да она как-то отделалась. Откупилась, может. Но ведь

выписала-то она его потому, что есть у нас определенные сроки, сколько каких больных держать. И эти сроки все время сокращаются. Да и по показаниям не должен он был умереть. Может, дома лишнего выпил, а ему вообще нельзя было. Ну а больше у нее конфликтов не было. Да ведь и недавно она здесь, не успела врагов-то нажить. Раньше в Коломне, кажется, работала.

Медсестры Кира и Аля пришли вместе. Кира рассказала о своей подруге, которая вместе с ними пережила период развала медицины, отсутствия заработной платы, но сохранила любовь к профессии. Правда, заработала инсульт и сейчас находится на инвалидности.

— Вы уж про нее не забудьте, — попросила она. — А то у меня знакомая двадцать лет проработала в газете. В другой республике. Так они сейчас книжку там выпустили, к юбилею газеты, а ее там даже не упомянули. Зато все алкаши, говорит, на месте!

— Ну, у вас такого быть не может. Алкашей нет. Ведь так? — спросила Полина.

— Все хирурги пьют, — изрекла Зоя Алексеевна.

— Ну, мы бы это так вот не утверждали! — заметила Аля. — Пьют, но в меру. Не до чертиков.

— А женщины — бывает, что пьют? — вдруг спросила Зоя Алексеевна.

— Да вот Лина иногда…

— Перестань, Аля! — одернула ее Кира. — Спиртика немного глотнет после операции, чтобы стресс снять, и все! Нет, Лину я уважала. И кому она могла помешать, ума не приложу!

Девушки ушли, но Кира тут же вернулась.

— Зоя Алексеевна, это вы? Вы… Я вас по голосу узнала. Так, значит, все это неправда, и вы не собираете материал к юбилею… А расследуете преступление…

— Кира, милая, я делаю и то, и другое. Не сомневайся. Ты уж ничего никому не говори, больше-то меня никто не знает.

— Да ладно. А с убийствами-то разобрались? Нет? Знаете, а ведь я обрывки разговора слышала. Не очень хорошего разговора. Между Аллюр и Линой. Что-то там о любви и верности. Но, думаю, что Нина слышала больше меня, так что она вам лучше все изложит. А у меня вот что… Понимаете, однажды, примерно с месяц назад, я подошла к нашей комнате, к сестринской, и ясно услышала, как кто-то сказал: «Я докажу, что существую! Что я есть! Сучка ты недорезанная! В детдом отдам, но докажу»! Голос был женский. Но я, честное слово, не разобрала, кто говорил. Потому что этот человек и не говорил, а как-то шипел… От злости, наверное. Или от безысходности.

— А дальше? Вы открыли дверь и увидели…

— Да не открыла! Тут меня как раз позвали. Тяжелого больного принимать. Нельзя было медлить. Я и побежала. Вот и не знаю, кто это у нас тогда шипел, и в чей адрес… Кстати, все вроде были на глазах, так что не исключено, что человек сам с собой разговаривал.

— А вот Аллюр мне говорила, что Аля как-то странно себя вела, вроде чужие сумочки проверяла… Ты не в курсе?

— Ой, да зря это она! Мы с ней все обсудили и решили, что слишком далеко зашли в своих подозрениях. У Али тогда просто кое-что пропало, и она подумала, не украли ли.

— А что пропало?

— Ну… какие-то телефонные номера… нужных ей людей… Которые могут помочь найти высокооплачиваемую работу…

— А чьи сумочки она проверяла?

— Линины и нашей сестры-хозяйки. У них совершенно одинаковые сумки.

— А этот Волшебник… Он где сейчас?

— Да у вас за стенкой! Можете его проведать. Там ваша Нина сидит вместо Аллюр.

— Охрана-то у него есть?

— Есть, — вмешалась Полина. И пошла к охраннику, который, оказалось, был ее братом.

Зоя Алексеевна последовала туда же. Но, прежде чем пойти в палату, прошлась по коридору. В самой его середине была стеклянная рифленая дверь, которая вела на боковую лестницу. Ей захотелось взглянуть, кто там стоит и зачем. Курящей Лины уже нет, остальные не подвержены этой привычке, и что же там делает человек в костюме цвета морской волны, а именно так одеты все медсестры отделения? Рифленая дверь позволяла видеть лишь неясные контуры, но Зое Алексеевне показалось, что за дверью кто-то разговаривает. Она приникла к ней ухом и явственно услышала какой-то вой, переходящий чуть ли не в рыдания. Можно было различить всего лишь несколько фраз:

— Господи, всемогущий и всемилостивейший! Направь их мысли… Внуши им… За что же меня-то так?

Куда направить мысли и что именно внушить, разобрать не удалось.

Зоя Алексеевна тут же вернулась, заглянула в сестринскую комнату. Там никого не было. Пустовала и ординаторская. В коридоре на посту одиноко сидела молоденькая сестричка.

— А где все? — спросила Зоя Алексеевна.

— Да на улицу отправились. Подышать. Коллективно. После вчерашних событий все рвутся побыть подальше отсюда. Понятно же.

Понятно. И многое совершенно непонятно. Возможно, женщина, обращавшаяся сейчас к Господу, та же самая, чье шипение слышала Кира в сестринской. И смысл слов похожий — человека обидели. А детдом… Видимо, какая-то трагедия связана именно с ребенком. С брошенным ребенком, которого, возможно, ищет родная мать, да не может найти… Только почему — в детдом отдам… Кира слышала именно такие слова… Может быть, ребенка, напротив, хотят вернуть?

Зоя Алексеевна договорилась с Полиной, что завтра они продолжат свои наблюдения. На том же месте.

Глава 8

Работа под прикрытием

Нина сидела рядом с Альбертом Валентиновичем, и они мирно беседовали. Разговор зашел о поэзии, и она смущенно призналась, что тоже пытается писать стихи.

— Нина, прочтите что-нибудь, я так хочу услышать! — оживился Волшебник.

Она не успела ничего ответить, так как в палату зашли сестры из процедурной, а дежурная медсестра принесла лекарства. Нина быстро исчезла — ее присутствие здесь сейчас не требовалось. Неожиданно в коридоре к ней подошла какая-то незнакомая женщина и позвала за собой, сказала — для беседы. Нина оказалась в палате, отданной каким-то историкам, которые будут писать о юбилее больницы.

— Вы меня с кем-то спутали, извините. Я тут вчера только появилась, санитаркой меня взяли.

— Ни с кем мы вас, Ниночка, не спутали. А санитаркой вас взяли по моему ходатайству. Давайте знакомиться. Я — Зоя Алексеевна. Именно ко мне обратилась наша писательница Наталья по поводу вас. И вашего Васеньки.

— Ой, спасибо! Все вышло так удачно! И я уже не санитарка, а сиделка у Альберта Валентиновича. Представляете?

— Ну… вы так радуетесь… А ведь женщины погибли.

— Конечно, их жалко. Особенно эту Аллу Юрьевну. Она так хорошо за Альбертом Валентиновичем ухаживала!

— А вы откуда знаете?

— Так я рядом почти все время была. Помою очередную палату — и к его палате бегу, слушаю, наблюдаю… Вам же известно, почему я здесь…

— Вот вы говорите — наблюдали. А у вас не возникло никаких догадок, кто и зачем мог расправиться с этими дамами?

— Наверное, что-то и возникло бы, если бы я акцентировала на этом внимание. Но все мои мысли были направлены на Альберта Валентиновича, и я мало что заметила. Обстановка, правда, была какая-то нервозная.

— Где?

— Да в палате!

— Алла Юрьевна из-за чего-то нервничала?

— Нет, нет. Она предложила Волшебнику почитать какую-нибудь книгу. Первым назвала Вольтера. Потом других авторов. Не знаю, начала ли что-то читать, я выходила. А когда вернулась, там уже докторша Лина была, и они с Аллой Юрьевной говорили… о Волге! И о минеральной воде. Но докторша сказала Алле что-то очень обидное. Я не помню, что.

— А восстановить в памяти слова Лины Георгиевны можете?

— Ой, не знаю. Постараюсь. Что-то там было такое… то ли про неверных женщин, то ли про гулящих мужчин… Но очень зло было сказано! Алла это поняла и тоже что-то ответила докторше в том же духе. Словом, шипели, как змеи… А еще я видела, как Лина выбежала из палаты. Она прямо задыхалась. А потом я ушла за цементом, чтобы щели замазать в отделении, а то дует. Сегодня вот пришла пораньше и замазала, можете проверить.

Нину отпустили, а Полина, покачав головой. Задумчиво проговорила:

— Зоя Алексеевна, а ведь все указывает на то, что эта Аллюр стала жертвой ненависти докторши. И если так, то необходимо найти, что их связывало. Мы вот недавно, знаете, какое дело разбирали? Одна шестидесятилетняя женщина убила другую того же возраста. Оказывается, лет тридцать назад муж убийцы изменил ей с убитой.

— И все эти годы она не могла его простить?

— Все эти годы она вынашивала план мести. И это помогало ей жить. Так она сказала на суде.

— Но тут нельзя предполагать нечто подобное. Возраст. Нашей Аллюр было уже, извините, за семьдесят, а Лине… Да она ей в дочери годится! И еще. Я ведь давно знаю Аллу. Очень давно. Больше тридцати лет. Надо как-нибудь посчитать. И все эти годы у нее не было никаких таких ярких романов. Верная жена своего мужа. Но что-то тут, Полиночка, все-таки меня смущает. Задевает. Трогает. Надо, пожалуй, перебрать хорошенько все ее бумаги. Со смыслом, так сказать. Я с сыном ее поговорю. Предупредила его, что зайду попозже. А пойдем-ка мы с тобой туда сейчас, а? Понаблюдаем за всеми. Там ведь — и соседи, и знакомые Аллы. Мы вот разбираем отношения Аллюр и Лины. Я считала, что способ убийства один — яд, растворенный в этой проклятой минералке. Но если моя Аллочка скончалась вовсе не от яда… И что там ваши криминалисты так долго возятся?

— Работы много. Но аппаратура совершенная. Будем ждать. У вас, Зоя Алексеевна, проскользнула мысль про убийцу — мужчину… А ведь это мог быть, скажем, кто-то из охраны либо тот же больной депутат. А что? Не такой уж он и больной!

Зоя Алексеевна пошла к депутату, решив поговорить с ним во что бы то ни стало. В конце концов, все произошло на его глазах! Она представилась работником частного детективного агентства, действующим в больнице, так сказать, под прикрытием. Вопросов у нее было много, но Альберт

Валентинович сказал, что не владеет информацией, разговоров в своей палате почти не фиксировал, потому что находился в полусонном состоянии. Он лишь заявил, что надо бы проверить прошлое доктора Лины Георгиевны. Она вела себя довольно странно и прямо-таки набросилась на Аллу Юрьевну. От этого он даже проснулся. Был миг, полный настоящей агрессии. И вполне можно предположить, что в жизни Лины имелась веская причина ненавидеть Аллу Юрьевну. Степень ее агрессии вполне соизмерима с таким действием, как… убийство.

Уходя из палаты, Зоя Алексеевна спросила:

— Нину вам поискать?

— Не надо, пожалуй. Пока не надо. Как видите, я справляюсь сам.

В кабинете ее ждала информация Полины.

— Тут без вас Кира снова заглянула, просила передать, что забыла вам рассказать, как обнаружила пропажу коробочки, в которой, возможно, и находился яд. То есть она видела две одинаковых коробочки в комнате медсестер, но не поинтересовалась, что там. А потом одна исчезла.

— А вторая? — спросила Зоя Алексеевна.

— А вторая сейчас в нашей экспертной лаборатории. Снаружи следов на ней никаких нет, узнавала. А вот внутри — следы того самого яда…

— Да, интересно… Поля, а комнату Лины вы хорошо проверили?

— Да там и проверять-то нечего. Одежда, обувь, несколько книг. Ну, и документы. Мебель вся казенная. Ей разрешили жить здесь до Нового года, а потом квартиру или комнату обещали дать. В городе она никого не знала, подруг не было. Не успела обзавестись.

— А откуда она приехала?

— Из глубинки. Работала в районной больнице в хирургическом отделении. Потом ушла оттуда в поликлинику, а позже начались сокращения. Вот она сюда и… хлынула! Больница ее и хоронит — никто из родственников не объявился.

Интересно, почему докторша выбрала именно наш город? Надо, надо это узнать! Возможно, если мы потянем за одну ниточку, покажется и другая… Но пока что ниточка всего одна. Вернее, самый ее краешек.

Я не буду рассказывать о похоронах, считаю это неэтичным. А когда мы появились на поминках, там было уже шумно и пьяно. Все наперебой рассказывали про Аллу Юрьевну, вспоминали ее истории, которые всегда слушали с восторгом. Вспоминали добрыми словами и Лину Георгиевну. А также пили за упокой и пели их любимые песни. Зоя Алексеевна подошла к сыну своей подруги и попросила разрешения прийти с утра, чтобы внимательно просмотреть ее бумаги.

— Обязательно приходите. Вы так удивитесь! Мама, оказывается, начала писать роман. Я немного прочел, и мне очень понравилось. Язык

живой и очень… музыкальный, я бы сказал. Да вы сами увидите.

Зоя Алексеевна была человеком интуиции, эта таинственная дама никогда ее не подводила. Сейчас она все больше, все настойчивее нашептывала ей, что корни большинства преступлений надо искать в личной жизни каждого, кто мог быть к этому причастен. Так что роман Аллюр будет первой попыткой проникнуть в безумный мир сердечных откровений! Ей понравился собственный экспромт. Вот с таким настроем она сейчас и засядет дома за размышления. Раздвинет пространство, откроет занавес и увидит — что же произошло там, на сцене…

Глава 9

Говорящий сайт

— Наташенька, мне нужна ваша помощь. Я, видите ли, не так хорошо разбираюсь в компьютере, как хотелось бы. А наша милая Аллюр оставила в своем ноутбуке очень, очень много интересных следов… Я вот сейчас пришла с поминок и хочу во всем этом разобраться.

Звонок и эта просьба так поздно вечером… Вот ни за что не бросила бы я сегодня свою семью, тем более что муж только что пришел с репетиции, и я его еще не накормила. Но, слава богу, к нам приехала моя все понимающая свекровь, которой я успела рассказать о происшествии в больнице, и отпустила меня, так сказать, в разведку.

Мы с Зоей Алексеевной быстро проверили, в каких социальных сетях пребывала ее подруга. Оказалось, последнее время только в «Одноклассниках». Да, не зря мои дети говорят, что «классики — для пенсиков». А гостей-то сколько! А друзей —

еще больше! А посланий — видимо-невидимо́! Мы решили изучить всю переписку. Я научила Зою Алексеевну, как это делать. Задачу нашу немного упрощало то, что добрую половину всех этих людей Зоя Алексеевна хорошо знала.

— Это вот Лида Козина… Аллюр с ней училась, а теперь у Лиды дача, и она овощи свои продает. Хорошие овощи и дешево очень. Аллочка тоже дачу хотела купить. Где-нибудь рядом с ней. Они на эту тему и общались, да все вспоминали своих одноклассников. Тут нам ловить, думаю, нечего.

Перешли к Вадику Начинкину, Эдику Кукушкину. Все разговоры — о школе, об учителях. Словом, не наша тема. Перебрали еще с десяток друзей по переписке и дошли до Каролины М. Фамилия ее не была указана. Просто эта буква, и все. Прочли и чуть не прослезились. Подумали — надо же, какие бывают трагедии в жизни! И очень удивились, поняв — только эта переписка скрыта так, что ее невозможно восстановить полностью. Начало уничтожено безвозвратно.

Алла Юрьевна:

От всей души сочувствую вам, Каролина. Я сама знаю, что такое жить без родителей. Меня воспитывала бабушка. Но у вас все же был отец!

Каролина:

Был и не был. Мы с сестрой всегда чувствовали себя сиротами. Воспитывались в чужой семье. Правда, не совсем чужой. Это — дальние родственники. Сестру там даже удочерили. С отцом поддерживали связь. Горько все это…

Алла Юрьевна:

А как ваш папа чувствует себя сейчас?

Каролина:

Никак. Никого не узнает. Говорить не может. Менял-менял женщин, а теперь один. Все разбежались.

Алла Юрьевна:

Вот как бывает… Надо же… А, быть может, ваша мама все-таки жива?

Каролина:

Может быть. Хотя вряд ли. Ведь это случилось пятьдесят лет назад…

Алла Юрьевна:

Пятьдесят? А вы не ошибаетесь? Не позже?

Каролина:

А почему вы подумали, что я могла ошибиться? Вы об этом что-то знаете?

Алла Юрьевна:

Что вы, что вы! Просто в годы моей молодости я читала о вашем папе… Хвалебные рецензии, знаете ли… Их было немало. И ничто не указывало, что в его жизни произошла трагедия.

Каролина:

А рецензентов, слава богу, это не интересовало. А где вы были в то время, если не секрет?

Алла Юрьевна:

Да какой секрет! Я была в Волжанске. А хотела работать в Верхнереченске, даже заезжала туда.

Каролина:

Что–о-о? Вы не ошибаетесь? У вас не потеря памяти?

Алла Юрьевна:

А почему вы заговорили со мной таким тоном? Я не ошибаюсь. И вообще я вас не понимаю. Вы ведь красивая молодая женщина, и уже от этого можете чувствовать себя счастливой. Откуда же такая агрессия?

Каролина:

Как вы должны сообразить, я уже далеко не молода. А этой фотографии, где я в костюме принцессы и в гриме, уже лет двадцать.

Алла Юрьевна:

Так вы все-таки актриса. А сказали, что нет.

Каролина:

Нет. Не актриса. Это я играла в самодеятельном театре. У меня совсем другая профессия. Я вам не скажу, но, возможно, вы это когда-нибудь узнаете.

Алла Юрьевна:

Да, я бы хотела с вами встретиться. Ведь вы похожи на папу.

Каролина:

Я и на маму похожа. Встретимся, не сомневайтесь! Адью!

Алла Юрьевна:

Да, да, спокойной ночи! Всех благ!

На этом переписка закончилась. Пять месяцев назад. А у нас было много, много вопросов. Во-первых, что связывало Каролину, ее отца и Аллу Юрьевну? Кто из них кем первый заинтересовался? Отца мы не имели в виду — очевидно, старый человек парализован. Алла нашла Каролину или Каролина ее? Как произошло их знакомство? С чего началась эта переписка? И ка-

кой странный тон у Каролины… Упоминание о Верхнереченске явно разозлило ее.

— Зоя Алексеевна, а ваша Аллюр жила в Верхнереченске?

— Да нет. Насколько я знаю, нет. Надо еще у сына спросить. Посмотреть в ее трудовой книжке…

Полная загадка. А в остальной переписке зацепиться было совсем не за что. Так что мы решили разрабатывать эту странную Каролину. А жила она, как там значилось, в Москве. Я предположила, что отцом Каролины мог быть кто-то из поклонников молодой и красивой Аллы Юрьевны. Хотя — ну и что? Что в этом криминального? Вот если бы один из этих отцов женился на нашей Алле Юрьевне…

— Нет, нет. Аллочкин муж до нее не был женат. Алла — его первая любовь…

Мы еще раз проанализировали всю эту переписку. В жизни отца Каролины произошла трагедия. Какая — неизвестно. Что-то, связанное с его женой. Но, как мы поняли, Аллы в это время рядом с ним не было.

Я вновь попробовала открыть предыдущую переписку Аллы Юрьевны с этой женщиной, и путем очень сложных манипуляций нашла лишь одно сообщение с ответом.

Каролина:

Чужая семья — потемки. Я ощутила это сполна.

Алла Юрьевна:

Вообще-то в поговорке идет речь о чужой душе…

Каролина:

А я говорю — семья!

Вот и думай что хочешь!

А, между тем, несмотря на поздний час, Зоя Алексеевна позвонила в квартиру своей подруги. Ответил, естественно, сын. Узнав, что все уже разошлись с поминок, Зоя Алексеевна попросила его принести рукопись Аллы Юрьевны. Он заверил, что привезет ее тотчас же, машина на ходу, только что развез всех маминых знакомых. Мы ждали его с нетерпением.

Хотя сыну Аллюр было немного за сорок, он имел внушительный животик и, следовательно, солидный вес. Он подал нам обыкновенную папку без завязочек, на которой жирным шрифтом значилось — дело №. … и вид у него при этом был растерянный.

— Понимаете… Когда я увидел ее впервые, папку эту, она была толще… Здесь не хватает многих страниц. И куда они делись, ума не приложу…

Мы отправили его обратно домой, а сами с волнением раскрыли папку. Страницы оказались пронумерованы, но на первом листе стояла цифра 26. Первых двадцати пяти страниц не было. Что ж, принялись читать с двадцать шестой.

«Я оставила чемодан в кабинете директора, который взял меня под руку и отвел в репетиционный зал. Там было темно.

— До революции в этом помещении находились городские конюшни, — шепотом сообщил он мне. — А сейчас — наш театр. Небольшой, но удобный. А какая акустика! Сами оцените. Сядьте вот здесь, очень удобное место. Все видно. В первом ряду, перед столиком — видите? — режиссер. Он в курсе, что вы приедете. Возможно, прямо сейчас, после перерыва и включитесь в репетицию. Нам сказали, что вы уже играли Марину Мнишек в студенческом театре.

Играла ли я ее? Нет, это было больше, чем игра. Я летала над сценой, я праздновала свою победу — над царевичем Димитрием, над собой, бедной студенткой провинциального вуза. Мои слова сопровождал шквал аплодисментов, и я трепетала от счастья. И думала, что такое никогда больше не повторится! Но судьба занесла меня в эту провинцию с прекрасной труппой. Гордость занесла, обида. Стремление выжить, да так, чтобы не пообщипали тебя прямо при первой же неудаче…

Режиссер встал, прошел на сцену, что-то показал артистам, играющим немцев и ляхов, а потом повернулся, чтобы сесть на свое место, и заметил меня. Жестом показал, чтобы я села рядом с ним. Положил свою руку на мою и прошептал:

— Не волнуйтесь. У нас народ замечательный. Все будет хорошо. Текст знаете?

— Знаю.

— Весь?

— Весь.

— Так, может быть, прямо сейчас и… Сцену у фонтана, а? Мы ее пропустили, вас ждали.

— Согласна!

Я прошла на сцену, поздоровалась со всеми. Мне улыбались, на меня смотрели с любопытством и очень доброжелательно. В общем, рай, да и только! И потому первое слово в этой сцене — «Царевич!» — получилось у меня многокрасочным.

Я вложила в него все — и надежду свою, и слезы, и необходимое желание властвовать, и женское очарование… Словом, все, все, все! А уж слова — «Тебе твой сан дороже должен быть всех радостей, всех обольщений жизни» я произнесла как царица, и мне дружно захлопали — как тогда, в студенческие годы! Режиссер поднялся на сцену, обнял меня и сказал:

— Поздравляю! Мы все рады, что вы к нам приехали! Перерыв!

Одно маленькое, незначительное слово — перерыв. Ничего в нем особенного. Только не для меня. За словом этим скрывался ураган, который подхватил меня, поднял на сияющую вершину, а потом бросил оземь, в грязь. Это было так жестоко! Режиссер, взяв меня под руку и узнав, что вещи мои — у директора в кабинете, повел меня туда. На пороге кабинета стоял сам директор с телеграммой в руках…

— А я — к вам, Аллочка… Алла Юрьевна… Что же вы нам не сказали, что приедете не одна?

— Да я одна…

— А вот она, телеграммочка… За вами едет знакомый уже нам актер. Когда-то он у нас работал. Весьма успешно. — И протянул мне телеграмму.

Я ее прочла. Молча прошла к своему чемодану, взялась за его ручку. И все-таки сказала, предвидя ответ:

— Вам придется выбрать. Или я, или он… Я уехала к вам именно из-за него…

— Вы прекрасны, Аллочка, но у нас в театре дефицит мужчин. Скоро нечего будет ставить, некому играть. И вы нас простите великодушно…

Я их простила. И уехала в свой родной город — где родился, там и пригодился. И вычеркнула актерскую профессию из своей жизни! Я родилась заново. И это было не хуже и не лучше прошлого. Это было другое».

Вот, значит, что испытала Алла Юрьевна в молодости… Но ведь любая молодость состоит из ярких вспышек и жестких падений, из побед и ошибок, которые в корне меняют нашу судьбу и нас самих. И что? Какая тут связь с этой неожиданной смертью, с этим страшным отравлением? И вообще, какое отношение имеет к этому вторая жертва?

Мы позвонили Леониду Гавриловичу Серженко, нашему дорогому Сержу, чтобы узнать полицейские новости об этих происшествиях. Оказалось, что яд, которым отравили Лину Георгиевну, установлен, обычно он имеет форму таблеток. И еще новость — преступник (либо преступница, либо несколько человек) должен был растворить эту ядовитую таблетку в той же минеральной воде непосредственно перед отравлением, так как через минуту-две яд дает нехороший привкус, и потенциальная жертва может догадаться о том, какая участь ей готовится. Следовательно, яд добавляли в минералку для Лины Георгиевны непосредственно перед ее приходом в комнату медсестер. Но… Почему преступник был так уверен, что Лина

туда зайдет? А не в ординаторскую, скажем? Может быть, кто-то пригласил ее туда заранее? Следует принять во внимание и то, что врач Лина никогда не конфликтовала с Аллой, что их вообще ничего не связывало. Правда, Нина заметила, что в те минуты они шипели друг на друга как змеи… Но мало ли что случается на работе! Так мы с Зоей Алексеевной утешали сами себя. И обе понимали, что напрасно.

Появилось и заключение о смерти нашей милой Аллюр. Острая сердечная недостаточность. Было перечислено несколько заболеваний из области кардиологии, приведших к печальному итогу. И ничего больше. То есть — никаких криминальных вкраплений в причину смерти.

Глава 10

Знакомство

Альберт Валентинович включил маленький ночничок, который принесли ему из его же собственного кабинета, и, глядя в потолок, задумался о встрече с Ниной. В его жизни были после жены женщины. И красавицы, и умницы, и богатые, и не очень, даже одна из дворянского сословия мечтала выйти за него замуж, а он оставался к ним равнодушен. Но иногда, нет-нет, да и выплывал из его прошлого маленький теплый огонек какой-то совершенно случайной встречи, спонтанных, никем не контролируемых чувств… Почему-то только он не помнит, где это было. В лагере альпинистов? В палатке, раскинутой в каком-то горном краю? Наверное, да. А, может, и нет. Но зато он хорошо помнит запах той женщины. Нет, запах — это не то слово. Слишком грубо. От нее веяло чем-то, напоминающим полынь. И степной ветер. Это вскружило ему

голову… Жаль, он даже не помнит ее имени. Он редко думал о той женщине — оберегал свою память. И разозлился, потому что появление Нины всколыхнуло ее, растревожило и даже насторожило…

Все! — попытался отогнать он эти мысли. Надо спать, спать, спать. Но тут в дверь постучали, и на пороге возник охранник.

— Я вам ключ принес. Хотите — изнутри запритесь. На всякий случай. Мало ли… Вы тут теперь одни, а эти убийства… Вот, возьмите. И у меня есть. Я всегда у ваших дверей, не сомневайтесь. И внизу охрана надежная. А завтра с утра еще и Нина придет.

Мысленно Альберт Валентинович сразу поставил барьер между собой и этими странными смертями. Он не должен этого касаться. Это дело следователей, полицейских. А он — выздоравливает, у него все мирно, спокойно. Завтра днем придут его помощники, отличные ребята, вместе наметят план работы дней на десять вперед. Они всегда приносят ему свои идеи, за это он их и ценит. Потому его рейтинг — на должном уровне, он уверен. И губернаторов, слава богу, стали не назначать, а выбирать… У людей он пользуется поддержкой, доверием. Так что — никаких отравлений, у него интереснейшее будущее!

А ключ он все-таки взял. И спокойно уснул.

Утро было хмурым — видимо, ожидался дождь, потому что Нина вошла в палату с двумя сухими зонтами.

— Побоялась оставить их в раздевалке, извините. Вот тут, в уголочке пусть постоят. А то мне все чудится, что посторонние по отделению шарятся…

— А вы видели кого-либо постороннего?

— Нет. Но все равно мне кажется…

— Странно. А почему у вас два зонта?

— А я с сыном сегодня пришла, Альберт Валентинович. Хочу его здешнему гематологу показать. Договорилась уже. Вчера его приводила, а гематолога куда-то вызвали, уехал. Зато Васенька мне тут по хозяйству помог.

— Что же вы с ним вчера ко мне не зашли? И где он сейчас?

— У сестры-хозяйки сидит. Пусть там. До тихого часа. У него с собой книг много. А потом вы отдыхать будете, а мы к врачу на прием сходим. У Васеньки моего кровь очень густая… гемоглобин высокий…

— Подозрения на полицитемию, что ли?

— Кажется, так врачи и сказали. Предположили. Только в названии болезни было два слова.

— Истинная полицитемия. Так?

— Так. А откуда вы знаете?

— Ну, у меня тоже подозревали такую болезнь. Был на грани, так сказать. Да и сейчас есть симптомы. Но вы не волнуйтесь раньше времени.

У детей это редкость. А позовите-ка вы его сюда. Уж очень хочется мне на него посмотреть.

— Ой, да, наверное, не стоит. Сейчас обход будет.

— Зовите, зовите.

Нина отложила в сторону постельное белье, приготовленное для смены Альберту Валентиновичу, и вышла в коридор. Вернулась она с рыжеватым мальчишкой, смущенно смотревшим в пол. В руках его была зажата книжка, причем пальцы, державшие ее, были белыми от напряжения. Мальчик явно волновался. Нине позвонили по мобильнику, и она вышла за дверь.

— Давай знакомиться, — дружелюбно сказал Альберт Валентинович.

— Мне мама сказала, как вас зовут. А я — Василий.

— О, ну, раз Василий, так уж представься и по отчеству!

— А мама мне не велела называть свое отчество.

— Это еще почему?

— Ну… я не знаю. У нее какие-то свои соображения.

— Соображения. В третий класс пошел?

— В четвертый.

— А книжку какую читаешь?

— Да это вам, думаю, неинтересно. «Шмели и термиты». Вот, видите? — И он показал обложку с насекомыми, увеличенными раз в сто.

Вернулась Нина и, глядя на них, с улыбкой проговорила:

— Ну, познакомились? Васенька, иди в хозяйственную комнату, читай, отдыхай. Или в холле посиди. Обход уже начался, — прибавила она, видя, что больной собирается протестовать.

Мальчик ушел. Он был мало похож на Нину. Странно, но Васино лицо кого-то ему напоминало… Только кого?

— А где его отец?

— А он исчез.

— Исчез, как только у него родился сын?

— Да нет. Он вообще не знает, что у него родился сын. Растет сын, — поправилась Нина.

— Почему же вы ему не скажете?

— Потому, что я не могла его найти… То есть, я не знала, где его искать…

— Вы говорите в прошедшем времени. Следовательно, теперь вы знаете, где он?

— Да. Знаю.

— И — что?

— Но он-то пока ничего не знает!

— Так вы ему об этом скажите!

Альберт Валентинович терпеть не мог такой вот недосказанности, неопределенности. Родила — найди мужика и спокойно сообщи ему об этом. Глядя в глаза. Может, человек и рад будет, что есть у него на свете продолжение! Надо же дать ему возможность самому принять решение. А Нина — ни туда ни сюда. У нее будто не душа, а жвачка какая-то!

Пришел заведующий отделением с медсестрой. За их речью со сложными медицинскими терминами читалась одна хорошая и простая мысль — Альберту Валентиновичу больше нечего делать в хирургии, его следует перевести в терапию, но никто не будет возражать, если он останется в этой коммерческой палате до самой выписки, а уж они смогут позаботиться о больном не хуже терапевтов!

— Конечно, конечно. Я уж и совещание маленькое здесь назначил. Ничего, ваши правила это допускают?

— Пожалуйста, пожалуйста, только не перенапрягайтесь.

Доктор оставил сестре все необходимые назначения и посоветовал «транспортировать больного на улицу», он именно так и выразился. Мол, «октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей».

Нина привезла ему коляску, помогла одеться, и они с охранником усадили Волшебника в это сооружение.

— Очень удобно, Альберт Валентинович! Сейчас мы — до лифта, а там — вниз и прямо в сад. Он в эти дни красив, как никогда. Здесь много берез, а уж они осенью — первые красавицы. А по забору растет черноплодка, высокие такие кусты, прямо как деревья. И листья у них — красные-красные. Багряные, как поэты говорят.

Сад действительно оказался прекрасен. А Нина… Он впервые увидел ее без больничного халата, в изящной курточке, аккуратных сапожках. И волосы у нее оказались очень красивыми. В больнице они были, очевидно, заколоты вверх и не выбивались из-под шапочки, а теперь спадали светлыми волнами на спину и плечи.

— А можно Васю сюда позвать? Пусть с нами погуляет, воздухом подышит. Ему полезно.

— Конечно.

Нина не стала звонить по мобильнику, а пошла за сыном сама. Альберт Валентинович попытался освоить коляску, передвигая рычаги. А потом вдруг решил, что встать для него — вовсе и не проблема, что он может спокойно походить по этой тропке, опираясь, скажем, на палочку, либо на Нину с Васей, которые бежали к нему от больничного пандуса. Они вовремя подбежали — он уже привстал в кресле, покачнулся и рухнул прямо на протянутые Нинины руки. Вася удержал полы его куртки, чтобы они не запачкались — под листьями земля была сырая.

— Ну, что же вы, Альберт Валентинович! Разве так можно! Денька через два-три встанете спокойно, а сейчас рано, координация-то у вас после травмы нарушена! Надо потерпеть. Ложитесь, ложитесь ко мне на плечи, не стесняйтесь, сейчас опять сядем с вами, и все будет хорошо. Обнимите меня, мне будет так удобнее водворить вас на место. Вот так… Еще немного… И куда охранник подевался, за нами же шел!

Охранник появился тогда, когда Альберт Валентинович уже благополучно сидел в больничной коляске и довольно нелепо улыбался…

— Что с вами? У вас все в порядке?

— Да, Нина… А вы когда-нибудь видели степь?

— Вообще-то да…

— И море тюльпанов…

— Видела…

— А какой там ветер… Колышется ковыль…

— Седой.

— Седой. Это тут его красят и продают. А степь всегда овеяна печалью. Вот здесь поле пахнет донником, кипреем… Замечательный запах! А там, в степи — не запах даже… Там зов земли. Я это не раз ощутил на себе. И люди — те, в ком много благородства, достоинства, любви, — тоже наполняются этим ароматом… Неточное это сравнение! А точнее не могу подобрать.

— Степь окутывает человека. Я это ощутила. У нее свои объятия. Нежные и… терпкие.

— Вот-вот! Терпкие. Терпкий запах. Его невозможно забыть.

— Да и не надо его забывать! А давайте я вас подвезу вон к той березке. Там есть скамеечка, и мы с Васенькой посидим рядом.

Береза чуть слышно шумела над ними последними своими листьями, они отрывались от родной ветки, трепетали и падали, а он вспоминал, как в детстве учитель биологии восторгался его знаниями о насекомых, которых он любил безгранично. Только по чистой случайности он не стал биологом. И у этого мальчишки симптомы той же болезни, что и у него… И походка — не мальчишеская, а какая-то тяжеловатая, словно тащит он на себе непомерный груз... У него такая же походка. Стоп, стоп, о чем это он? Походка такая… Растет человек без отца, вот тебе и груз! А книжка эта про шмелей… Да ведь мало кто в детстве не увлекается такими вещами! И болезнь эта, полицитемия, которая у него, кстати, еще и не подтверждена — не такая уж редкость. И почему все это сразу вдруг пришло ему в голову? Да потому, что он обнял Нину, прижался к ней и ощутил этот едва уловимый, но такой настойчивый зов степей. Как тогда, в молодости… Тот же аромат…

Его холодное «я» подсказало, что не следует торопиться, надо не спеша во всем разобраться. Все потом, потом.

Он переломил себя и посмотрел на Нину и Васю другими глазами. Понимающими, но — холодными. Нина даже поежилась от его взгляда.

— Становится прохладно. Предлагаю вернуться в палату. — дрожащим голосом проговорила она.

— Конечно, Нина. Василий, помоги маме со мной справиться.

Мальчик деловито взялся за коляску, и они втроем добрались до палаты. Прямо на ее пороге Нину застал звонок мобильника. У Зои Алексеевны был к ней один, но очень странный вопрос.

— Ниночка, вы случайно не знаете, что такое Жужа Лиственная? Оба названия — с большой буквы.

— Жужа Лиственная? Первый раз слышу. А это растение или животное?

— Это название — на листочке, который сын Аллы Юрьевны нашел в ее письменном столе. И мы гадаем, что с этим делать. Может быть, кто-то в больнице произносил эти слова? А?

— Нет. Я бы запомнила. Нет!

И Нина быстро закончила разговор — ей надо было уложить Альберта Валентиновича в постель.

— Жужа… — задумчиво произнес он. — Есть такая река. Приток Москвы. А еще, я слышал, так называется какое-то растение.

— Эти два слова были найдены в бумагах Аллы Юрьевны. В ее письменном столе. И меня сейчас спросили, не произносил ли их кто-либо здесь. А вы не слышали?

— Нет. Я их ни от кого не слышал. Иначе бы запомнил.

Нина бережно накрыла больного одеялом, спросила, не холодно ли ему. И тут прозвучал ее неожиданный вопрос:

— А эта истинная полицитемия… Ну, болезнь крови… Она что, передается по наследству?

Он не ответил. Он отвернулся. Эти волны эмоций из прошлого… эта тяжеловесная походка мальчика… вновь заняли все пространство, и вновь поглотила его нежданная мысль, он даже шевельнул рукой, отодвигая ее — пусть мелькает где-то в других пределах. И не потому, что он к ней не готов. Просто она кажется ему уж больно нелепой…

Глава 11

Жужа Лиственная

— Сейчас мы эту вашу Жужку раскрутим по всем социальным сетям, — уверенно говорила Настя, пришедшая нам на помощь. — Уж мы ее, миленькую, расшифруем… Так… В классиках ее нет. Где же ты, Жужа, прячешься? В «Фейсбуке»? «Твиттере»? А, может, «ВКонтакте»? Электронный адрес-то у вашей подруги какой? Был?

— Аллюр, — сразу же ответила Зоя Алексеевна. — И еще какие-то цифры, не помню.

— Вот мы сейчас английскую буковку А везде и нажмем… Так… Пусто-пусто. Есть! «ВКонтакте» наша Жужа! О, да тут ее переписка с какой-то Ли-

гой! Обычно так выглядят чьи-то зашифрованные имена-отчества. Ну, вот как Аллюр. Скажем, Лидия… Берем две первые буквы… И приставляем к ним…

— Галактионовну! — выкрикнула Зоя Алексеевна. — Га! Ведь Морозова, артиста-то, зовут Галактион! Все-таки зацепка. Может, дочка его. Вторая. У него же две дочери!

— Ладно, сейчас переписку откроем и поймем, что к чему. Надеюсь. Ой, да тут и Аллюр ваша есть, — радостно произнесла Настя. — Вот, ей адресован вопрос от Жужи:

— Алла Юрьевна, правда ли, что именно в указанное время вы уехали в Верхнереченск? Если можете, сообщите все-таки дату своего отъезда. Для точности. Поверьте, нам это необходимо, мы кое-что восстанавливаем в своей жизни. Происходит сверка, так сказать, событий. Их переосмысление.

Ответ не замедлил себя ждать. Аллюр тут же указала не только требуемую дату, но и время своего отъезда. Надо же, она помнила это столько лет! Жужа заметила, что у нее прекрасная память. Мы были с ней согласны. И еще нам стало очевидно, что Алла знала, кто такая эта Жужа. Что она имела прямое отношение к тому человеку, который так горячо ухаживал за Аллочкой в театре. Больше-то она ни от кого не сбегала! Но зачем было восстанавливать по дням и часам эти события? Аллюр явно проявила неосторожность.

В ворохе переписок мы нашли еще один вопрос от Жужи:

— А знал ли ваш ухажер о том, что вы решили покинуть его навсегда? Или все-таки он строил планы вашей совместной жизни?

Интересно, чего эта Жужа так копается в прошлом?

Ответ нашей Аллы был неоднозначен:

— Не знаю. Не мне судить. В вихре эмоций и всего, что на меня тогда обрушилось, я спасала себя. В один день рассчиталась и — вон из города! Чтобы жизнь — с чистого листа!

Переписка Жужи и Лиги оказалась тоже не очень-то конкретной.

Жужа:

Да это я, Линочка, я. Просто сменила имя. Мне все время кажется, что кто-то может за нами наблюдать. Прежнюю переписку всю уничтожила. Получила ответ из органов. Он подтверждает прежние. Ничего нового. Но она снится мне живая! Понимаешь?

Лига:

А ты спроси во сне, где нам ее искать. Сейчас сны, я читала, можно заказывать заранее. Я тоже буду стараться. Хотя в твое утверждение не верю. Только если она инвалид, и чтобы не быть обузой…

Жужа:

Все может быть. Он говорит сейчас о новой жизни… Путает прошлое с настоящим. Смотрит на меня и произносит как заведенный: «У вас будет новая мама. Она согласна»! Спроси у этой сучки, соглашалась она или нет. Это очень важно.

Лига:

Да, пожалуй, это самое важное в ее дальнейшей судьбе.

Жужа:

Что ты имеешь в виду?

Лига:

Разве я смогу вынести, чтобы на одной земле со мной спокойно и даже уверенно ходила эта змея подколодная?

Жужа:

Но ведь она, очевидно, ничего не знает!

Лига:

А это ее проблема. На том свете узнает!

Жужа:

Прошу тебя — успокойся. Не делай резких движений. Вот куда ты собралась? Что за вираж такой?

Лига:

К ней под крылышко.

Жужа:

Где-то читала выражение — крылья-то ей пообрезаем…

Лига:

Непременно пообрезаем! Ну, всего!

Переписка Жужи с Лигой была несколько раньше, чем с Аллой Юрьевной. И, в общем-то, нам это давало многое. Совсем нетрудно было догадаться, что Жужа и Лига — дочери того самого артиста, который стоял перед Аллой на коленях. Они узнали сейчас про тот отцовский порыв и ищут виноватых. А что виноват их дорогой папочка — про это они думать не хотят. Но ведь должны же эти дамы понимать — Алла поступила честно. Узнав, что у ее ухажера есть семья, ушла с дороги, уехала! Пожертвовала, может быть, своей артистической карьерой, но уехала! Дескать, живи,

семья, радуйся! А они обвинили Аллу в трагедии матери. Но ведь это нелепо. Женщина могла исчезнуть по разным причинам. Ее могли убить. Она могла случайно оказаться в критической ситуации, из которой сложно было выбраться. Могла просто уехать в другой город, а там, скажем, попасть под машину и потерять память! Она, в конце концов, могла приобрести себе новый паспорт и исчезнуть по собственной воле! В знак протеста против настроя мужа развестись! Только вот сам этот муж был намного старше нашей Аллюр и решение о разводе, думаю, принял бы лишь в одном случае — если его новая любовь дала бы согласие связать с ним свою жизнь. Вот почему эти Жужа и Лига так упорно добивались, что явилось причиной поспешного отъезда Аллы — благородство, либо она просто вильнула хвостом и, предвидя жизнь хлопотную, требующую самоотдачи, кинула их батюшку, заслуженного-перезаслуженного, но так и не научившегося сдерживать себя перед женской красотой и обаянием?

Поняли мы все это, поняли! Но представить, что кто-то из дочерей пробрался в больницу и вот так запросто отправил на тот свет нашу Аллу, никак не могли. Одна и та же догадка пришла в голову сразу нам троим — а не действия ли это пропавшей без вести? Ведь иные пропавшие, но не умершие имеют шансы когда-нибудь все-таки найтись и, узнав, кто им так круто изменил жизнь, рассчитаться со своим обидчиком. А уж пять лет прошло или пятьдесят, это для некоторых и значения-то никакого не имеет.

Только не появлялась в больнице пожилая женщина, такая же, как Аллюр, или старше. Не появлялась!

А что, если действовал киллер? Если кто-то из дочерей, либо исчезнувшая мать банально наняли убийцу?

Мы говорили об этом долго, анализировали различные нюансы, но чем дальше, тем больше нам казалось, что мы уже чувствуем запах нафталина, которым присыпают старые вещи, чтобы их не поела моль. Да и сами мы были похожи на эту моль. Зациклились на одном, и ни с места! Что в таких случаях говорила моя замечательная подруга, лучший частный сыщик Валентина Орлова? Оставить все и начать с самого начала! Взглянуть на проблему и все обстоятельства совершенно по-новому! А если проблем несколько, взяться за другую. И мы решили, что так и сделаем.

Но каждый из нас в тот день вновь и вновь возвращался к открытой нами компьютерной переписке. Конечно же, не одна я вспомнила рассказ Нины о том, что Лина шипела на Аллу Юрьевну как змея… То есть, нет, кажется, она сказала, что обе шипели друг на друга как змеи. Надо

уточнить. И попросить у Сержа всю биографию этой Лины. Где родилась, крестилась, училась, жила, работала. И когда на ее пути появилась Алла Юрьевна. При каких обстоятельствах пересеклись их интересы. Кстати, если и Аллюр шипела на Лину, следовательно, знала, что та заслуживает такого к себе отношения. Очевидно, они что-то выяснили друг о друге. Просто не успели нам об этом сказать.

Очень, очень часто со мной так бывало — вертится в голове какое-то слово, выражение, а я и не знаю, к чему его приложить, — все это кажется таким бессмысленным! А потом оказывается, что именно оно и является ключом к разгадке. Я шла к себе домой, а в голове настойчиво звучало: «Лина Алле в дочери годится»! Эта фраза прямо торчала из вороха моих мыслей, надеясь, что за нее ухватятся и вытащат на свет божий. Я и вытащила. Не помню уж, кто ее произнес. Может, я сама. Но, зная об особенности своей памяти — подбрасывать в мои размышления самое необходимое на данный момент, — я призадумалась. Однако Лина — это не Каролина. Алла Юрьевна точно знала имя младшей дочери своего артиста. И отчество Георгиевна — это далеко не Галактионовна. У нас там есть одна Галактионовна — медсестра Кира, которая была в отделении в день и час убийства. Но, извините, она годится Аллюр во внучки, если не в правнучки. И ее очень хорошо знает Зоя Алексеевна. Вот другая сестричка, Аля, Альбина Георгиевна — та намного старше.

Проходя мимо больницы, рядом с которой была нужная мне автобусная остановка, я увидела Киру. Она явно спешила. Интересно, куда. Я спросила ее об этом, ведь сейчас мне все казалось подозрительным.

— Так к Зое Алексеевне! Хочу поделиться некоторыми размышлениями.

— Как там наш больной депутат?

— Гулял сегодня с Ниной. Она сынишку своего привела, к врачу они ходили. Мне почему-то показалось, что не очень это ему понравилось.

— А что у Нины с сыном? Я знаю, что болен, но чем — не спросила.

— К гематологу они ходили. С кровью что-то. Но уж, конечно, не заразное. А он какой-то озабоченный. Я этих людей из высших-то сфер не очень понимаю.

Кира помялась немного около меня, словно не решаясь что-то сказать, а именно в это время подходил мой автобус. Я его пропустила, потому что задала ей вопрос — с чем она идет к Зое Алексеевне?

— А с пирожками для бабушки! — вдруг ответила она со смехом. — Не верите? У нас сегодня такие шикарные пирожки с капустой были, что я выпросила в столовой. Обменяла кое на что. И вот, несу. А если серьезно, меня Аля очень беспокоит. И не знаю, к кому обратиться. Вот с «мисс Марпл» и хочу посоветоваться.

— Чем беспокоит-то?

— Да плачет все время. Никогда раньше я за ней такого не замечала. Плачет и молится. Плачет и молится. Иконки в сестринскую комнату принесла разные. И Господь у нас там теперь, и Богоматерь, и святые — Николай, Серафим, Спиридон, Матрона, Ксения… Кто-то еще… Женщина со стрелами изображена. Якобы плохих людей через наш порог не пустит. И так она переменилась после наших убийств. Сразу.

— И почему, как вы думаете?

— Она очень восприимчивая, тонкая натура. Хотя в жизни ей досталось. Вечная нехватка всего. Она рано из дома уехала, рассказывала как-то, а потом ее родителям уже не до дочери было, своим чем-то занялись. Знаете, как бывает. Может, еще одно дите родили, я не уточняла. Так что теперь у нас в отделении — реки слез!

— Ну, одна река-то, — заметила я.

— Нет! Реки! Сестра-хозяйка наша — тоже навзрыд! Рыдает!

— А у нее что?

— Да тетя померла московская, квартиру оставила хорошую. Одинокая была, трое племянников. Наша-то думала, что продадут они квартиру, разделят все на троих. А — фигушки! Ее сестрица давно все на себя оформила, квартирантов туда пустила, и знать никого не знает! Да еще обвинила сестру-хозяйку, что та награды какие-то у тетки украла. Словом, полный песец!

Что ж, бывает. Я быстро распрощалась с Кирой и нырнула в подошедший автобус — сколько можно их пропускать! Зое Алексеевне предстоит беспокойный вечер. Впрочем, она это любит. А у меня, как я думала, вечер

будет спокойный. Как бы не так! Оказалось, что дома меня ждала Настя, с которой мы расстались всего несколько часов назад.

— А я — с новостью, — известила она меня. — С такой, что даже по телефону сказать не решилась. Думаю, что наши телефоны прослушиваются. Знаешь, ты ведь до сих пор не задала мне очень важный вопрос. Вот какой. Еще там, в больнице, ну, когда ты познакомилась с Ниной, я сказала тебе, что попала туда после интервью с Волшебником. Помнишь?

— Помню.

— Но ты не спросила меня, почему!

— А почему?

— А потому, что у меня был стресс! Нервный срыв! Когда я вышла из комнаты, где он ведет прием избирателей, и пошла по коридору, меня подхватили под руки. Двое. Приличные с виду и даже симпатичные мужчины. Они четко и ясно объяснили мне, чего я не должна касаться в интервью. И взяли с меня слово. И дали понять, что иначе будет очень, очень плохо.

— Это кто был-то? Фээсбэшники или бандюганы?

— Вторые, думаю. Первые меня знают. И мы их тоже. Я не раз их задания выполняла.

— Ну, так ты не коснулась того, чего не надо было?

— Не коснулась.

— И в полицию не обратилась?

— Не обратилась. А вот сейчас, когда от Зои шла, снова их встретила. Или они меня. Сказали, чтобы я о сыне думала. И о муже. Я им говорю — не понимаю, мол, о чем вы! А они мне под нос — газетку районную тычут, не нашу. А там черным по белому — как один депутат, предполагаемый соперник Волшебника на будущих выборах губернаторов, убил в молодости другого соперника — ухажера своей девушки. То есть было сказано, что на пост губернатора, возможно, будет баллотироваться убийца!

— А ты про это знала?

— Нет!

— А тогда чего ты не должна была касаться в интервью?

— Я не должна была называть имен предполагаемых соперников Волшебника, хотя и знала их. И убийцы — тоже. Да и многие знали. Никто это в секрете не держал. Так вот, эти двое думают, что я причастна к публикации.

— Но ведь ты непричастна! Нет, я думаю, кто бы ни были эти двое, они начнут работать с автором статьи об убийстве. Там автор есть?

— Автор? Так я и есть автор! Главного-то и не сказала! Какой-то хрен поставил под этим криминалом мою подпись! Я этим двоим сказала, что ни сном ни духом… Что сама разберусь…

— А почему ты-то должна разбираться?

— Потому, что якобы это все из-за меня! Якобы за мной ухаживали двое, один убил другого…

— Настя, ну этого же не было!

— Ну, это… почти было. Просто я никогда не рассказывала. Даже муж не знает. А они вот узнали и решили опередить события. А кто-то подставил мне подножку в виде этой статьи. А, кстати, не для того ли, чтобы отвлечь наше внимание от больничных происшествий? Ох, да я, верно, опять попаду в больницу! Наверное, так и лучше, безопаснее!

Ага. Особенно если учесть, что именно в больнице произошла трагедия, над которой мы ломаем голову. А что, если она связана с тем давним случаем и, как следствие, с Альбертом Валентиновичем? Если действительно покушались на его жизнь?

В этот же вечер мы узнали, что «герой» нашумевшей статьи возглавляет сейчас небольшую строительную фирму, что ранее он был депутатом областной думы и пользовался большим уважением избирателей. Считается, что в молодости он был замешан в какой-то драке, во время которой убили человека, однако ему лично обвинений в этом никто не предъявлял. Ходили также слухи, что он был влюблен в девушку и вызвал своего соперника на дуэль. Одни говорили, что она состоялась, и кто-то из них был ранен, другие утверждали, что все кончилось примирением, а девушка вышла замуж за кого-то третьего. Было ясно, что эта публикация будущему кандидату в какие-то органы власти, если он на это решится, вреда не принесет, а известности — пожалуй. Не зря его помощники грозят редакции судом и всячески раздувают информацию об этой статье.

Что ж, по всей вероятности, Насте действительно ничего не угрожает. И все же…

Интересно, а как отнесется ко всему этому Волшебник? Он — настоящий боец на избирательном фронте, знает, кто чего стоит и кто чего хочет. И, наверное, поймет, не он ли являлся мишенью убийцы в тот трагический день?

Глава 12

Шаги к спасению

— Извините. Нас не хотели к вам пускать. Но главврач… Он разделяет наши взгляды и уговорил охрану. Дело в том, что мы уже не раз пытались к вам попасть. Не получилось. Мы ждали, когда вы поправитесь. Узнали, что сегодня у вас было деловое совещание, значит, можно. Вот и пришли. Да вы не морщитесь, мы не сексуальные меньшинства.

Альберт Валентинович с любопытством смотрел на этих совсем еще молодых ребят, озабоченных — интересно, чем?

— Мы — движение ОВП. Организация всемирного правительства. Меня зовут Андрей. Понимаете, сейчас нет и не должно быть главнее задачи — ремонтировать нашу планету. Она стала непригодной для жизни. Ее изранили войнами, испытаниями всех видов оружия. И это безумие продолжается! Его никто не пытается остановить! Вот мы и решили посвятить этому жизнь.

— Планету лишили ее легких — вырубаются леса. Тупо и безжалостно, — подхватил эстафету другой паренек, представившийся Александром. — Уничтожаются реки. Они превращаются в промышленные и канализационные стоки.

— А я — Сергей. Жизнь на земле становится все сложнее и страшнее, бесконечные конфликты приводят к стрессам. Отсюда — землетрясения, смерчи, извержения вулканов. Аварии на суше, на море и в

воздухе. Сейчас они происходят каждый день. Человеческие жертвы неисчислимы.

Альберту Валентиновичу нравилось все, что говорили эти ребята. Он и сам не раз утверждал, что уважение и любовь к Матери-Земле должны воспитываться с детства, это — часть жизни каждого человека, если не вся жизнь. Общество давно отошло от главного, погрязло в трясине войн, непонимания, в политических, религиозных распрях. Он не знает, какой есть выход, как изменить ситуацию. А вот они, эти овэпэшники, видимо, знают. Или им кажется, что знают. Самое главное — Альберт Валентинович был совершенно уверен, что мир обязательно придет к этому самому всемирному правительству — если до спасительного шага не уничтожит сам себя. А уничтожить вполне может. Все к этому идет. Эти ребята — на волне реального политического шага, осуществление которого откроет человечеству ничтожность, тупость и беспомощность многих властолюбивых правителей. Надо, надо поддержать их. Додумались ведь, молодцы!

Последние слова он сказал им вслух, и юноши улыбнулись. Они рассказали о себе — студенты московских вузов, в их движении участвуют сотни человек. Увы, пока не тысячи. Альберт Валентинович пообещал, что подумает и обязательно посоветуется со своими помощниками. Кстати, они еще тут, в больнице, навещают его водителя и женщину — координатора предвыборного штаба. Он, не колеблясь, позвонил своим верным рыцарям, которые действительно еще были в больнице, и вновь позвал их к себе.

В первые же минуты выяснилось, что эти ребята и его помощники знакомы, неплохо знают друг друга. Радетелей за всемирное правительство попросили побыть в коридоре, плотно закрыли дверь, и один из помощников заговорил:

— Альберт Валентинович… Не хотели вас беспокоить. Это совсем некстати в вашем состоянии. Нет, нет, не подумайте, ничего важного. Просто… Наш «строитель» — так они между собой называли одного из серьезных политических соперников Волшебника — развернул странную кампанию. Ну, чтобы у всех на виду быть. Чтоб не забыли. Статейка подметная появилась, что якобы он кого-то убил в молодости… А поскольку человек он не старый, то не так уж и давно…

— Статейка с тобой?

— Да. Вот, пожалуйста.

Альберт Валентинович внимательно прочел ее и спросил:

— И чего он хочет, как думаете?

— Быть на слуху. Чтобы его пожалели. Чтобы все говорили — какая несправедливость, человек строит дома, дает бесплатно квартиры бедным, обе-

здоленным, а врагам это не нравится, и они стараются облить его грязью!

— В таком случае нужна серия статей с другим содержанием! Или откликов читателей. А тогда действительно кого-то убили?

— Убили. В драке. Кто виноват, неясно. А отклики эти организуют, вот увидите. И нам нужно продумать контрудар. Вот я этих борцов за всемирное благоденствие и хочу использовать… Сделать этакий коктейль… Патриотизм, чистота помыслов, забота о благе всех жителей земли, а в итоге — рождение нового человека!

— Рождение нового человека, — с удовольствием повторил Альберт Валентинович. — В этом есть что-то всеобъемлющее…

— Вот именно! Вкупе с всемирным правительством звучит замечательно! Не штампованно!

— Вкупе… В купе…

Он сделал ударение сначала на первом, потом на втором слоге, и какая-то неясная мысль пронеслась в голове и тут же исчезла.

— Так вот, — между тем продолжал помощник, — мы не будем ничего замечать. Ни во что ввязываться. Пусть они там щебечут что хотят. Нам надо в первую очередь все-таки изучить вопрос. Посмотреть, что там была за драка с этим нашим «строителем», и не взялся ли он за старое. Тогда устранял соперника в любви, сейчас — соперника в политике. Может, машина-то ваша пострадала по его плану? Не поймали ведь нарушителя правил дорожного движения! Не нашли!

Что ж, Альберт Валентинович этого не исключал. Но попросил своих помощников не лезть на рожон, не участвовать ни в каких спорах на эти темы, а тихо и мирно последить за действиями «строителя», за его окружением, чтобы узнать, понять намерения противоборствующей стороны. Собственно, и борьба-то пока негласная. Не борьба, а соперничество за авторитет у избирателей. Будущих.

Появилась Нина — румяная, запыхавшаяся.

— Ну, вы тут не очень без меня… страдали?

— Как раз, Ниночка, только что закончили обсуждение всех дел. Угадали к вашему приходу, — отрапортовал помощник и удалился вместе со своими коллегами.

Нина стала поправлять постель больного, а он вдруг взял ее за руку и тихо, но очень настойчиво спросил:

— Какое отчество у вашего сына? Василий…

— Альбертович.

— Это мне о чем-то должно говорить?

— Знаете, в те годы, когда мы с вами родились, очень многих мальчиков называли Аликами. У меня в классе Аликов было сразу три…

— И все-таки — это мне о чем-то должно говорить?

— Мне не нравится ваш вопрос!

— А мне не нравится, что вы уходите от ответа.

— Возможно…

— Что — возможно? Что уходите от ответа?

— Нет. О чем-то должно говорить.

— Я что-то должен вспомнить? Но я ничего такого не помню! Поймите, я далек от поэзии и всяких там воздыханий. Я просто другой человек. Или вы говорите мне все, что я должен знать. Или…

— Или.

— Почему?

— Я боюсь.

— Чего? Кого?

— Вас.

— Но почему?

— Потому, что когда-то я совершила поступок, который мог изменить вашу жизнь. Но вы об этом не знали.

— Следовательно, мы с вами встречались…

— Да. Мы с вами танцевали. Танго. Танго в купе.

— Аргентинское? — почему-то спросил он.

— Кажется, да…

Он много слышал о том, как человек может попасть в свое прошлое. Знатоки утверждали, что это, в общем-то, довольно просто, надо только настроить свой мозг на что-то конкретное и тогда настоящее время как бы отодвинется, уступая место тому, другому, которое они отсчитывали тогда под стук вагонных колес…

— А я ведь уже могу не только стоять, но и ходить. Сегодня попробовал без вас — получилось. Не шатает, не заносит в стороны. Значит, и танго у нас с вами получится. Вы не помните ту мелодию? Напойте, прошу!

В этом «прошу» была и просьба петь, и приглашение на танец. Она сняла белый халат и осталась в вязаном хлопчатобумажном костюмчике, который купила совсем недавно. И купила-то ведь потому, что он напомнил ей тот костюм, в котором она села тогда в поезд… Он обнял ее за талию. Она положила руку ему на плечо. И запела. Просто, без слов — та-та-та, та-та-та-та-та-та! Он сделал несколько шагов на нее, она прогнулась, опираясь на его руку, он склонился над ней и вновь почувствовал тот степной аромат, вольный воздух, который пьянит, усыпляет и заставляет человека делать немало такого, о чем он потом может и пожалеть, ибо подвластен чувству, а не рассудку. Словно ветер на своих крыльях принес этот запах. И разве мог он в этот миг не поцеловать Нину, как тогда, в поезде, на верхней полке купе, которое на одну счастливую ночь стало их прибежищем. Его знакомый актер называл такое состояние памятью эмоциональных чувств. Поцелуй длился долго. Потом Нина села на стул рядом с кроватью, раскрасневшаяся, с распущенными волосами — шапочка слетела, заколка вырвалась и упала. От пережитого движения стали неловкими, она с трудом натянула на себя халат и стала подтыкать простыню на кровати — та выбилась из-под матраца. Он сел на койку совсем рядом с ней, остановил ее сновавшие туда-сюда руки, сжал их в своих.

— А прекрасная была тогда ночь, правда? Помнишь, в окно смотрели — луна какая яркая светила. А звезды! Как в сказке!

— В степи всегда яркие звезды. Так вы меня вспомнили…

— Нет. Повтори за мной — ты меня вспомнил.

— Ты меня вспомнил.

— А Васенька…

— Да. У нас с мужем не было детей. И он обрадовался. Не упрекал никогда. Но муж умер. Мы с Васяткой одни.

— Теперь не одни. Господи, жизнь-то как повернулась! Да разве можно мне теперь болеть? Лежу

тут как чурка с глазами, а мой сын там один дома. А ты почему его одного оставила?

— Чтобы за тобой ухаживать. Я ведь только на днях узнала, кто отец моего ребенка. Только имя известно-то было — Алик. Нашла Наташу, писательницу, случайно в Москве увидела. Она тогда с нами в одном купе ехала, на нижней полке. Она и назвала мне фамилию. Я и подумать не могла… Они с Настей, журналисткой, подругой своей, помогли мне сюда устроиться, чтобы с тобой рядом быть.

Что-то екнуло в глубине души. Что-то там заколебалось, заколыхалось. Анастасия. В прошлом она была связана со «строителем». Уж не подстроена ли эта его встреча с Ниной? Планы соперника порой трудно предугадать, еще труднее бывает найти в них хоть какую-то логику!

Он испытующе посмотрел на Нину. Ее доверчивый взгляд пронзил его насквозь. Нет, нет, она не способна на пакость. Он улыбнулся и сказал фразу, которую много раз перед какими-то решительными действиями повторял как заклятие:

— Все будет хорошо!

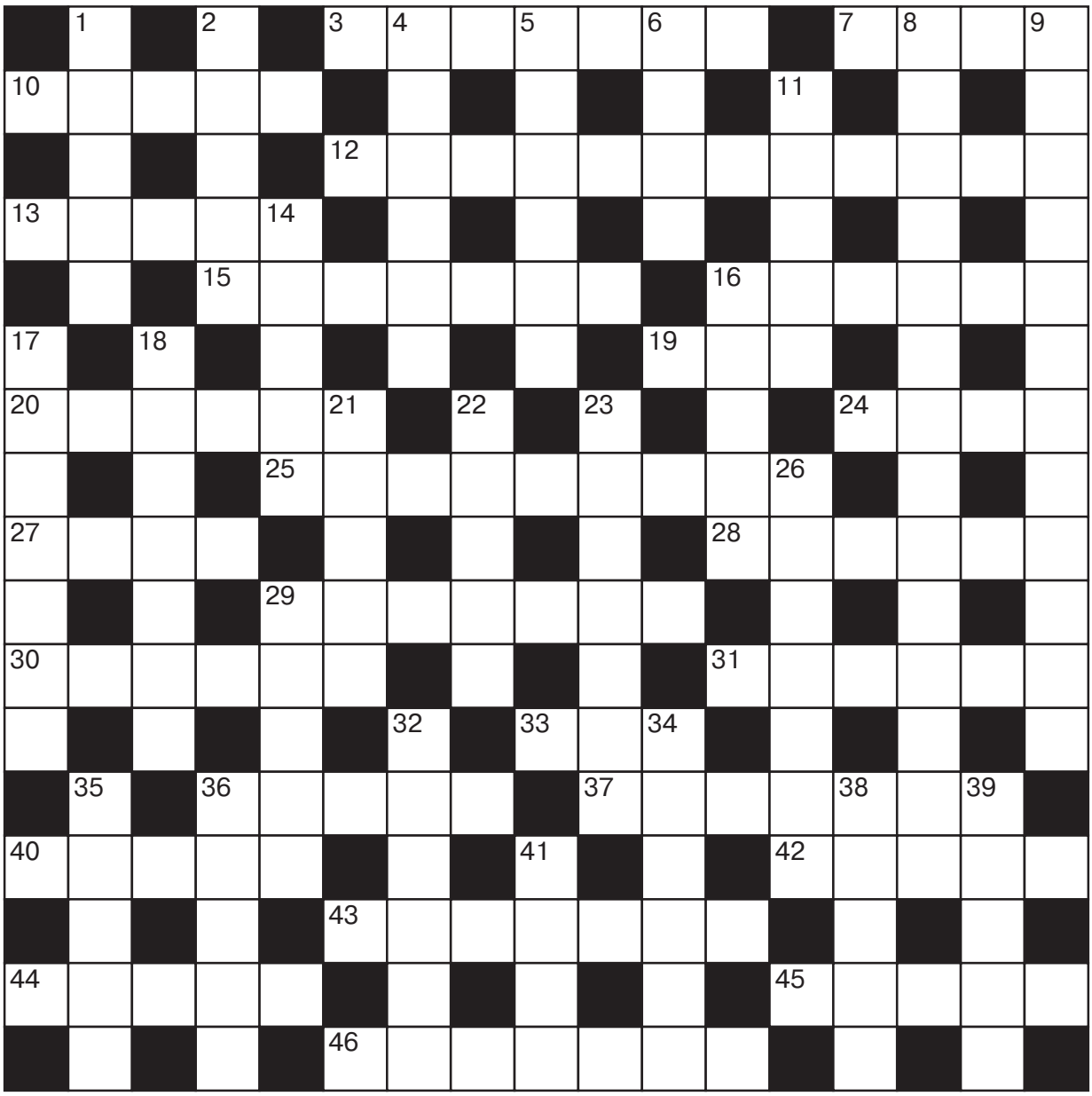
И она улыбнулась в ответ.

А когда Нина вышла на несколько минут, он позвонил своему помощнику и попросил организовать более тщательную слежку за «строителем». А еще сообщил, что ему срочно надо будет провести генетическую экспертизу. Какую? Это он скажет завтра же при встрече. И чтобы — никакой утечки информации!

Он верил Нине. Но привык к тому, что любая политика строится на документах, проверках, доказательствах. Просто слова, не подкрепленные нужными и весомыми бумагами, для него давно не имеют никакого значения. Эта привычка уже приросла к нему, и он не видел ничего оскорбительного в том, что Нина и Васенька будут принесены ей в жертву… ❑

Окончание следует.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Напиток бессмертия» в алхимии. **7.** Неотъемлемый элемент комнатного интерьера, который в старину приколачивали, а теперь приклеивают. **10.** Шапочный материал. **12.** Шум успеха. **13.** Какое удобрение некая хабаровская фирма предлагает под различными марками «По-домашнему», «Экстра», «Люкс», «Буденовский сюрприз», «Нежность» и «Полет»? **15.** Банная обувь. **16.** Новая пчелиная семья. **19.** Краска, чтобы порыжеть. **20.** «Поставь ... ребром, и это выйдет тебе боком». **24.** Усыпляющий кот. **25.** Ягода, из-за которой был

открыт дальтонизм. **27.** «Этот ..., быть может, где-то вдали мы не однажды вспомним». **28.** Жало дрели. **29.** Счетовод из «Кабачка «13 стульев». **30.** Прирученные весы. **31.** Его можно передать знакомому, но только на словах. **33.** «Татарский гуляш». **36.** Стрелец из сказки Леонида Филатова. **37.** «Богатство» Хозяйки Медной горы у Павла Бажова. **40.** Шоколад на теле. **42.** Виртуальный агрессор. **43.** Народ, чьи мужчины первыми стали носить высокие каблуки, чтобы нога не выскальзывала из стремени. **44.** Партнер по коммуналке. **45.** «Люди рады лету, а ... цвету». **46.** «Рыцарская поэма».

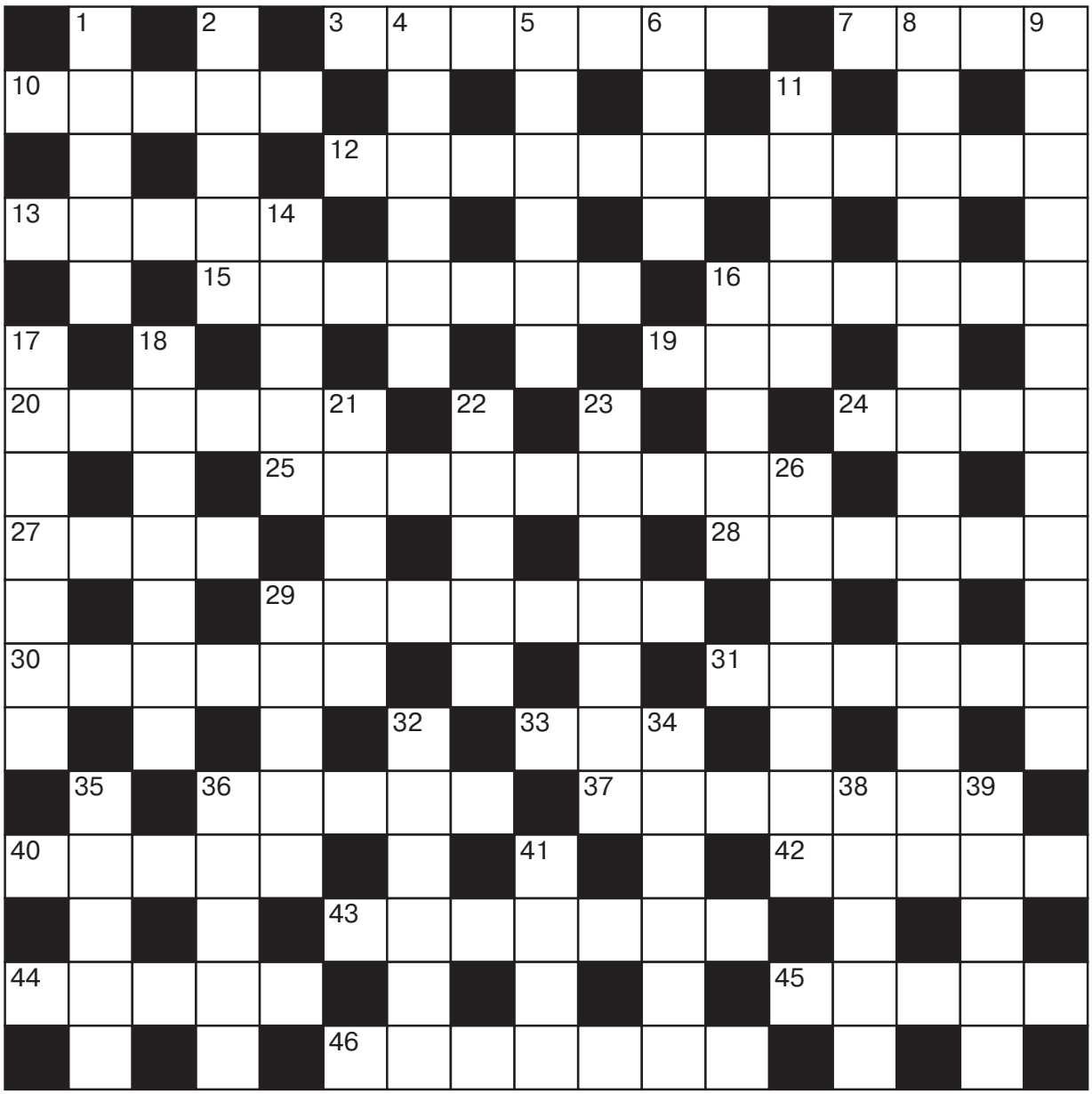
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Претендент на улов. **2.** «Ничто так не снимает сонливость, как чашечка горячего кофе, вылитого на ...». **4.** «Наколенный» компьютер. **5.** Что заставляет подпрыгивать учителя на стуле? **6.** Какая конфета «на зубах вязнет»? **8.** Топливный автомобиль. **9.** Вот, какую строчку мы нашли у Константина Бальмонта: «Я — ... русской медлительной речи». **11.** Брожение в низах. **14.** Работа импортера. **16.** Какой камень весьма благотворно влияет на почки? **17.** Праздник на даче из фильма «Небеса обетованные». **18.** Великий философ, зарабатывавший себе на жизнь шлифовкой линз. **21.** Шпионский фильм «Мертвый ...» с Донатасом Банионисом. **22.** Имитация любви с первого взгляда. **23.** Выпендреж «бомонда ради». **26.** Лидер рапповцев, расстрелянный по обвинению в троцкистском заговоре. **29.** «И каждый ... сразу станет удивительно хорош». **32.** Какая марка японских автомобилей вырулила на мировой рынок благодаря по-пулярности Джеймса Бонда? **34.** «Чужие драмы всегда невыносимо банальны» (король парадоксов). **35.** «Меланхолический инструмент» из «Почерка Леонардо» Дины Рубиной. **36.** «Эстафетная палочка» олимпийского огня. **38.** От какого супа отказалась киношная «кавказская пленница»? **39.** «Славянский Леонардо да Винчи». **41.** Закон Майлса гласит: «... зрения зависит от занимаемого места».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Сахар. **7.** Дюна. **10.** Фамусов. **12.** Биатлонист. **13.** Бунгало. **14.** «Марсельеза». **15.** Таиланд. **17.** Антихрист. **20.** Сосед. **23.** Квест. **24.** Рерих. **25.** Полис. **28.** Тезис. **29.** Фронт. **30.** Квикстеп. **32.** Оптимум. **35.** Станок. **37.** Орли. **38.** Проректор. **41.** Ирис. **42.** Арканзас. **43.** Флинт. **44.** Адам. **45.** Мопассан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сатуратор. **2.** Бухгалтер. **3.** Пошлина. **5.** Авитаминоз. **6.** Автосервис. **8.** Юпитер. **9.** Астрал. **11.** Моллюск. **16.** Дно. **18.** Тверь. **19.** Ясень. **21.** Семирамида. **22.** Диаскоп. **25.** Пепперони. **26.** Лисичка. **27.** Акустика. **28.** Тео. **31.** Жучок. **33.** Кризис. **34.** Никсон. **36.** Кроль. **39.** Трио. **40.** Рама.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Курфюрст, основавший старейший в Германии университет. **7.** Немецкий композитор, кто ввел в обиход современную дирижерскую палочку. **10.** Какое холодное оружие происходит от крестьянской косы? **12.** Остров чародеев, на котором побывал во время одного из своих путешествий Лемюэль Гулливер. **13.** Свадебный налог на Руси называли «новоженный ...» **15.** Какому полководцу приходилась правнучкой супруга Петра Столыпина? **16.** Учитель Платона по математике и его ученик в области философии. **19.** Шотландский барон. **20.** Каждая из широтных полос, на которые древние греки делили

Землю. **24.** Десять миллионов рупий. **25.** Какой скат остановил сердце легендарного телеведущего Стива Ирвина? **27.** Что в 1250 году изобрел Роджер Бэкон? **28.** Венесуэлський танец. **29.**Мужское имя Христофор из уст поляков. **30.** Соленая лепешка у узбеков. **31.** Кельтский бог с чашей в одной руке и молотом в другой. **33.** Первая норвежская королева после отделения страны от Швеции. **36.** Пост накануне Пурима. **37.** Человек, со скоростью которого сопоставима быстрота Гольфстрима. **40.** Подлинная фамилия певца Элтона Джона. **42.** К какой колдунье индусы в случае необходимости обращаются? **43.** «Подметание пола» носком при исполнении танго. **44.** Чайная церемония, в которой участвуют, как правило, не более пяти человек. **45.** Черпалка на золотых приисках. **46.** Душеприказчик Чарльза Диккенса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шхуна английских рыбаков. **2.** Лучшая порода на говяжьи стейки. **4.** Кто придумал линолеум? **5.** Палевое платье из рассказа «Бонза» Александра Куприна. **6.** Срочная сделка. **8.** Какое соединение используют для полной жидкостной вентиляции? **9.** Что процветало в древнем крымском городе Солдайя? **11.** Норвежский классик, работавший аптекарем. **14.** Ковер из Дагестана. **16.** Мексиканский сандвич. **17.** На какой гитаре играет героиня фильма «В джазе только девушки»? **18.** Духовный лидер в тибетском буддизме. **21.** Космос между каменным небом и обитаемой землей в иранских мифах. **22.** Овальное зеркало, чей наклон можно менять. **23.** Какой украинский город знаменит своими ведьмами? **26.** Кто из русских ученых первым применил методы психотерапии для лечения заикания? **29.** Вышивальный шов. **32.** Музыкальное перетекание звуков. **34.** Первенец Айседоры Дункан. **35.** Шелк на абажуры. **36.** На берегах какой реки родился великий Уильям Шекспир? **38.** Японская национальная кофта. **39.** Адыгейский пир. **41.** Рыболовная снасть на треску.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Тассо. **7.** Лудд. **10.** Колибри. **12.** Обираловка. **13.** Коломбо. **14.** Единодушие. **15.** Бакелит. **17.** Конкубина. **20.** Литта. **23.** Гримм. **24.** Карпо. **25.** Старк. **28.** Струг. **29.** Ктырь. **30.** Акуакуар. **32.** Малфред. **35.** Фирнис. **37.** Форд. **38.** Флабеллум. **41.** Лувр. **42.** Дилижанс. **43.** Шварт. **44.** Туак. **45.** Банкнота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Полосатик. **2.** Кинотеатр. **3.** Трубник. **5.** Амбидекстр. **6.** Стриндберг. **8.** Урваши. **9.** Диагем. **11.** Слединг. **16.** Тор. **18.** Ариту. **19.** Смерч. **21.** «Татуировка». **22.** Апокриф. **25.** Страсберг. **26.** Аутфилд. **27.** Сарфалат. **28.** Сам. **31.** Регул. **33.** Бораго. **34.** Эдесса. **36.** Слива. **39.** Липа. **40.** Миск.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2014 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс Ю9406** — только для подписчиков Республики Крым и г. Севастополя. Оформление подписки в том числе и через Специальный выпуск подписного каталога. Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

14006
9 770131 665607

смена №7, 2014

Промышленники, меценаты, аристократы — все это о роде Строгановых, единственной в своем роде династии российских предпринимателей. Еще в допетровскую эпоху благодаря своему неслыханному богатству они занимали почетное место среди самых знатных семей, приближенных к трону, и обладали невероятным влиянием в Русском государстве, сумев «выбиться в люди» еще до Петра Великого. Позже, будучи уже среди дворянских родов, династия Строгановых выделялась своими заслугами, которые многократно отмечались в жалованных грамотах и «милостивых рескриптах».

Светлана **Бестужева-Лада**
«Промышленники, меценаты, аристократы…»

В помпезное здание витебского областного НКВД вошел человек с дорожным саквояжем и, пройдя в кабинет начальника следственного отдела, представился: «Помощник прокурора республики Михаил Александрович Минкин». Именно ему пришлось возглавлять расследование убийства, весть о котором уже докатилась до столицы. А жертвой чудовищного, изуверского убийства был заслуженный художник Белоруссии Иегуда Пэн…

Александр **Аннин** «Незримая коллекция художника Пэна»

В 1936 году Советский Союз готовился к Всемирной выставке «Искусство, техника и современная жизнь», которая проходила в Париже. Авторство советского павильона принадлежало Борису Иофану, и именно он придумал увенчать многоступенчатый павильон огромной скульптурой, символизирующей единство рабочего и крестьянского движения в Советском Союзе. Конкурс на лучший проект выиграла Вера Мухина. «Рабочего и колхозницу» ждал триумф. Парижанам так понравилась мухинская скульптура, что они просили оставить ее в Париже. Однако знаменитой паре уже было уготовано место — перед ВДНХ…

Евгения **Гордиенко** «Вылепившая свою жизнь»

Триллер Дарьи **Булатниковой** «Капля огня»

Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Танго в купе»

смена
№6 июнь 2014